

Годъ III.

Ноябрь (Novembre).

1901 г.

Сибирскій
НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ)

Книга II.

ТОМСКЪ.
Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

Содержаніе.

стр.

I. Приангарскій край въ этнографическомъ отношеніи (окончаніе) <i>Н. В. Скорякова</i>	1
II. Тайна Акима Акимыча. (Фантастическая быль) <i>Сибиряка</i>	13
III. Изъ міра грезъ, стихотвореніе <i>Пав.—лова</i>	22
IV. Матеріалы для исторіи г. Томска, <i>А. М. Серебряникова</i>	23
V. Темное дѣло, <i>С. А. Коваленко</i>	34
VI. Разсказъ приленскаго мужика о томъ, какъ увели его лошадей, <i>Н. Кузьмина</i>	45
VII. Къ вопросу о народномъ кредитѣ, <i>М. З.</i>	52
VIII. Изъ прошлой жизни города Енисейска, <i>А. О. Тонконогова</i>	59
IX. Душа. (Фантастическая новелла) <i>Він</i>	66
X. Похороны крестьянина, стихотвореніе <i>Е. Крулижиной</i>	69
XI. Въ былые дни (сцены изъ сибирской жизни въ 3-хъ картинахъ), <i>Сибиряка</i>	70
XII. Изъ записной книжки, <i>Всеволода Сибирскаго</i>	87
XIII. Какъ Россіянка переселилась въ Сибирь, <i>Ю. О. Горбатовскаго</i>	88
XIV. Воспоминанія о С. Я. Надсонѣ, <i>П. Иванова</i>	91
XV. Кузнецкій Алатау, <i>М. Самохвалова</i>	97
XVI. Пятидесятилѣтіе Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. (Очеркъ) <i>Н. Г.</i>	103
XVII. Смѣсь. Къ введенію казенной продажи питей, <i>В. О—ій</i>	107
XVIII. Воскресныя школы, <i>Дм. Вольфсона</i>	112
XIX. Къ вопросу о тюрьмѣ и ея обитателяхъ, <i>М. Богомылова</i>	114
XX. Замѣтки наблюдателя, <i>Гвидона</i>	120
XXI. Театры въ Сибири. I. Музыкальный сезонъ въ г. въ Томскѣ, <i>Е. Я. Сильурской</i> . II. Въ Красноярскѣ и Иркутскѣ. III. На Дальнемъ Востокѣ	129
XXII. Библиографія, <i>Вл. Долг—ова</i>	132
XXIII. Territoires russes de l'Asie centrale	1
XXV. Объявленія.	

Виды (Vues):

1) Николай Михайловичъ Ядринцевъ, одинъ изъ членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 2) Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ, одинъ изъ первыхъ членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 3) Оз. Байкаль. Мысль Малая Крутая Губа. 4. Виль Томской скаковой бесѣдки. 5. Г. Омскъ. Берегъ р. Омь. 6. Якуты на праздникѣ у своего таіона (голови).

Редакторъ-издатель В. А. Долгоруковъ.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

учрежденное въ 1881 г.

въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37

Основной и запасные капиталы свыше 41,000,000 р.
Общество заключаетъ:

Страхованіа жизни

т. е. капиталовъ и доходовъ для обезпеченія семьи или собственной старости, приданнаго для дѣвушекъ, стипендій для мальчиковъ и т. п., на особо выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1900 г. въ обществѣ „Россія“ было застраховано 68.124 лицъ на капиталъ въ 147.990 880 руб.

Страхованіа отъ несчастныхъ случаевъ

какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ; страхованія пассажировъ пожизненныя, годовыя или на меньшіе сроки.

Страхованіа отъ огня

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода (строеній, машинъ, товаровъ, мебели и проч).

Страхованіа транспортовъ

рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе корпусовъ судовъ.

Страхованіа стеколъ отъ излома и разбитія.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37), отдѣленіемъ Общества въ гор. Томскѣ (Почтамтская ул., д. Орловой) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страхованіа пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ заключаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.

Европейская Гостинница

ВЪ ТОМЪСКѢ.

подъ управленіемъ Петербургскаго ресторатора

В. МОРОЗОВА.

Вновь открыта въ домахъ СМІРНОВА и
ЛЯПУНОВА.

ВСѢ УДОБСТВА ДЛЯ ПУБЛИКИ.

ОКОЛО 50 ПОМЕРОВЪ.

ПАРОВОЕ ОТОПЛЕНІЕ,

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ,

ВАННЫ,

ОТДѢЛЬНЫЕ КАБИНЕТЫ,

ОТДѢЛЬНЫЙ ЗАЛЪ ДЛЯ ЗАКАЗОВЪ,

4 БИЛЛЯРДА.

Первоклассный РЕСТОРАНЪ съ оркестріономъ

открытъ до 3¹/₂ часовъ ночи.

Ресторанъ-гостинница

„Россия“

И. Г. Горланова

въ Томскѣ,

вблизи Управленія желѣзной дороги, присутственныхъ мѣстъ, окружного суда, университета, клиникъ и театра.

Электрическое освѣщеніе,

водопроводъ,

ВАННЫ, | умѣлая прислуга.

Первоклассный ресторанъ.

Прѣзжающимъ по желѣзной дорогѣ рекомендуется сходить съ поезда на ст.

„Межехиховка“.

Старѣйшая въ Россіи мельнично строительная фирма.

ТОВАРИЦЕСТВО
 ДЛЯ УСТРОЙСТВА МУКОМОЛЬНЫХЪ МЕЛЬНИЦЪ
 и ТОРГОВЛИ.

МЕЛЬНИЧНЫМИ МАШИНАМИ и ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ

АНТОНА ЭРЛАНГЕРА и К^о
 ВЪ МОСКВѢ.

Товарищество принимаетъ какъ полное устройство паровыхъ и водяныхъ мельницъ, такъ и переустройство оныхъ по новѣйшей системѣ на полномъ автоматическомъ ходу, а также продаетъ вальцовыя машины (Л. Немелька, А. Бюлера, Бр. Израель, Зекка и Вермана). Выки, шелковыя сита, ремни и все другія мельничныя принадлежности.

Имѣются также **ВАЛЬЦЫ ДЛЯ ПРОСТАГО РАЗМОЛА МУКИ** новѣйшей конструнціи.

ПРАВЛЕНІЕ Т-ва находится въ МОСКВѢ: Малый Кисельный переулокъ, д. Эрлангера.

ОТДѢЛЕНІЯ: въ Харьковѣ—д. Голевыхъ; въ Саратовѣ—д. Борель; въ Самарѣ—д. Шibaеновъ; въ П-Ловгородѣ—во время ярмарки; въ Казани—д. Шамардина; въ Курскѣ—д. Перенелкина; въ Ливнахъ—д. Матоина; въ Екатеринбургѣ д. Максимова; въ Ростовѣ П д —б. Садован; въ Одессѣ—д. Ларионова, въ Екатеринославѣ—д. Копылова; въ Кіевѣ—Крещатикъ, № 12 и въ Прбитской ярмаркѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ДЛЯ СИБИРИ ВЪ ТОМСКѢ

(Милліонна, д. Тецкова, № 12. Телефонъ № 204).

Уполномоченный въ Томскѣ Владиславъ Юсифовичъ Щабекъ.

Каталоги и прейсъ-курранты по требованію высылаются бесплатно.

Фирма АНТОНЪ ЭРЛАНГЕРЪ основана въ 1860 году.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„В. Н. ВЫТНОВЪ СЪ С-МЪ ПЕТРОМЪ“

ВЪ ТОМСКЪ,

имѣя собственные заводы винокуренный, ректификаціонный и водочный производить винокурение на непрерывно-дѣйствующемъ аппаратѣ, ректификацію спирта на извѣстномъ аппаратѣ „САВАЛЛЬ“, дающемъ въ часъ 1500° спирта самаго высокаго качества крѣпостью 97 $\frac{1}{2}$ °.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ИЗЪ РЕКТИФИКОВАННАГО СПИРТА

ОЧИЩЕННАГО И СТОЛОВАГО ВИНА

ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА,

ВОДОКЪ, ЛИКЕРОВЪ и НАЛИВОКЪ.

За хорошее качество производства фирмѣ присуждены медали на выставкахъ въ Казани, Парижѣ и Марсели, а также знакъ отличія Парижской національной академіи промышленности и торговли.

П Р О Д А Ж А**СПИРТА, ВИНА и ВОДОЧНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ,**

винъ удѣльнаго вѣдомства и другихъ марокъ,

РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ВІНОГРАДНЫХЪ ВИНЪ

извѣстныхъ фирмъ

ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

ПРОДАЖА ПРОИЗВОДИТСЯ ВЪ ТОМСКѢ:

изъ водочнаго завода по Милліонной улицѣ, въ собственномъ зданіи;
 „ ренсковаго погреба, по Милліонной улицѣ, въ собственномъ зданіи;
 „ „ „ по Черепичной улицѣ, въ домѣ Хейсина

Кромѣ того, спиртъ, очищенное столовое вино и водочныя издѣлія заводовъ фирмы продаются изъ магазиновъ и ренсковыхъ погребовъ И. Г. Гадалова и другихъ значительныхъ фирмъ.

Телефонъ Томской конторы № 98, завода (въ с. Зоркальцевомъ) № 2.

Адресъ для писемъ: Томскъ, Петру Васильевичу Вытнову. Для телеграммъ: Томскъ — Вытнову.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„ЕВГРАФЪ КУХТЕРИНЪ и С-я“

ВЪ Г. ТОМСКѢ

ПРИНИМАЕТЪ НА ДОСТАВКУ ТОВАРЫ

ВЪ СИБИРЬ и ЕВРОПЕЙСКУЮ РОССІЮ.

для чего имѣетъ Конторы: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Перми, Екатеринбургѣ, Тюмени, Оби (Ново-Николаевскѣ), Барнауль, Маринскѣ, Ачинскѣ, Енисейскѣ, Минусинскѣ, Красноярскѣ, Тулунѣ, Зимѣ, Иркутскѣ, Мысовой, Читѣ, Верхнеудинскѣ, Срѣтенскѣ, Нерчинскѣ, Кяхтѣ и Троицкосавскѣ и въ ярмаркахъ: Нижегородской, Ирбитской и Верхнеудинской.

И М Ъ Е Т Ъ :

ПАРОВУЮ СПИЧЕЧНУЮ ФАБРИКУ, ПАРОВУЮ МЕХАНИЧЕСКУЮ ВАЛЬЦОВУЮ КОТОРЫЕ ВЫБАТЫВАЮТЪ:

ШВЕДСКІЯ

БЕЗОПАСНЫЯ и НЕ ГЛѢЮЩІЯ

СПИЧКИ

НА УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ МАШИНАХЪ.

КРУПЧАТНУ

ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.

СПИРТЪ

СЫРОЙ и РЕКТИФИКОВАННЫЙ,

химически чистый, приготовленный на усовершенствованномъ аппаратѣ „А. Савалль Сынъ и К^о въ Парижѣ.

ОЧИЩЕННОЕ

= и =

СТОЛОВОЕ ВИНО

ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.

ОПТОВАЯ и РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

СОБСТВЕННЫМИ ФАБРИКАТАМИ, а также ЧАЕМЪ и САХАРОМЪ.

Главная Контора въ г. Томскѣ.

Адресъ для телеграммъ и писемъ: въ Контору Кухтериныхъ.

ШЕСТОЕ изданіе

ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО СИБИРИ

и

АЗІАТСКИМЪ ВЛАДѢНІЯМЪ РОССІИ.

Продается въ редакціи (Томскъ, Дворянская, № 4). Цѣна на рускомъ 1 р., 25 к. на французскомъ и нѣмецкомъ 1 р., итальянскомъ 75 к. На англійскомъ языкѣ разошлись всѣ экземпляры. Выписывающіе съ налогомъ, плат. добавляють къ цѣнѣ 20 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

А. Ф. КОМАРОВА

ВЪ КРАСНОЯРСКѢ

Продажа „Путеводителей по Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ“ и книжекъ „Сибирскаго Наблювателя“; также пріемъ подписки на него.

Во Владивостоцѣ въ книжн. маг.

Е. В. Филипченко и К^о
ПРОДАЖА

„Путеводителей по Сибири“ и „Сибирскаго Наблювателя“. Въ Барнаулѣ—у Ф. А. Брыгалова; въ Бійскѣ—у А. А. Зильбербарта. Въ кн. маг. П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ и въ Москвѣ—у Голубева (Шокровка, 52).

Подписка на 1902 г. на журналъ

„ДѢЯТЕЛЬ“.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, разсказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Наѣ жнани и печати.	7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и заграницею. 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библиографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна, только за полный годъ, 2 рубля.

Журналъ за 1897 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народ. Просв. въ бесплатныя народныя библіотени и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900 годы платяють 8 рублей.

(Обм.—3.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ.

НА ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕНИСЕИ“

выходить въ г. Красноярскѣ, ТРИ раза въ недѣлю.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстъ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2. Отдѣлъ официальный. Важнѣйшія правительственные распоряженія. 3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей, свѣдѣнія о интересахъ сибирскихъ губерній, соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисея, а также вопросы русской политики на Востоцѣ. 4. Статьи и очерки по вопросамъ Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири,—по городскому и земскому хозяйству, статьи по сельск. хозяйству, экономическія, торговля по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. 5. Обзоръ обществен. жизни Сибири и Россіи. Городская хроника. Театръ и музыка. 6. Политическія извѣстія. Общія и, въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ.	7. Корреспонденція изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея и соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщения изъ Россіи. 8. Научный отдѣлъ.—Открытія и путешествія по Сибири и ея окраинамъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 9. Литературное обозрѣніе,—критика и библиографія, особенно сочиненій объ Азіи. 10. Фельетонъ: романы, повѣсти, рассказы, очерки, сцены наброски, летучія замѣтки и стихотворенія. 11. Судебная хроника, безъ обсуждения рѣшеній. 12. Сибѣ. Отвѣты редакціи. 13. Справочный отдѣлъ: судебныя свѣдѣнія, свѣдѣнія, рыночныя цѣны, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ пароходовъ, поѣздовъ жел. дорогъ, недоставленныя телеграммы и т. и. 14. Объявленія: казенныя и частныя.

ПОДПИСАНН ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 р. 50 коп., на одинъ мѣсяць 1 рубль.

Городскіе подписчики, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, получаютъ бесплатно телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Красноярскѣ—въ конторѣ редакціи газеты, въ Томскѣ—въ отд. конторы, въ Москвѣ—въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. МЕЦЦЛЬ и Ко, Мясницкая ул., д. Сытова, и въ конторѣ объявленій И. К. Голубова Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи, въ Петербургѣ—въ отдѣленіи конторы Т. д. Л. Э. МЕЦЦЛЬ и Ко, Б.-Морская № 11. Плата за объявленія впереди текста 20 коп. за стр.; позади текста 10 коп. за стр. нетита. ОБЪЯВЛЕНІЯ изъ всѣхъ мѣстъ и странъ принимаются непосредственно въ конторѣ газеты, въ Красноярскѣ, а также въ конторѣ Торг. Дома Л. и Э. МЕЦЦЛЬ и Ко (Москва—Мясницкая, д. Сытова и Петербургъ—Б. Морская, 12), въ конторѣ объявленій И. К. Голубова (Москва, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи), въ отдѣленіи конторы редакціи (Томскѣ), въ конторѣ объявленій А. З. Ремизова (Москва, Б. Дмитровка, д. Живаго) и во всѣхъ вообще конторахъ по іріему объявленій и подписки.

(Обм.)

Редакторъ-издатель *Е. Кудрявцевъ.*

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

— на 1902 годъ. —

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическія отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совета; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорной коллекціи и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорныя преподаванія распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей, памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣюще научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

Съ 15-го Октября 1901 года

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный техническій журналъ

5 р. въ годъ.

„ПРАКТИКЪ-МОНТЕРЪ“

3 р. 6 мѣс.

1902 года—4-й годъ изданія.

Настольныя свѣдѣнія изъ практики для практики.

Программа журнала: 1) Статьи по прикладнымъ наукамъ и вспомогательнымъ знаніямъ (въ помощь Самообъясненію для техниковъ), 2) Больныя машины, 3) Фабрично-заводская практика, 4) Современные приемы и машины при оборудованіяхъ, 5) Размѣтка, сборка, установка, ремонтъ и уходъ за ашинами, 6) Проектированіе и упрощенные подсчеты деталей и машинъ, 7) Сообщенія изъ службы тяги и ремонта, уходъ за судовыми, постоянными машинами и механизмами, 8) Какъ составить сметы и опредѣлить накладные расходы при разныхъ двигателяхъ и производствахъ, 9) Производства мелкой промышленности, 10) Практическія наставленія, указанія и рецепты, 11) Вопросы и отвѣты повседневной практики, 12) Переписка съ редакціей и пр.

Годовымъ подписчикамъ съ 1902 г. будутъ даны „БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“, которыя съ теченіемъ времени составятъ собою

ДОМАШНЮЮ БИБЛИОТЕКУ ТЕХНИКА.

ВЪ ЧИСЛО ПРИЛОЖЕНІЙ НА 1902 Г. ВХОДЯТЪ:

Одиннадцать книгъ-руководствъ, повторительныхъ курсовъ, составленныхъ примѣнительно къ требованіямъ фабрично-заводской практики, (по арифметикѣ, коммерческой арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, финансахъ, механикѣ, проекціонному черченію, отопленію и устройству фабричныхъ зданий.

Книга о 507 простыхъ механизмахъ, примѣняемыхъ на изученія разнаго рода движеній. практикѣ для по-

24 таблицы чертежей, деталей и машинъ (орудій и двигателей) съ относительными, основными размѣрами ихъ.

Моторы отъ 1 до 5 силъ. Земледѣльческія машины.

Условія подписки: на годъ 5 руб., наг. 1/2 3 руб

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Николаевская ул., № 37 и у всѣхъ книгопродавцевъ Россіи. Отдѣленіе въ Москвѣ, въ конторѣ: Н. Печковской, Петровскія ливні.

(Обм.—3.)

Редакторъ-Издатель Инженеръ-Механикъ Л. Я. Бершадскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 11-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ (съ 1 января 1902 г. по 1 января 1903 г.)

НА

ВѢСТНИКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ

И

ГОРНАГО ДѢЛА ВООБЩЕ.

Журналъ имѣть выходить, по прежнему, 2 раза въ мѣсяцъ, размѣръ отъ одного до трехъ печатныхъ листовъ, считалъ въ томъ числѣ и чертежи.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе члены редакціоннаго комитета, состоящаго изъ извѣстныхъ горныхъ инженеровъ: И. П. Бересневичъ, Н. С. Боголюбова, В. Е. Власова, Н. С. Волконскаго, М. В. Гирбасова, В. Д. Коцовскаго, В. С. Реутовскаго и Э. Н. Фреймана. На сотрудничество изъявили согласіе профессоръ Императорскаго Томскаго университета: А. М. Зайцевъ и Ф. Я. Капустинъ и многіе изъ горныхъ инженеровъ.

Задача изданій—возможно полное удовлетвореніе потребностей золотопромышленниковъ въ смыслѣ знакомства ихъ со всѣмъ новымъ и выдающимся какъ въ области техники, такъ и въ соответствующихъ отдѣлахъ хозяйства, исторіи и статистики. Въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи и по другимъ отраслямъ горнаго дѣла и въ особенности по тѣмъ, которыя дѣлаютъ болѣе яснымъ положеніе золотопромышленности.

Согласно поставленной задачи, въ справочномъ отдѣлѣ журнала будутъ своевременно помѣщены свѣдѣнія о всѣхъ заявкахъ, о приснахъ, зачисленныхъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и объявленныхъ свободными для новыхъ заявокъ (въ Сибири), также всевозможныя распоряженія начальства Восточной и Западной Сибири.

Кромѣ того, будутъ помѣщены свѣдѣнія о количествѣ добытаго золота во всей Сибири, по каждому приску отдѣльно.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Общее обозрѣніе II. Горное и заводское дѣло. III. Прикладныя: минералогія, геологія и геогнозія. IV. Исторія, хозяйство и статистика золотопромышленнаго и горнаго дѣла вообще. V. Механика золотого дѣла. VI. Горное законодѣліе. VII. Уаконовенія и распоряж. правительства. VIII. Новости и извѣстія IX. Финансовое положеніе присковъ и золоторуднаго дѣла. X. Корреспонденціи. XI. Почтовый отдѣлъ. XII. Библиографія XIII. Справочный листокъ XIV. Объявленія.

Въ поименованное содержаніе журнала войдутъ какъ оригинальныя статьи, такъ и переводныя. Все лучшее, уже имѣющееся на иностранныхъ языкахъ или могущее появиться, составитъ, по возможности, необходимый матеріалъ журнала. Статьи, помѣщаемыя въ журналѣ, будутъ илложены общедоступно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ пересылкой или доставкой):

На годъ	9 руб.	На 3 мѣсяца	3 руб.
„ полгода	5 „	„ 1 мѣсяцъ	1 „

Подписка принимается: въ Томскѣ 1) въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина и 2) въ конторѣ редакціи журнала (золотосплавочная лабораторія); въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ комиссіонера казенныхъ горныхъ заводовъ, Малая Морская, д. № 9; въ Иркутскѣ—въ редакціи „Восточная Обозрѣнія“ и въ магазинѣ П. И. Макушина.

(Обм.—3.)

Редакторъ-Издатель горный инженеръ Э. К. Фрейманъ.

XXI годъ изданія.

Открыта подписка на 1902 годъ.

на изданіе литературной и политической газеты

„Восточное Обозрѣніе“.

выходитъ въ г. Иркутскъ подъ редакціей И. И. Попова

ежедневно кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Телеграммы агентскія и собственные корреспондентовъ.	9) Корреспонденціи.
2) Правительственные распоряженія.	10) Научный отдѣлъ.
3) Передовыя статьи.	11) Литературное обозрѣніе.
4) Очерки Сибирской жизни.	12) Изящная литература — фельетоны, разсказы, стихотворенія и проч.
5) Сибирскіе вѣсти и факты.	13) Судебная хроника.
6) Обозрѣніе русской общественной жизни.	14) Торгово-промышленныя свидѣнія по Сибири.
7) Политическое обозрѣніе.	15) Справочный отдѣлъ.
8) Хроника г. Иркутска.	16) Объявленія.

При газетѣ издаются въ видѣ приложеній періодическіе **СБОРНИКИ**, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА еѣ доставкой и пересылкой:

Внутри имперіи на годъ — 9 р., полгода 5 р., 3 мѣс. — 3 р., 1 мѣс. — 1 р., со сборн. на 1 годъ — 11 р. За границу на годъ — 13 р., полгода — 7 р., 3 мѣс. 4 р., 1 мѣс. — 1 р. 50 к., со сборн. на 1 годъ — 15 р.

За перемѣну адреса 40 коп.

(Обм.—3.)

Открыта подписка на 1902 годъ.

— НА —

„Сибирскій Вѣстникъ“

политики, литературы и общественной жизни.

Годъ изданія XIX.

ВЫХОДИТЬ ВЪ Г. ТОМСКѢ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

2. Передовыя статьи.	11. Судебная хроника.
3. Дѣлствія Правительства.	12. Театръ и музыка.
4. Текущая жизнь.	13. Среди газетъ и журналовъ.
5. Желѣзнодорожныя извѣстія.	14. Корреспонденціи
6. Мысли вслухъ.	15. Внутренняя хроника.
7. Маленькій фельетонъ	16. Заграничная хроника.
8. Сибирскія лѣтописи	17. Между прочимъ.
9. Торговый отдѣлъ	18. Фельетонъ
10. Мѣстная хроника.	19. Справочный отдѣлъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой въ Томскѣ на годъ—5 руб., на 6 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—50 к. Съ пересылкой въ др. города: на годъ—7 р., на 6 мѣс. 3 р. 65 к., на 1 м. 75 к. За границу на годъ—12 руб.

Пріемъ объявленій для „Сибирскаго Вѣстника“, подписка на него и продажа отдѣльных номеровъ его производится въ главной конторѣ редакціи въ Томскѣ, Нечаевская ул., д. Болотовой на углу Дворянской, и кромѣ того: объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений живущихъ или имѣющихъ главныя конторы, или правленія въ Пермской губ. и Сибири, принимаются исключительно въ Москвѣ, въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о. Мясницкая, д. Сытова, и въ его отдѣленіи, въ С-Петербургѣ, — Большая Морская, № 11, и печатаются по 15 к. за строку вѣтита позади текста, а впереди по двойной цѣнѣ.

(Объ)

Открыта подписка на 1902 г. (XIII г. изд.) Подписн. г. нач. съ 1 ноября.

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“.

Министерст. Народн. Просв. разрѣшено къ выпискѣ въ безплатн. библ. и чит.

Въ теченіе 1902 года ВСѢ подписчики ПОЛУЧАЮТЪ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАН. ММ, въ которыхъ будутъ помѣщаться выдающіеся событія всего міра, очерки и разсказы изъ исторіи науки, путешествій и изобрѣтеній, романы и повѣсти, живописныя описанія чудесъ и великихъ явленій природы, фокусы, забавы и развлечения.

12 КНИГЪ съ рис., объемомъ свыше 2,000 страницъ, въ которыхъ будутъ помѣщаться сочиненія извѣстныхъ писателей, состояція изъ романовъ, рассчитанныхъ на занимательное, но поучительное чтеніе, подъ общими заглавіями:

„библіотека романовъ“.

(Приключенія на морѣ и на сушѣ).

1. Великій лѣсъ, Ж. Верна.	7. Желѣзный пиратъ, Манса Пембертона.
2. Островъ сонровищъ, Р. Стивенсона	8. Морскіе волки. Его-же.
3. Лагерь въ горахъ, Э. Эллиса	9. Исторія Жанъ-Мара Набидули-а.
4. Потерпѣшіе крушенія, Р. Стивенсона.	10. Ж. Верна.
5. Понтіакъ, вождь Оттавовъ, Э. Эллиса.	11. Приключенія капитана Маріэтта.
6. Искатели научуна. Его-же.	12. }

и кромя того **Б Е З П Л А Т Н О** безъ всякой доплаты за пересылку

могутъ получить, по желанію, на выборъ:

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ БРЭМА

подъ редакціей д-ра зоологіи А. М. Никольскага.

Раскошное изданіе съ массою рисунковъ и хромолитографіями.

12 иллюстрированныхъ выпусковъ большого формата, на вѣленовой бумагѣ, свыше 600 рисунковъ. 1000 страницъ убористой печати. 3 тома, 60 печатн. лист.

И Л И

Энциклопедическій словарь

вполнѣ закончен., подъ редакц. д-ра филос. М. М. Филиппова.

12 ВЫПУСКОВЪ формата словарей БРОКГАУЗА и МЕЙЕРА. 3800 столбцевъ убористой печати. 3 тома, 120 печатн. лист.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „Природа и Люди“ со всѣми приложеніями остается ПРЕЖНЯЯ: 5 руб. за годъ безъ доставки; съ доставкой и пересылкою по всей Россіи 6 руб. Допускается расрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 р., къ 1 мая 1 р. и къ 1 іюля остальные, или по одному рублю въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны.

Главная контора и редація: СПБ., Стремянная, соб. д. № 12.

(Оби.—3.)

Издатель. П. Сойкинъ.
Редакторъ Ф. Груздевъ.

IX годъ изданія.

Открыта подписка на 1902 г.

на ежедневную общедоступную газету

„Сибирская Жизнь“,

издающуюся въ Томскѣ.

Въ предстоящемъ году редакціей по прежнему будетъ обращено особенное вниманіе на возможно полное и разностороннее ознакомленіе своихъ читателей съ жизнью Сибири и на выясненіе ея нуждъ и экономическаго и умственнаго роста. Согласно такой задачѣ, статьи и замѣтки, имѣющія своимъ предметомъ прошлое и настоящее Сибири, а также корреспонденціи изъ разныхъ копцовъ Сибири и „Хроника Сибири“ будутъ составлять главные и основные отдѣлы газеты. Въмѣстѣ съ тѣмъ путемъ ежедневна получаемыхъ телеграммъ и въ постоянныхъ отдѣлахъ газеты: „Русская Жизнь“ и „Заграничная Хроника“, читатели „Сиб. Ж.“ будутъ своевременно ознакомляемы со всѣми болѣе крупными явленіями въ области государственной и общественной дѣятельности, науки и искусства какъ остальной части нашего обширнаго отечества, такъ и другихъ государствъ.

Кромѣ лицъ, принимающихъ постоянное участіе въ газетѣ, въ числѣ другихъ, любезно обѣщали свое сотрудничество и въ будущемъ году многіе изъ профессоровъ томскаго университета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ.	4 р. 30 к.	3 р. 30 к.	2 р. 30 к.	40 к.
Съ перес. въ другіе города.	5 „ 4 „	— „ 3 „	— „ 3 „	50 „
Съ пересылкой за границу.	9 „ 7 „	— „ 5 „	— „ 5 „	1 р.

За печатаніе въ „Сибирской Жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку петита—20 коп., позади текста 10 коп. За разсылку объявленій при газетѣ всѣмъ не болѣе лота—7 руб. за 1000 экземпляровъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. П. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Иногородніе требованія свои адресуютъ: въ г. Томскѣ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.

(Обм.)

Издатель П. Макушинъ.

Редакторы: П. Макушинъ.
А. Макушинъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 2 мая 1869 г.

ОБЩЕСТВА ДЛѢ РАСПРОСТРАНЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ
ВЪ РОССІИ.

КАТАЛОГЪ СВ. КНИГАМЪ.

№ сорта.	Новые заветы. (Съ указателемъ церковныхъ чтеній).	ЦѢНА.	
		р.	к.
РУССКІЕ.			
1	Въ 32-ю д. л. въ колѣнкоромъ перепл. съ золот. крестомъ	—	30
2	Въ 32-ю д. л. съ Псалт. нов. Моск. над. съ золот. крестомъ	—	40
3	Въ 16-ю д. л. съ Псалт. въ кол., съ золот. крестомъ	—	60
4	Въ 8-ю д. л. съ Псалт. кр. печати	1	—
5	Въ 32-ю д. л. съ Псалт. въ мягк. кож. пер. съ зол. обрѣзомъ	1	20
6	Въ 8-ю д. л. съ Псалт. въ кожѣ, съ зол. обрѣзомъ	3	—
СЛАВЯНСКО-РУССКІЕ.			
7	Въ 24-ю д. л., въ корешкѣ	—	75
СЛАВЯНСКІЕ.			
8	Въ 32-ю д. л., въ кол., съ золот. крестомъ съ Псалтиремъ	—	40
9	Въ 16-ю д. л., въ кол., съ зол. крестомъ оеъ Псалтиря	—	60
4-ро Евангелія. (Съ указателемъ церковныхъ чтеній).			
РУССКІЯ.			
10	Въ 32-ю д. л., въ колѣнкорѣ, съ крестомъ	—	20
СЛАВЯНСКО-РУССКІЯ.			
11	Въ 16-ю д. л., въ кол. пер. съ золот. крестомъ	—	55
СЛАВЯНСКІЯ.			
12	Въ 32-ю д. л., въ кол., съ золот. крест., съ изобр. Евангелистомъ	—	20
13	Въ 16 ю д. л., въ кол., съ зол. крест., крупнои печати	—	40
Евангелія-брошюры.			
14	Русскія въ 32-ю д. л., каждое Евангелія отдѣльно	—	3
15	Русскія въ 32-ю д. л., каждое Евангелія въ мягкомъ колѣнкорѣ	—	5
16	Чтимиа во Св. Великій Патоки на русскомъ языкѣ	—	10
Псалтири.			
17	Въ 16-ю д. л., русскія, въ тиснен. колѣнкорѣ	—	25
18	Въ 32-ю д. л., русскія, въ тиснен. колѣнкорѣ	—	12
19	Въ 16-ю д. л., славянскія въ тиснен. колѣнкорѣ	—	25
20	Въ 32-ю д. л., славянскія въ мягкомъ колѣнкорѣ	—	10
21	Въ 4-ю д. л., славянскія крупнои печати съ кафизмамъ	1	—
Библи. (Съ параллельными мѣстами).			
22	Русскія въ 8-ю д. л., въ колѣнкорѣ. Спб. изданіе	3	—
23	Русскія въ 8-ю д. л., въ кожѣ	3	50
24	Русскія въ 8-ю д. л., золотой обрѣзъ въ футлярѣ	5	—
25	Русскія въ 8-ю д. л., въ кожѣ. Киевск. изданіе	4	—
26	Русскія въ 4-ю д. л., въ кожѣ. Моск. изданіе	6	—
27	Славянскія въ 18-ю д. л., въ колѣнкорѣ	1	75
28	Славянскія въ 8-ю д. л., въ кожѣ	3	60

ПЕРЕСЫЛКА СВ. КНИГЪ ЗА СЧЕТЪ ОБЩЕСТВА.

Москва, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи.

Для телеграммъ: Москва, Голубеву. Телефонъ № 2204.

Управляющій складомъ И. Н. Голубевъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТИПОГРАФІЯ и ПЕРЕПЛЕТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Д. Н. КОРНАТОВСКАГО.

МОСКВА,

Моховая, противъ стараго зданія Университета, д. Бенкендорфъ.
Телефонъ № 1755.

Складъ производитъ выписку и доставку всякаго рода книгъ, газетъ, журналовъ, выходящихъ какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей на языкахъ русскомъ, французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ въ провинціальныя, школьныя, народныя и общественныя книжныя магазины и библіотеки; принимаетъ составленіе школьныхъ, народныхъ библіотекъ на различныя суммы: подборъ изданій для книжныхъ складовъ, организуемыхъ различными учрежденіями и лицами для продажи книгъ населенію; кромѣ того, складъ исполняетъ заказы на учебники для начальныхъ и среднихъ школъ, а также на всѣ другія книги, рекомендуемыя начальствомъ учебныхъ заведеній.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ и ОБЪЯВЛЕНІЙ

НА ВСѢ ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ ПО ЦѢНАМЪ РЕДАКЦІЙ,
а также приемъ мѣсячныхъ на комиссію.

Въ настоящее время покупаетъ рукописи и предлагаетъ свои услуги по изданіямъ, имѣющимъ литературный, научный и общественный интересъ. Обращаться исключительно письменно, прилагая двѣ марки для заказного отвѣта.

СЪ ПОМОЩЬЮ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА ПЕЧАТАЮТСЯ:

книги, брошюры, прейсъ-куранты, визитныя и адресныя карточки, свадебныя и траурныя билеты, циркуляры, счета, фактуры, накладныя, мануфактурныя, винныя, кондитерскіе ярлыки, отчеты, бланки, пакеты, меню и др. типографскія работы.

Спеціальное производство конторскихъ книгъ, изящныхъ французскихъ, англійскихъ переплетовъ папокъ и альбомовъ.

Продажа „Путеводителей по Сибири“ и книжекъ журнала сборника „Сибирскій Наблюдатель“ и приемъ подписки.

СИБИРСКАЯ КОНСЕРВНАЯ ФАБРИКА

Торговаго Дома

„Михаилъ ПЛОТНИКОВЪ и СЫНОВЬЯ“

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ.

Съ требованіями на консервы просимъ обращаться въ наши склады въ городахъ: Тюмени и Тобольскѣ, а также и ко всѣмъ агентамъ нашего Торговаго Дома, причемъ требованія просимъ посылать на разные сорта рыбы и на разные размѣры коробокъ, такъ какъ одинаковаго сорта рыбы, или однихъ маленькихъ коробочекъ одному лицу большое количество выслать невозможно.

Консервы сдаются въ Тюмени и Тобольскѣ. Оптовымъ покупателямъ дѣлается скидка: покупающимъ отъ 50 до 100 руб. 10%, отъ 100 до 500 руб. 12%, отъ 500 до 1000 руб. 15%, отъ 1000 и болѣе 20%.

Приготовленіе консервовъ производится въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ—изъ живой рыбы на фабрикахъ, находящихся на Питлярскомъ и Самутельскомъ рыбныхъ промыслахъ Торговаго Дома, расположенныхъ въ низовьяхъ рѣки Оби. При фабрикахъ имѣется мастерская, гдѣ приготавливаются коробки для консервовъ и ключи для откупориванія ихъ.

Консервы упакованы въ ящики по 25 коробокъ ($\frac{1}{1}$) или по 50 полукоробокъ ($\frac{1}{2}$), по 50 четвертинокъ ($\frac{1}{4}$). Каждый ящикъ перевязанъ проволокой и запломбированъ; за трату и порчу ящиковъ въ дорогѣ фабрика не отвѣчаетъ.

Коробки откупориваются приложенными при нихъ ключами и оклеены бумажными лентами съ наименованіемъ рыбы и фирмы.

Консервы при храненіи не слѣдуетъ держать на ледникахъ, но въ прохладномъ и сухомъ мѣстѣ.

Вкусъ консервовъ улучшается, если они передъ употребленіемъ были поставлены на ледь.

Товаръ отправляется во всѣ мѣста Россійской Имперіи и за границу по полученіи полной суммы или 25% стоимости заказа, на остальную сумму дѣлается наложенный платежъ.

Адресъ для писемъ:

Тобольскъ . . . {
Томскъ . . . {
Тюмень . . . {

Торговому Дому
„М Плотниковъ
и С-я“.

Адресъ для телеграммъ:

Тобольскъ . . . {
Томскъ . . . {
Тюмень . . . {

Плотникову.

СЪ СЕНТЯБРЯ

открыта подписка на IV-й годъ

(съ октября 1901 по октябрь 1902)

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ИЗДАНІЯ

Искусство

— и —

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

выходящаго безъ предварительной цензуры,
подъ ред. Н. П. СОБКО.

СЪ ОДНОТОШНЫМИ И МНОГОЦВѢТНЫМИ СНИМКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И
НА ОСОБЫХЪ ЛИСТАХЪ.

Съ 1901 г. журналъ печатается въ собственной типографіи.

Подписная цѣна въ годъ за 24 №№ съ особыми приложеніями (въ общемъ до 1000 стр. текста и около 500 снимковъ); безъ дост. 8 р.; съ дост. и перес. 10 р.; за гран. 12 р.

Разсрочка допускается на условіи вносовъ: 1) по 5 руб. въ полугодіе (въ сентябрѣ и въ февралѣ); 2) по четвертямъ года—по 3 руб. при подпискѣ и въ началѣ 2-го полугодія (въ февралѣ) и по 2 руб. черезъ три мѣсяца послѣ 1-го и 2-го вноса; 3) помѣсячно (исключительно для городскихъ подписчиковъ)—по 2 р. при подпискѣ и по 1 р. въ теченіе слѣдующихъ 6-ти или 8-ми мѣсяцевъ.

Въ отдѣльной продажѣ—по 1 р. за книгу журнала и по 25 к. за № „Хроники“ безъ перес.

Пробная книжка высылается лишь по присылкѣ 1 р., съ наложеніемъ почтовыхъ расходовъ на самую отправку, причемъ рубль этотъ зачисляется вполнѣдствіи при подпискѣ на журналъ.

Тисненія коленкоровыи съ кожаными корешками покрышки обходятся по 1 руб. на каждый томъ безъ перес.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ Главную Контору: С.-Петербургъ. Почтамтская, 13.

Книгопродавцамъ и учащимся дѣляется уступка отъ 40 до 60 коп. съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

За перемѣну адреса принимается 50 коп. деньгами или почт. марками.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры первыхъ 3-хъ лѣтъ журнала того же наименованія продаются по 10 р., съ перес. по 12 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА

„Сибирскій Наблюдатель“

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Вступаая въ IV годъ своего существованія, будетъ выходить въ свѣтъ въ 1902 г. по прежнему съ иллюстраціями на русскомъ и французскомъ языкахъ, книжками 12 разъ въ годъ, отъ 96 до 140 страницъ, въ $\frac{1}{8}$ долю листа въ каждой, по слѣдующей программѣ:

1. Описание путей сообщенія какъ ведущихъ въ Сибирь и Азіатскія владѣнія Россіи, такъ и существующихъ въ этихъ мѣстностяхъ и государствѣхъ, сопредѣльныхъ съ ними. 2. Описание городовъ и селеній. Свѣдѣнія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ. Минеральные источники Свѣдѣнія о театрахъ, объ ученыхъ, благотворительн. и другихъ обществахъ и т. д. 3. Краткія путеводительскія свѣдѣнія на французскомъ языкѣ.	4. Виды замѣчательныхъ мѣстностей, городовъ, портреты государей и чѣмъ либо выдающихся личностей. 5. Смѣсь. 6. Разсказы, анекдоты, стихотворенія. 7. Свѣдѣнія библиографическаго характера о вновь выходящихъ книгахъ, преимущественно же — касающихся Сибири и Азіатской Россіи вообще. 8. Иностранное обозрѣніе. (Свѣдѣнія о событіяхъ въ иностранныхъ государствахъ). 9. Объявленія.

Редакція съ своей стороны приложитъ все старанія, чтобы изданіе удовлетворяло своему назначенію и давало для лицъ, желающихъ ознакомиться съ Сибирью и Азіатской Россіей, все необходимыя свѣдѣнія въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, а также литературный матеріалъ для чтенія. Въ трудахъ редакціи примутъ участіе многіе сотрудники мѣстныхъ газетъ и др. лица. Укажемъ на М. Р. Бейлина, В. П. Булыгина, А. Бахарева, Р. Л. Вейсмана, А. К. Голодникова, И. К. Голубева, Ю. А. Горбатовскаго, Н. А. Гурьева, В. А. Долгорукова, Э. Д. Вольскаго, Д. Д. Вольфсона, М. С. Кл—на (псевдон.), Д. Н. Корнатовскаго, А. М. Красовскаго, Е. Ф. Кудрявцева, С. А. Коваленко, А. А. Колычева, П. Н. Копылова, И. П. Кузнецова-Красноярскаго, Е. В. Кузнецова-Тобольскаго, С. К. Кузнецова, А. Б. Ключе, П. Кузьмина, Р. В. Лоренцони, Вас. Ив. Немировича-Данченко, Н. Н. Новикова, П. В. Оленина, М. И. Цейнера, Н. В. Скорнякова, Г. Сергѣева, Е. Я. Снѣгурскую, А. А. Скороходова, Э. Станиславскую, Ф. Ф. Филимонова, П. Чистякова и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ годъ 4 руб., на $\frac{1}{2}$ 2 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой.
За пересылку за границу добавляется еще 3 рубля.

Лица, желающія имѣть отзывы о своихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, благоволятъ доставлять въ редакцію экземпляры ихъ.

Цѣна объявленій: 1 стр. 15 р., $\frac{1}{2}$ - 10 р., $\frac{1}{4}$ - 6 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ редакціи „СИБИРСКАГО НАБЛЮДАТЕЛЯ“ въ г. Томскѣ, Дворянская ул. № 4, и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина; въ Москвѣ—у И. К. Голубева, Покровка, 52, домъ церкви Іоанна Предтечи, и у Д. Н. Корнатовскаго, Моховая, прот. Старога университета, д. Бенкендорфъ; въ Барнаулѣ—у Ф. А. Брызгалова; въ Варшавѣ—въ книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова (Новый Свѣтъ, 67); въ Омскѣ въ книжн. магаз. Александрова; въ Красноярскѣ—въ книжн. маг. А. Ф. Комарова; во Владивостокѣ—въ книжн. магаз. В. Е. Филинченко и К^о; въ Бійскѣ—у А. А. Зильбербарта.

Лица, присылающія свои рукописи для помѣщенія въ „Сибирскомъ Наблюдателѣ“, должны обозначить *условія*, на какихъ они желаютъ ихъ помѣстить. Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются *безплатными*. Всѣ принятія статьи подлежатъ *измѣненіямъ и сокращеніямъ* по усмотрѣнію редакціи. Непринятія статьи объемомъ менѣе 4-хъ писанныхъ страницъ и стихотворенія *уничтожаются*; остальные сохраняются въ редакціи до востребованія ихъ авторами въ теченіе *двухъ мѣсяцевъ*.

Принятія всѣ зависяція отъ насъ мѣры къ аккуратному выходу книжекъ.

Въ 1902 г. въ „Сиб. Набл.“, между прочимъ, будутъ помѣщены: *Очерки изъ Сибирской старины, П. А. Гурьева*, рассказы и статьи *А. Клюге, П. Куз—ина, Сибиряка, Глибона* и друг.

Редакторъ-издатель В. А. Долгоруковъ.

Въ настоящей книжкѣ мы не имѣли возможности помѣстить всѣ обмѣнные объявленія, и печатаніе не вошедшихъ въ эту книжку начнется съ декабрьской.

Годъ III.

Ноябрь (Novembre).

1901 г.

Сибирскій

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ)

✂ Книга II. ✂

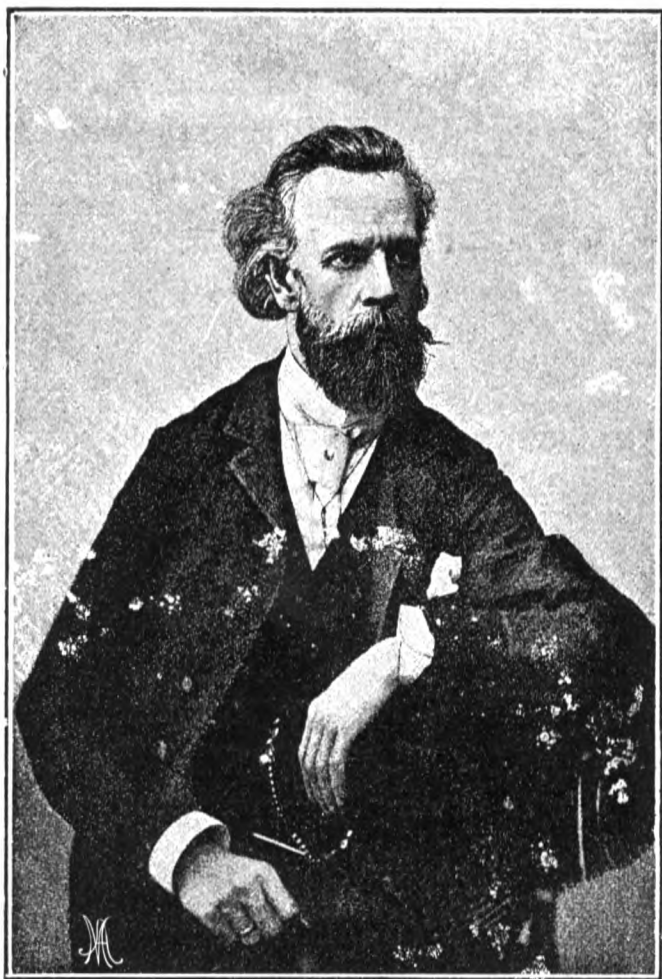
ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

Дозволено цензурою. Томскъ, 5 декабря 1901 года.

Николай Михайлович Ядринецъ,

одинъ изъ первыхъ членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, основатель газеты „Восточное Обозрѣнiе“, извѣстный писатель-публицистъ и этнографъ, умеръ въ г. Барнаулѣ въ 1894 году.

Nicolas Mikailowitsch Iadrinetseff, l'un des premiers membres de la section sibérienne-orientale de la société Impériale géographique russe, fondateur de la gazette La Revue orientale, célèbre écrivain, publiciste et ethnographe, décédé dans la ville de Barnaoul en 1894.

Приангарскій край въ этнографическомъ отношеніи.

(Продолженіе, — см. кн. 6 за текущій годъ).

Примѣты у приангарскаго населенія, какъ и у всѣхъ младенческихъ народовъ, безпрекословно подчиняющихся окружающему ихъ міру и приписывающихъ каждому явленію и предмету сознательную волю, играютъ доминирующую роль въ жизни. Народъ въ сі ей вѣковой жизни предоставленный самому себѣ, подъ вліяніемъ наблюдений, вѣрованій и предрасудковъ, создалъ массу примѣтъ. Нѣкоторыми изъ нихъ, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи, мы и подѣлимся съ читателями.

Такъ ангарскіе крестьяне говорятъ, что если усъ чешется, то получишь гостинцы. Надо сказать при этомъ, что въ обычаѣ крестьянъ посылать роднымъ, живущимъ въ другой деревнѣ, гостинцы съ кѣмъ либо изъ попутныхъ.

Если первый громъ ударитъ до ледохода, то не будетъ въ рѣкѣ бѣлой рыбы. Если много черной утки, то будетъ много красной рыбы. Если появится много рябчиковъ, то быть весною сильной водѣ. Если бѣлка, попавъ въ плашку, хвостъ закинетъ на нее, то къ дорогой цѣнѣ. Если лебеди долго не улетаютъ, то быть долгое время теплу. Если въ рѣкѣ осенью большая вода, то и весной такая же будетъ. Если на Рождество или на Пасху выпадетъ свѣгъ—къ хорошему году. Переносе чешется—къ покойнику. Глаза чешутся—къ слезамъ. Правая ладонь чешется—деньги получать, лѣвая—отлавать. Правая бровь чешется—къ дорогому гостю лѣвая—къ худому. Ковчикъ носа чешется—вино пить или плакать. Если у беременной женщины правая ноздря чешется—родится паренъ. Правая подошва чешется—къ хорошей дорогѣ, а лѣвая—къ худой. Лобъ чешется—здороваться будетъ. Языкъ „стрекчетъ“ (царапается)—съ постороннимъ человѣкомъ говорить. Въ лѣвомъ ухѣ звенитъ—кто нибудь хулитъ. Сѣра кинитъ въ ушахъ—къ теплу. Если въ лѣвомъ глазу „живая руда“ (кровь въ вѣкѣ) играетъ—къ худу, въ правомъ—къ радости. Нечаяно ногу прижать къ дверямъ—къ гостямъ. Рѣдкіе зубы у человѣка—признакъ ворчливости. Ногти цвѣтутъ—къ обновѣ или переимѣнн жизни. Обувать правую ногу прежде—зубы болѣть будутъ. Зеркало разбить—къ худу. Ложка забытая на столѣ—къ гостю. Не пивай собаку—судорги потянутъ. Платье на себѣ зашивать—пришьешь память. За ужиномъ хлѣба не ѣсть—будетъ не споръ. На закатѣ солнца хлѣбомъ и деньгами не ссужаютъ. Когда солнце закатилось, не бросай соръ на улицу—пробросаешься. Передній уголъ или матица треснетъ—къ худу. Если матица расколется спереди (къ окнамъ)—хозяйинъ умереть; если сади—умереть хозяйка. Если гробъ не въ мѣру великъ—быть въ домѣ еще покойнику. При кончинѣ человѣка ставить воду на окно, чтобъ душа обмылась. Кошка моется—гостей ворожитъ. На большіе праздники и утромъ въ праздникъ изъ дому ничего не даютъ, боясь принести этимъ въ чемъ либо ущербъ себѣ. Когда увѣжаютъ сѣять, тоже ничего не даютъ, опасаясь лишиться урожая. Шубу на изнанку надѣть—битому быть. Если лѣвая оборка у бродяги разважнется, то хулять, а правая—хвалять. Лѣвое ухо горитъ—къ хулѣ, правое къ похвалѣ. Если муку или мельницу во снѣ увидать—на охотѣ

ничего не добудешь. Если на сохатаго пойдешь, за увидишь во снѣ копей—къ добычѣ. Пѣтухъ не во время поеть—къ худу. Если икается, то повиннаютъ. Мѣшкомъ руни не утирай—ваусеницимъ будутъ. Если въ печи колоко на огонь прольешь, то отыкнется колоко у коровы. Мыши нагрмаутъ платье—къ худу. Если зимой появятся шуки въ доми, то деньги будутъ копиться. Если въ Христову наутренинъ собани лажтъ, то будетъ много разныхъ звѣрей. Печь или дѣло провалится—къ покойнику. Икона упадетъ—къ нему же. Пиво во снѣ увидишь—тоже къ покойнику. Повернется за обѣдомъ—кто-то спѣшитъ. Если два куска укусишь, то кто-то голодець. Попа встрѣтитъ—худо будетъ. Стру наъ рта отдать—память потеряешь. Калачикъ въ печи перевернется низомъ вверхъ—гости будутъ. Сама горитъ или уголь наъ печи выскочитъ—гости будутъ. Если бѣлье починяешь, да на шиткахъ узлы вижуютъ, то хозяйнѣ бѣлья долго проживетъ. Сорока на набѣ—къ гостямъ. Курицы клоччутъ—тоже. Сановаръ поеть или плыветъ—тоже. Если дѣвица, метя полъ, сядетъ отдохнуть, не окончишь работы, то ей говорить: мети, мети, а то мужъ послѣ побьетъ—побьетъ, отдохнетъ, да опять начнетъ бить. Если дѣвица мететъ нечисто—женихъ будетъ бородатый; если чисто—безбородый. Если дѣвица, „хабала“ что либо, нальетъ на столъ—женихъ будетъ пьяница. Если дѣвушка по костюмъ днѣкъ тѣтъ „молоское“—женихъ будетъ кривой. Если мужъ отправляется въ дорогу, то хорошая жена не должна въ день отправки плакать чтобы не лишитъ мужа удачи и счастья. При отъѣздѣ кого-либо въ далній путь ковшаты не метутъ. Если осина чохвато цвѣтетъ, то овсы родятся хороше. Если, отправляясь на промыселъ, дѣвушка перебѣжитъ дорогу—удачи не будетъ, лучше морочайся домой. Тетерь или куръ выгѣть во снѣ—къ худу. Чтобы узнать какой посѣвъ будетъ лучшимъ берутъ три первыя яйца, свесенныя молодой, и вѣсятъ ихъ: которое яйцо будетъ тяжелѣе, тотъ сѣвъ будетъ тяжелѣе и будетъ лучше. Если въ первой, пойманной весной, шукѣ манса чиста—дѣлѣ будетъ хорошии; если же въ ней кровянины жилици дѣлѣ родится худой. Больше нальсы сѣвга на пняхъ, деревьяхъ и крышахъ—къ хорошему году. Бурувдучъ клочкеть—къ дождю. Лягушку раздавишь или убиешь—дождь будетъ. Дятель въ дерево сильно стучитъ—къ дождю. Если дерево безъ вѣтру упадетъ—кто-нибудь уиреть. Если весной увидятъ въ первый разъ пливку (тригоугаму) летавшей высоко—высокій лѣнь уродится; если она летаетъ низко—нижкій. Если чужія стельки положишь въ свои черки (обувь), получишь насморкъ. Сошь, видѣнный на праздникъ, всегда исполняется. Безъ огня тѣтъ—дѣти будутъ вороваты. Если у человекѣ на головѣ разнаго цвѣта волосы—то онъ счастливыи. Жорду (снарядъ для ловли рыбы) лучше всего плестъ во время полнолуния—рыба лучше идетъ; въ жорду же, сплетенную на ущербѣ мѣсяца, рыба плохо ловится. Всякое дѣло лучше начинать при полночь мѣсяцѣ. Если пѣтухи вечеромъ запоютъ будетъ пережитъ погоды. Свиныя таскающая во рту паяки или солону—къ ненастной погодѣ. Собака катается—къ вѣтру. Воробьи топорчатся—къ пережитѣ погоды. Когда лучина горитъ да посвистываетъ—къ вѣтру. Если ку-сочекъ нао рта въ бляздо упадетъ—къ гостямъ. Мѣсяцъ въ кругу—къ теплу. Мѣсяцъ въ первую или послѣднюю четверть стонть прямо, на бекренъ—къ морозу. Если рогъ мѣсяца лежитъ—къ теплу. Если солнце итѣтъ съ обѣихъ сторонъ красныя полосы или, какъ говорятъ крестьяне, „солнце въ рукавицахъ“—къ морозу. Радуга—къ дождю. Если при горѣннй лучини угель долго не отпадетъ—къ теплу. Курица клювомъ стучитъ объ шестокъ—къ морозу. Противъ сердца чешется—на-раслину говорить про тебя. Не плачетъ за столомъ, такъ заплачется за столбомъ—говорятъ такъ, когда неѣства при просватаннй не плачетъ. Если горящая лучина со свѣтлыми упадетъ и, вставъ стоймя, будетъ горѣть—будетъ рѣчь о покой-никѣ. Зубы считать—выпадутъ. Если запряженный конь, когда вѣдутъ сгатаются, на-гадять—неѣству выслатаютъ. Если женщина прижметъ къ двери подола платья—въ свахахъ ей не бывать. Если вскрыешь чашку да она забрякаетъ—къ гостямъ. Если съ 6-го декабря до 17 января стонть холодная, сухая погода, т) и съ веш-ниго Николы до 15 июля простонть хорошая погода. Если зима стонть сильно холодная—лѣто будетъ очень жиркое, засушливое. Если зимой отъ холоду земля трескается, то лѣтомъ она будетъ трескаться отъ засухи. Свиныя зинной прутья тас-

нають—къ теплу, солому къ морозу, пургѣ. Подъ копытомъ у коня снѣгъ налипаетъ—къ теплу. Если курица днемъ поестъ—къ покойнику. Если свадьба въѣзжаетъ когда идетъ снѣгъ—къ добру. Если въ Евдокію (1-го марта) день будетъ теплый весна будетъ теплая. Какой утренникъ 9-го марта—всѣ 40 утренниковъ будутъ такіе. Красная багровая заря вечеромъ—къ низовому вѣтру. Если у дѣтушки шея мохнатая, то дѣтей и въ особенности, дочерей будетъ много. Если при отправленіи жениха за невѣстой идетъ снѣгъ—хорошій признакъ. Если во время пасхальной заутрени тихо въ деревнѣ, собаки не лають—годъ будетъ тихій, спокойный и явѣра чернаго будетъ мало. На порогахъ сидѣть—спина будетъ болѣть. Если холостой будетъ сидѣть—невѣсты любить не будутъ. Если въ день Сидора (15 мая) день будетъ хорошій огурцы родятся хорошіе, и наоборотъ. Если 1-го мая день будетъ хорошій, ясный и теплый весна будетъ такая же; если день вѣтряный, то и весна вѣтряна. Если 1-го іюня ясный день, то первый сѣнокосъ съ Петрова дня будетъ ведренный. Если на покровскую субботу выпадетъ снѣгъ, то и дмитріевская суббота будетъ въ снѣгу.

Если у кого, будучи въ гостяхъ, оставишь вещь—еще придется бывать тамъ. При выборѣ шенокъ бросаютъ ихъ подъ гору и если который пополатъ въ гору—значить, шенокъ добрый, а если подъ гору худой. Когда при закрытіи рѣки останутся противъ церкви или кладбища маленькія полынни—будетъ смертность на маленькіхъ дѣтей; если большія полынни—будутъ умирать взрослые. Если нѣтъ полынней—урону не будетъ. Если рѣка встанетъ гладкою, не торосоватою хлѣба будутъ плохіе. Мухи летаютъ въ избахъ анмой—есть у хозяина деньги. Чтобы въ течение года не было убыли въ домѣ, на новый годъ въ люди ничего не даютъ. Роженицу въ банѣ не оставляютъ одну задавить банникъ. Въ іюнѣ мухъ въ избахъ много—бѣлки будутъ обильно.

Сибирскій, какъ и русскій, крестьянинъ, будучи преимущественно земледѣльцемъ, а ангарскій къ тому же еще звѣроловомъ—охотникомъ, находясь постоянно въ общеніи съ природой, путемъ вѣковыхъ наблюдений и опыта, выработалъ цѣлую цѣль, такъ сказать, метеорологическихъ наблюдений, на которыхъ онъ строитъ свою хозяйственную жизнь. Наблюденія эти или примѣты погоды чрезвычайно интересны и до крайности разнообразны, но, къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи, въ отношеніи приангарскаго крестьянина, имѣется весьма мало подобныхъ примѣтъ, которыя мы привели выше, не отдѣляя ихъ отъ прочихъ. Добавимъ лишь еще три примѣты: красная заря—къ вѣтру; если бѣлка ходитъ по землѣ—къ теплу; сидитъ на деревѣ—къ морозу.

Изъ *заговоровъ* мы приведемъ лишь два, хотя эта область должна быть обширна.

Заговоръ отъ клоповъ: когда падетъ первый снѣгъ, его вносятъ въ избу и бросаютъ три раза въ каждый уголъ, приговаривая при этомъ: снѣгъ въ домъ—клопы вонъ, или ловятъ живую лягушку, вносятъ ее въ домъ и машутъ ею въ углы, съ приговариваніемъ: эта гостя въ домъ—клопы вонъ.

Наговоры: если горло заболитъ, то наговариваютъ до тѣхъ поръ, пока не станетъ легче: сосна, ясла, весла съѣмъ тебя съ кореньями, со всѣмъ.

Если ребенокъ не спитъ, подергиваетъ рученками и ножками, то объясняютъ это тѣмъ, что его полунощница или полуден-

щина маеть и, чтобы избавить его отъ этого, берутъ смолу и наговариваютъ надъ нею: „полуденщина, полунощница не дикуйся надъ младенцемъ (произносятъ имя), дикуйся надъ смолой; будьте мои слова легки, лѣпки, крѣпки“. Смолой этой потомъ мажутъ пятки, ручки, лобъ и грудь ребенка. Дѣлаютъ еще иначе: выносятъ ребенка утромъ и вечеромъ во время зари и приговариваютъ: „вечерняя или утренняя зарница (смотря когда выносятъ), красная дѣвица, унеси зарница у раба Божія младенца (имя) безсонницу, безугомонницу, дикий ревъ. Будьте мои слова легки, лѣпки, крѣпки“. Послѣ этого плюютъ на зарю. Выносятъ такимъ образомъ на три или на шесть зорь, чѣмъ лѣчение и кончается. Или еще такъ: сѣкутъ ребенка вѣникомъ, съ тѣмъ же приговариваніемъ.

Приговариванья: когда заплетутъ дѣвушкѣ косу, то, заворотивъ ее на голову, стучаютъ по косѣ и приговариваютъ: „рости, рости коса до могучаго плеча, отъ могучаго плеча до шелковаго пояса, отъ шелковаго пояса рости коса до самыхъ пятъ—женихи торопятъ. Женихъ изъ города въ красныхъ саняхъ, голова подъ полозью, коса подъ вязью“.

Когда ушибутъ палець, то плюютъ на него и приговариваютъ: у сороки боли, у вороны боли, а у меня не боли.

Когда вынуть занозу изъ руки, то для того, чтобы она не болѣла, сѣдаютъ занозу, приговаривая: „ты меня сѣла, такъ и я тебя сѣвмъ“.

Когда мѣшаютъ масло, то приговариваютъ: „солнце кругомъ, масло комоиъ, собакъ лакать, кошкѣ лизать“. Вынувъ масло изъ горшка, даютъ его лизать собакѣ, чтобы настой былъ лучше.

Чтобы воронъ не клеваль добычу въ плашкѣ, существуетъ наговоръ, состоящій изъ трехъ словъ (какихъ—не знаемъ), которыя надо говорить въ то время, когда летитъ воронъ, причеиъ нужно глядѣть на него.

Когда продавецъ продаетъ свою пшеницу, то, чтобъ не отдать приплодъ въ чужія руки, т. е. чтобы не лишиться хорошаго урожая, старается незамѣтно отсыпать себѣ обратно изъ мѣшка три горсти хлѣба, со словами: „не свою пшеницу беру, а свой приплодъ у себя оставляю“. Покупатель, нъ свою очередь, слѣдитъ, чтобы этого не было, но, не надѣясь на свой глазъ, продѣлываетъ такъ: пропускаетъ пшеницу чрезъ трубицу и говоритъ: „какъ въ трубицѣ зерно не остается, такъ и приплодъ у того, у кого я купилъ зерно, не останься“.

Чтобы мыши хлѣбъ въ кладѣ не ѣли, кладутъ подъ нее шипицу и три раза приговариваютъ: „мышка, мышка, не ѣшь мой хлѣбъ, ѣшь шипицу да землю“.

Ворожба: чтобы узнать, выйдетъ ли дѣвушка замужъ, бѣгаютъ онѣ на „растани“, т. е. на то мѣсто, гдѣ дороги схо-

дятся, садятся на снѣгъ, очерчиваютъ вокругъ себя кругъ и, взявшись другъ съ дружкой мизинцами, замѣчаютъ: если забрякаютъ колокольцы, то къ свадьбѣ; если доски затешутъ—къ смерти; если ничего не услышатъ—ничего не будетъ.

Чтобы узнать, будетъ ли женихъ парень или вдовецъ, обхватываютъ руками, сколько можно, частоколь, а потомъ, перебирая по палкамъ слова: молодець—вдовецъ, смотрятъ, которое изъ нихъ падетъ на послѣднюю частоколину—тотъ и будетъ женихъ.

Чтобы узнать, какая будетъ свекровь, берутъ сковороду, наливаютъ въ нее воду и закрываютъ горшкомъ; затѣмъ, бросаютъ подъ него уголь и если вода забурлитъ, то свекровка будетъ злая, а если нѣтъ—то добрая.

Дѣвушка, желающая узнать когда выйдетъ она замужъ, идетъ ночью въ хлѣвъ и ловить овецъ. Если поймается самка, значить замужъ въ этотъ годъ не выйдетъ; поймавшая барана—выйдетъ въ тотъ же годъ. Чтобы узнать, будетъ ли женихъ бѣдный или богатый—подъ ворота вечеромъ сыплотъ пепель и если слѣдъ на немъ будетъ броденный, то женихъ будетъ бѣдный; сапожный слѣдъ—къ богатому жениху. Чтобы скрыть слѣды ворожбы, пепель рано утромъ убирается.

Желающіе узнать о долговременности своей жизни, въ ложку наливаютъ воды и ставятъ на морозъ. Если вода эта замерзнетъ ямкой, то это предвѣщаетъ смерть; если замерзнетъ бугоркомъ—къ долгой жизни.

Дѣвушки, мечтающія о богатствѣ, чтобы узнать объ этомъ, садятся къ амбару подъ замокъ и если услышатъ, что забрякаютъ ключи, то, значить, къ богатству.

Дѣвнцы, когда идутъ на подблюдныя пѣсна, берутъ съ собою по тузу и куску хлѣба; окончивъ пѣніе, идутъ подъ окошки подслушивать. Если услышатъ, что говорятъ про вино или свадьбу, то, значить, къ замуью; если про смерть—къ смерти. Затѣмъ идутъ домой, гдѣ кусокъ и тузъ кладутъ подъ голову и говорятъ: „суженый, ряженный, приди ко мнѣ ужинать“. Кто покажется или приснится—тотъ и будетъ женихъ.

Чтобы узнать о замужествѣ, кладутъ подъ кринки уголь, кирпичъ, кусокъ хлѣба, ключи, поясъ, платокъ и бабій повойникъ; потомъ завязываютъ глаза и подходятъ къ кринкамъ; вставшая за крику съ хлѣбомъ выйдетъ замужъ за пахаря, если за ключи—за богатаго, за кирпичъ—за „нужнаго“ (нуждающагося), если вынется платокъ, или повойникъ—къ замужеству, поясъ—къ дорогѣ, уголь—ребятъ будетъ много.

О судьбѣ гадаютъ еще такъ: идутъ къ свиню, гдѣ садятся къ окошку, схватываясь другъ съ другомъ мизинцами, а большими пальцами закрываютъ глаза и очерчиваютъ в аль себя кругъ огаркомъ лучины и по-очередно слушаютъ. Если въ это время заавенятъ колокольцы, значить къ замужеству, а если затешутъ доски къ смерти. А то еще берутъ кобылу, выводятъ ее на прорубь, гдѣ завязываютъ ей глаза; затѣмъ на кобылу липомъ къ хвосту садится дѣвица, которую три раза обводятъ вокругъ проруби и потомъ лошадь отпускаютъ на волю. Въ которую сторону пойдетъ кобыла, туда и выйдетъ замужъ сидящая на ней дѣвица.

Въ Крещенье, до заутрени, бѣгаютъ на угорь и замѣчаютъ: если сбрыкаютъ колокольши — къ замужеству; если услышать лай или вой собаки — останется еще въ дѣвкахъ.

Въ крещенскій сочельникъ пекли сочень и съ нимъ, до свѣту, обѣгали разъ вокругъ своей избы со словами: „суженый, ряженый, встрѣть меня“. Если встрѣчались мужики — къ замужеству, никого не было — оставаться въ дѣвкахъ. Этуъ обычай, существовавшій лѣтъ сорокъ тому назадъ, теперь вывелся.

Берутъ стаканъ воды, ставятъ по сторонамъ его свѣчи, кладутъ туда кольцо и затѣмъ выливаютъ въ воду яичный бѣлокъ. Если при этомъ образуется фигура, похожая на церковь, то это — къ замужеству.

Берутъ курицу и пѣтуха и садятъ подъ квашню, на которую садится дѣвушка съ мутовкой. въ колючку насыпается зерно и ставится корытцо съ водою; затѣмъ, помѣшавъ для виду мутовкой, выпускаютъ изъ подъ квашни птицу и замѣчаютъ: если она клюнетъ зерно, то дѣвушка за богатаго выйдетъ замужъ; если птица будетъ пить воду — за пьяницу; если курица и пѣтухъ пойдутъ подъ столъ, а оттуда къ дверямъ, то гадавшая выйдетъ въ тотъ же годъ замужъ.

Берутъ гребень и подвѣшиваютъ снаружи окна и если на гребнѣ окажутся утромъ русые волоса, то и женихъ будетъ такой же и т. п.

Легенды и сказки. Въ 14 верстахъ отъ села Богучанскаго есть развалившійся утесъ, о паденіи котораго существуетъ такое преданіе: нѣсколько юртъ тунгусовъ, остановившись на лугу подъ утесомъ, вздумали ограбить церковь, но одна тунгуска, не согласившись на это, тайно пошла предупредить жителей объ опасности. Когда она возвратилась, то увидала, что утесъ обвалился и похоронилъ всѣхъ тунгусовъ подъ собою.

Выше деревни Иркинеевой, на лѣвомъ берегу Ангары, есть углубленіе въ скалѣ, называемое пещерою, гдѣ, по сказанію жителей, жилъ огненный змѣй, который леталъ въ деревни Пинчугу и Иркинесу.

Народъ говоритъ, что во время дождя падаетъ на землю какая-то студенистая бѣлая масса. облако, какъ они называютъ, которая скоро и исчезаетъ. Облако это стараются зарыть въ землю, чтобы скотъ не нанюхался или не съѣлъ его, отчего онъ пропадаетъ.

Говорятъ, что раньше рябчикъ былъ величиною съ глухаря и, когда Христосъ былъ на крестѣ, рябчикъ прилетѣлъ и испугалъ его, то Богъ сдѣлалъ рябчика маленькимъ

Кукушка стала вить гнѣздо въ Благовѣщеніе. Богъ за это наказалъ ее, запретивъ ей имѣть собственное гнѣздо.

Вотъ легенда о происхожденіи кукушки: жили три дѣвицы и вздумали онѣ въ Благовѣщеніе заплести свои косы, за что Богъ сдѣлалъ ихъ кукушками и запретилъ имъ вить свои гнѣзда. Въ день Благовѣщенія и до сихъ поръ дѣвушки не заплетаютъ косъ.

Лѣтъ десять тому назадъ около одной деревни были сильные волки, которые страшно рѣзали скотину. Выискался одинъ поселенецъ, чтобы ихъ отвести. Поселенца этого возили вокругъ деревни, по полямъ, и онъ что-то шепталъ и крестилъ путь; затѣмъ, сказалъ, что еще надо дать волку съѣсть одну или двѣ

скотины и тогда— „шабашъ“. Съ тѣхъ поръ, какъ увѣряють крестьяне, волки не задавили ни одной скотины.

Вѣра въ русалокъ и лѣшихъ сильна въ народѣ. Увѣряють, что первыя таскають въ воду скоть. Ходить разсказъ, что одинъ крестьянинъ, вводя лошадь въ лодку, чтобъ ее переплавить, говорилъ первой: „чтобъ тебѣ чортъ взялъ“. Чортъ и радъ былъ тому, что ему посулили. На срединѣ рѣки онъ опрокинулъ лодку и утопилъ коня.

Разсказываютъ, что люди вступаютъ въ связь съ лѣшачихами и приводятъ такой случай, бывший, будто-бы, на рѣкѣ Мурѣ. Жилъ одинъ мужикъ въ лѣсу, имѣя скрипку, на которой любилъ играть. Игра эта понравилась лѣшачихѣ и она стала частенько посѣщать игрока, съ которымъ потомъ и слюбилась. Сблизившись съ нею, мужикъ сталъ вдвое больше добывать дичи и, такимъ образомъ, разбогатѣлъ. Вздумалъ онъ потомъ ѣхать въ деревню и лѣшачиха стала его просить, чтобъ онъ на ней женился. Мужикъ пообѣщался, но обѣщанія своего не исполнялъ, высватавъ невѣсту. Лѣшачиха не допустила до свадьбы: она явилась съ вѣтромъ—погодою и свела мужика съ ума.

Есть легенда, что многимъ людямъ являлась во снѣ Богоматерь и не велѣла носить краснаго цвѣта одежду, не ругаться, по праздникамъ не работать.

Вѣрятъ еще слѣдующему разсказу одного старика, жившаго верстъ за тридцать отъ деревень. Старикъ этотъ въ праздникъ Вознесенія Господня промышлялъ рыбу. Только что онъ легъ спать, какъ явился къ нему старецъ, въ образѣ святого, и сталъ спрашивать,—почему онъ не уѣхалъ на праздникъ домой, затѣмъ наказывалъ не работать въ день праздника и не ругаться. Въ заключеніе этихъ словъ старецъ прибавилъ: „я бы тебѣ голову заворотилъ, да оставлю тебя живымъ для того, чтобы ты разсказалъ людямъ, что отъ меня слышалъ“. Послѣ этихъ словъ старецъ исчезъ.

Въ 1893 году, когда ожидалась холера, между народомъ ходила такая басня, о которой, кажется, было даже донесеніе губернатору, какъ о дѣйствительномъ фактѣ, которому вѣрили безусловно: будто-бы, въ деревню Богучаны явились двое докторовъ съ желѣзными шурупами и склянками лекарства, предлагая его отъ холеры, а шурупами пробовали хлѣбъ по амбарамъ. Шурупы эти заключали въ себѣ ядъ и отравляли все, къ чему прикасались. Открыла все это одна баба. Пользуясь отсутствіемъ докторовъ, она скрала банку лекарства, вылила его на ломоть хлѣба и дала собакѣ. Собака отъ этого околѣла. Тогда баба заговорила, что доктора подкуплены, чтобы истребить народъ и чтобы сдѣлать мѣста просторными, такъ какъ у царя людей стало много, а земли мало.

Вотъ еще легенда: одинъ мужикъ добывалъ много дичи, племянникъ-же, вѣдвшій съ нимъ, терпѣлъ неудачу. Вслѣдствіе этого онъ сталъ допрашивать дядю—отчего ему такая удача. Дядя, уступая неотвязчивымъ просьбамъ его, велѣлъ достать просфору отъ Христовской обѣдни, и когда племянникъ досталъ ее, онъ повелъ его въ лѣсъ и велѣлъ положить ее на дерево и стрѣлять въ нес. „Когда прострѣлишь ее—сказалъ дядя,—будешь тогда добывать дичь“, но, лишь только племянникъ хотѣлъ стрѣлять, вдругъ передъ просфорой повисъ крестъ, отчего у него руки опустились и онъ отказался отъ этого.

Какъ казаки завели сношенія съ тунгусами, ходитъ такая легенда: тунгусы сторонились казаковъ и, вообще, русскихъ; тогда, чтобы уловить тунгусовъ, казаки стали вѣвѣшивать разныя бездѣлушки и, валя кашу, оставлять на дорогѣ бродячихъ тунгусовъ ея остатки. Тунгусы кашу попробовали и она имъ понравилась, а бездѣлушки взяли и ушли. Казаки въ другой разъ повѣсили послѣднія, но тунгусы, взявъ ихъ, оставили вмѣсто нихъ соболей. Такъ повторялось нѣсколько разъ. Тунгусы, убѣдившись, что имъ не вредятъ казаки, стали дружелюбно относиться къ нимъ. Тогда завелись сношенія постоянныя.

Мужикъ учился у шамана какъ удачно бѣлокъ ловить. Шаманъ, съ приговоромъ, велѣлъ ему насторожить плашки и на утро во всѣхъ ихъ попалось по бѣлкѣ. Ночью-же на другой день враги, какъ называютъ чертей, пришли къ мужику и заговорили: „если ужъ ты принялъ насъ, то принимай насъ всѣхъ, а то мы задавимъ тебя“. Мужикъ испугался и на утро, побѣжавъ къ плашкамъ, съ молитвою и благословеніемъ пересторожилъ ихъ и съ тѣхъ поръ бѣлка не стала попадаться такъ удачно, какъ ранѣе.

Въ великій четвертокъ въ Карабулѣ нѣсколько мужиковъ увидѣли прошедшую во дворъ волхитку. Стали осматривать ее съ огнемъ, но не нашли. Зашли въ хлѣвъ, гдѣ увидѣли пестраго быка. Они и не догадались, что волхитка превратилась въ него. Воротившись въ домъ, мужики спросили бабъ, зачѣмъ онѣ заперли чужого быка. Послѣднія увѣряютъ противное и когда мужики возвратились, чтобы осмотрѣть быка, то его уже не оказалось.

Всѣмъ этимъ, приведеннымъ нами, легендамъ и рассказамъ приангарскій народъ глубоко вѣритъ, благодаря полному невѣжеству, поощряемому отсутствіемъ школъ въ краѣ.

Загадки и отгадки. Вышелъ дѣдъ 70-ти лѣтъ, вывелъ внука старѣ себя (Попъ съ евангелиемъ). Четыре ступицы, 4 греяцы, 2 бойда, одна маковка. (Корова). Братнява коня не поймать. (Вѣтеръ). Сестрицъ поясъ не собрать. (Дорога). На морѣ рубятъ, сюда пепки летать. (Письмо). На улицѣ кланяется, кланяется, придетъ дождь растянется. (Топоръ). Сушка вонъ яедаетъ. (Сумъ въ стѣнѣ) Соловьиное гнѣздо ни въ избѣ, ни на улицѣ. (Пята у двери). Синий конь подъ ворота глядитъ. (Мѣсяцъ). Безъ рукъ, безъ ногъ на гору ползаетъ. (Вода). Безъ рукъ, безъ

ногъ Богу молитси. (Очепъ). Медвѣжья лапа по подлавицѣ таскается. (Чугунка). Бѣжить свинка, золотая петинка, хвостъ лѣняной. (Иголка съ ниткой). Вѣсятса, болтается, всякъ за него хватается. (Полотенце). Щука въ морѣ, хвостъ на угорѣ. (Ковшикъ въ надкѣ). Пять овечекъ зародъ подъѣдаютъ, пять назалъ отбѣгаютъ. (Прялка и веретено. Овечки—руки, зародъ—конопля). Бѣжали овечки по калинову мосточку, увидѣли аюру, побросались въ воду. (Звѣзды). Полно морыто намыто (Огурцы). Четыре дѣвицы въ одну лунку льютъ. (Вымя). Два братца однихъ поясомъ подпоясаны. (Колья у огорода). Бѣжить волкъ вырываетъ бокъ. (Залавокъ въ избѣ). Стоитъ сохатый весь дырватый. (Полѣвница) Два волка бѣгутъ, оба ва небо глядятъ. (Головки у саней) Бѣжить свинья къ овину, на обоихъ концахъ по рылу. (Сельница хлѣбная). Два борова дерутся, между ними пѣна ллетъ. (Жернова). Синяя шапка вся въ заплаткахъ, кто не взглянетъ, тотъ заплачетъ. (Каменка въ черной банѣ). Сидитъ баба на брису, у ней чирей на носу. (Подолвникъ). Кругъ пенька золота травка. (Кольцо). На спичку не повѣсятъ (Яйцо). На избу не ваброситъ. (Перышко). Вокругъ избы не обнести. (Вода въ рѣшетѣ). Мать толста, дочь красна, сынъ храберъ, на небеса ушелъ. (Печь, огонь, дымъ) Два кольца, два конца, по срединѣ пуговица. (Ножницы). Маленькій, горбатенькій, всѣ поля обрыскалъ, лемой прибѣжалъ. (Серпъ).

За горами, за долами жеребецъ заржалъ. (Громъ). Напередъ отца дѣти родятся. (Копны). Плетъ плетена, подъ верхъ ведена, на сто угловъ, на тысячу рублевъ. (Церковь). Загану загадку, брошу черезъ грядку, голь пушу, головнику жду. (Рожъ). Бочка стонетъ, бояра пьютъ. (Свинью поросята сосутъ). Лежать доска въ болотѣ, не сохнетъ, не блекнетъ, не куржавѣтъ. (Языкъ). Старикъ терпѣль, сто лѣтъ коптѣль, на улицу выбросятъ—собаки не ѣдятъ (Горшокъ). Много рубаконъ рубятъ хату безъ угловъ. (Муравьи). Щука понура, по лѣсу ходила, лѣтъ домида, горы становила. (Коса). Стоитъ Егорій въ полугорѣ, шестомъ подперся, шатромъ покрылся. (Суслоны). Сидѣла чайца на 70-ти яйцахъ. высидѣла чайцевъ—счету вѣтъ. (Суслоны). Берегъ желѣзный, вода дорога, рыба безъ кости. (Сковорода, масло и блины). Кожу брошу, мясо брошу, одна жиръ воаму. (Сокъ съ дерева) Подъ лѣсомъ колеса висятъ (Сергия). По подполицѣ хожу, шарикальцо ишу—ширяться хочу. (Калка). На морѣ на фряскомъ, подъ угломъ подъ парскомъ, два орла китайски по яичку снесли. (Жернова). Разсыпался станокъ по всѣмъ городамъ, никому не собратъ, ни попать, ни дьякамъ, ни серебрянникамъ. (Звѣзды). Сидитъ попъ на воротахъ, голосъ до небу, хвостъ до полу. (Колокольцы). Материнъ коробъ ненюимать. (Жаръ въ печи). Стоитъ Митрошка на одной ножкѣ, крошенипу крошитъ. (Свѣтильня съ лучиной). Вылетѣла птычка не больше величка, съ востренькимъ носочкомъ, сѣла на престоль, говорила со истиннымъ Христомъ, далъ имъ волю во царяхъ, короляхъ, не далъ воли ни въ морѣ—океанѣ, ни въ рыбинѣ (Комаръ) Вылетѣла птычка на Юбьевъ день (16 июля), дерево лисѣ, хребетъ соболонный (Мошка). День на улицѣ болтается, ночью въ дырочку толкается. (Ставень съ засовомъ). Ходитъ по лавкѣ въ бронзовой рубашкѣ, отворялъ окошко и самъ за окошко. (Дымъ). Въ полѣ поляше, стоитъ столбиче, въ немъ ни сусло, ни масло и недалеко смерть (Бочка съ виномъ). За стѣной—стѣной барабанчикъ костяной. (Жевшица беременная). Не стукнетъ, не брякнетъ, подъ уголь подходитъ. (Ночь). Сидитъ баба на печѣ въ бѣлой апанчѣ. (Чуваль). Семидесять одержокъ, всѣ безъ застежь, не шить, не кроить, весь въ рубцахъ. (Капуста). Сидитъ дѣвица въ темной темницѣ, коса на улицѣ. (Морковь). У тебя сербитъ, у меня сербитъ—давай посербимся. (Вшей искать). Старикъ у воротъ тепло уволокъ, самъ не бѣжить и стоять не велитъ. (Морозъ) Стару бабу за пупъ, да за пупъ. (Дверь). Видитса да не ходитса. (Поль и потолокъ). Безъ рукъ, безъ ногъ Богу молитса. (Дерево). Расчеркать, черкать, никому не собратъ, ни попать, ни дьякамъ, ни серебрянникамъ. (Лучина). Шерсть съ шерстью сходится, ночного хочется. (Рѣснини). Зеленый лѣсъ на парни влезъ (Вѣвнижъ). Лезу лезу по желѣзу на мясную гору. (Садится на коня). Заѣхалъ въ ухабъ—не выѣхать никакъ. (Покойникъ) Стоитъ попникъ не высокъ, не низокъ, на немъ сорокъ язюкъ (Капуста). Кругъ проруби мать проведу, сестру выведу. (Оборка у бродня). Сахарный кусочникъ на блюдѣ не бывалъ, а всякъ его ѣдалъ. (Молоко грудное).

Словосици: Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тяжись. Въсь — не попова душа. Наполнитса адъ попами, дяками да неправеднымъ судьями. Съ того свѣта выхощевъ нѣтъ. Плохо лежать брюхо болить. Подаль положишь, поближе возьмешь. Свади сербитса — теща имнивиница. Вору у вора воровать — только время терять. Отчего солдатъ глазомъ: наѣлся да на бокъ. Жена не ланотъ — съ ноги не сбросишь. Не радуйся, что васьель и не кайся, что потеряль. (Если разъ неудача, то другой разъ будетъ лучше). Тестъ любить честь, зять любить взять, а шуринъ глаза шурить. Судьбу не обидешь и не объѣдешь. Крѣпка тюрьма да чортъ ей радъ. За что крестьяннѣ, за то и обезьяна. Одна голова не бѣдва, бѣдва голова да одна. Легокъ на поминѣ, какъ снопъ на овинѣ. Медеть какъ чортъ у ступы и не знаю на кого. Кто кому миленекъ, тотъ на личико бѣленекъ. Гора съ горой не сходитса, горшокъ съ горшкомъ сойдется. Пенекъ ааряди и онъ будетъ бравый. Въ теплу воду пальца не замочить. (Говорять про того, кто живетъ въ довольствѣ). Свѣгу нѣтъ — свѣду нѣтъ (Говорять, когда нѣтъ дороги). Хорошо панку во своемъ домку. Въ людяхъ Анавий, а дома не найдешь. (Говорять про того, кто любить гостить, а самъ не любить угощать). Какъ хочешь, а все одна нога короче. (Говорять тому, кто хочетъ быть богатымъ, да не можетъ достигъ этого). Кошкѣ смѣлъ — мышкѣ смерть. Въ которой посудѣ побываетъ деготь изъ той его не выведешь. Отдай душу въ адъ — будешь богатъ. Чужой глазъ не любой кусть. Торговно дѣло любовно Божье крѣпко, а вражье дѣпко. Мать дверьми, а дочь въ окно. (Говорять про тѣхъ, кто дома мало сидитъ). Чужая выть (ѣда) до порогу. Мотри (смотри) никому не опереди. Не плачетъ за столомъ, наплачется за столбомъ. (Про невѣсту, которая не плачетъ при просватаньи). Съ горя не убитса, хлѣба не лишиться. Будешь кормить мѣшкомъ, не пойдешь пѣшкомъ (Говорять къ тому, что лошаад надо кормить лучше). Волѣтъ полозъ во весь голось. (Говорять, если не будешь кормить). Тихо — не лихо. Скоро — не споро. Скоро персть тычетъ слѣпо родитса. Пустую бочку и : натычешь, худого человекъ не ваучишь. Нѣтъ роженана ученаго. (Говорять въ отвѣтъ тому, кто говоритъ, что тотъ-то не умѣетъ дѣлать). Не отъ свата я мохвата. Провѣняль утло на пробито. (Говорять про неудачную мѣну). Охота быть бѣдому — перемиыть голому. Похвальщикъ на конѣ, похульщикъ на свинѣ и то сильнѣ. Обычай не клѣтка — не переставишь. Весенній путь — не дорога. Не отгонишь, гдѣ утонишь, не узнать кому дать. На брезгай черной сматертьи, да плохой матерью. Лыкомъ сшита да мать. Выросла съ отпа какъ дикий овца. Не пообѣдаешь, такъ не провѣдаешь (Говорять про дѣло, маъ котораго не знаютъ, что выйдетъ). Встанъ кормить, лѣвъ портить. Не рокъ голову ищеть, а сама голова на рокъ идетъ. Первыхъ шеняъ подъ гору ваяль Жила бабушка — не жѣшала, умерла — гобчикъ опростала. На что кладъ, когда въ семьѣ ладъ.

Полюворки и мистыиы выраженіи: Горе, что мужъ Григорій — дуракъ да Иванъ, такъ бѣжать надо. Пустой нѣтъ болтаешь, вмѣсто: чепуху городишь. Лѣсной на! (долго засидѣлась). Гости уходя домой благодарятъ за угощеніе козаявъ, а они отвѣчаютъ: Господъ на прощанье или благодаримъ за угощеніе. Благодарятъ еще такъ: „благодаримъ за угощенье, за хлѣбъ за соль, за чай и сахаръ“. Хозяева отвѣчаютъ: кушали на здорovie. Пустой нѣтъ выдумалъ, вмѣсто „что то выдумалъ“. „Эхъ ты чужая ужина“ говорить про того, который не вмѣетъ своего куска, а ѣсть по людьямъ. Пой, пой комаръ, придетъ первый Спасъ — уберетъ вась. Хмѣль, что дьяволъ „Зѣвъ въ красно, чтобы я прошла“ — говорятъ ткачихѣ, вмѣсто „помогай Богъ“, желая этииъ, чтобы работа спорилася, и человекъ опрокидывался лучше, не задѣвалъ и не рвалъ бы штокъ.

Скоропозорки: На полатяхъ якутъ, подъ полатями нкутъ, въ кутѣ маленькихъ якутъ. Около мѣсяца два хвой вѣсятса. Коль въ набѣ не приставишь. Около ямы три хвой ваялы. Стоять чашечка на окошечкѣ не подъявлега и не вмявалена, пришелъ Васъ подъявачъ, подъявилъ, выевиъ. На угорѣ худъ, подъ горой худъ, худъ худу молвыль: ты худъ, я хуяъ. Съль худъ на худа, поѣхала подъ худову деревню ночевать. У гоголевыхъ у вѣхъ по пуховку. Мать скорохода подлизать не дала.

Слова мысленныя: „Болоая“ я теби не боюсь—вѣд я тебѣ не боюсь. Дѣвья—ладно, хорошо. Лѣсной тебѣ возьми. Скорее-те—скорѣе. Капочку—маленько. Одна-медвѣсь—на дѣвчѣ. Втапорѣ—въ то время. Кутре—утромъ. Кто него знаеть—кто его знаеть. Приходи въ гости. Отвѣчаютъ: ладно, нигдѣ дѣваться. Когребѣ—погребѣ. Посуда—называютъ амбары. Лометъ—ломотъ. Складка полна, напр. складка чашка—полная чашка. Парѣ—парещ. Здынь, сапъ—бравныя слова. Пятчишь—пятя. Подъ свѣты—передній уголъ. Горячна, огнева, жаба, хворосты, боль нодуча—бравныя слова. Здорово ночевали—здравствуй Закуски—это пряники и конфекты. Ужожь—жѣсто, гдѣ добываютъ бѣлку. Зався вѣсто постоянно. Не бердить—не смотреть, не отпирается. Нагалище—родъ футляра на заакѣ ружья Чайль—зналь. Дрескотокъ—трескотокъ. Заправъ—зарядъ въ ружьѣ. Другорядъ—другой разъ. Кавкать—лаять Дюжить тернить. Молонья—молвія. Тошнѣ—силнѣе. Далѣ—далѣше Ночесь ночью. Бравецкій—хорошій. Змѣюха—бравное слово. Слонецъ—ловушка на бѣлку. Лѣсной тебѣ поведи Натодель—нарочно. Духторы мелкій сосякъ. Лоншакъ—жеребенокъ, не имѣющій году отъ роду. Восподанъ—господианъ. Матера—большой лѣсъ. Харчево—припасы. Прѣсница—прялка. Ноне—нынѣ. Тожно—тогда. Хамчуры—сапожники изъ лосиной кожи съ шерстью вверхъ, безъ каблукъ, подошвы кожанныя безъ шерсти. Мутовка—веселко. Мунудлы—обувь изъ лосиной кожи съ шерстью вверхъ и голяшками до колѣнъ, подошвы кожанныя съ шерстью наружу. Унаты—тѣ же хамчуры, къ которымъ пришиты ирхи (хорьки). Однорядка—пальто изъ овчинной шерсти или сукна Шябуръ—однорядка, обшитая холстомъ, называютъ ее еще шодонникомъ Лузаны—тряпка, надѣваемая мужчинами на плечи, чтобы свѣгъ не попадалъ за шею и на плечи. Сады—овоци Бухта—брюва. Конетка—маленькій платокъ, носимый на головѣ. Ни еднаго—ни одного. Оборонишій—давнишній, постоянно такой. Армяжу—гачи отъ штановъ, сшитыя изъ холста, ихъ надѣвають сверху ихъ и сапогъ, чтобы свѣгъ не попадалъ за обувь. Внизу они около сапогъ завязываются, сверху прикрѣпляются къ поясу; носить только на охотѣ. Комиссаръ—засѣдатель. Кюднѣ—палка съ крючкомъ сверху, а внизу ея кружокъ, чтобы не вязла въ свѣгу. Крючокъ для того, чтобы идя на лыжахъ, держаться за дерево. Унотребляется на охотѣ. Бакари—обувь, сшитая изъ сукна, а подошва кожанная. Черки—обувь кожанная безъ голяшекъ. Бродень—черки съ голяшками. Слѣпецъ—непроходимая чаща Загорки—горькое мѣсто Натопорникъ—футляръ для топора при верховой ѣздѣ. Жизньъ—пискаръ. Сѣзмаелешинка—съ памѣла. Чумница—слѣдъ отъ мышей. Пояга—деревага, надѣваемая на спину при отправкѣ въ лѣсъ, къ деревагѣ этой привязываютъ припасы. Выхоръ—вывороченное дерево. Рукотерникъ—полотенце. Рушникъ—платокъ. Очепъ—деревянная жердъ, на которую подѣшьявають зыбку, люльку. Исподки—рукавички шерстяныя. Стамовая пружинка—которой спускають курокъ, Хребтина—веревка, къ которой привязываютъ крючки съ поводками для ловли рыбы Якорная—веревка у якоря Хвостецъ—веревка, которой прикрѣпляется напловъ къ хребтинѣ. Игрвище—сборнице дѣвокъ и парней для пляски и пѣсень. Прокавераятъ—прочерять. Каживый—каждый. Выцѣвнѣть—обсудить, пересудить. Эвогъ—вогъ. Еареный—плотный, хороший. Первый вѣсто первый Зыскивать—выскивать. Ноне—нынѣ. Кыранца—хлопотливая, прилежная баба Гобець—настилка надъ подпольемъ, около печи. Супрядъ—помощь бабъ при пряденіи конопля или льна. Турусить—брeditъ. Чумакъ—сидѣлецъ. Нюхря—неповоротливый человекъ. Охреть—необходная женщина. Челядъ—ребятишки. Баятъ—говорить. Повойникъ—бабья головная повязка. Шурубчикъ—винтикъ. Сохатый—большая медвѣдица (сохъздіе). Судачить—пенять. Кудемки—пасти, ловушка на зайцевъ. Часменка—три нитки, обошедшія мотвилу кругомъ составляютъ часменку, на одно мотвилу ихъ наматываютъ отъ 30 до 40 Сновальня—снарядъ, на который сматываютъ пряжу. Тюрики—круглыя юрки, на которые сматываютъ пряжу съ воросы. Вороба—крестовина, укрѣпляемая на подставкѣ, называемой бабой. Вьюха снарядъ, на который надѣваются тюрики. Потрепки—остатки отъ льна при трепаніи его, идутъ на мѣшки и подовьки.—Отрепы—остатки отъ льна, послѣ третьяго трепанія иногда замѣняютъ холстъ. Пачесы—лѣтъ послѣ чесанія, идутъ на холсты Осенива—овечья шерсть, святая передъ Рождествомъ. Позинки—также шерсть, святая весной передъ вынскомъ въ поле.

Веснина—также шерсть, снятая перед Петровымъ днемъ Лѣтнина—также шерсть, снятая осенью. Еретина—первая шерсть съ молодого ягненка (ягушки).—Полярки—вторая шерсть съ него же Кружаешь—арешь. Свистить—свѣтитъ Меледить—медлить. Помеледи—подожди Нянянь—молодой сохатый. Собачій слѣдь—шампиньоны. Хайно или гайно бѣличье гѣздо Снмя—снмя. Ницля ровно нѣтъ ничего. Сокиа слѣдь, оставленный животнымъ по травѣ Промышленный—охотникъ. Нѣту-ка—нѣтъ. Зарина вечерняя звѣзда Кычягие—совѣдзіе, находившееся вечеромъ на Ю. В., а къ утру на Ю З Позолгонасте—подлигѣ, Въ притимъ—въ упоръ Мерлога—берлога Кунпаня—компания. Мангаея—магазинъ. Съ поварной руки—къ свободное время. Съ голномъ пропаль—безъ вѣсти пропаль. Взаболь—вправду. Настовать—заботиться. Сокоуля—сокъ сосновый, соскабливаемый весной ножомъ съ молодой сосны въ видѣ ленты Сполитичягѣ прилячѣе, лучше, удобягѣ. Даромъ—ничего для меня не значить. Подовяники—кряжи нарубленныхъ дровъ для рѣги. Рубать ихъ изъ сухихъ стоячихъ лѣсинъ. Бультина—сокъ, наплывшій на листьеницѣ. Она въ застывшемъ видѣ коричневаго цвѣта какъ янтарь, клейка и сладка на вкусъ Шатина—палка. Морочяо—пасмурно. Согласіе—сельскій сходъ. Ранняя паужня—ѣда, когда солнце будетъ около юго-запада Нюкшай мокрый свѣгъ. Возгудають—поютъ. Тварь—тунгусы. Едреная—плотная. На абатурки—перетаскиваніе лодки Сначала съ одного конца, а потомъ съ другого. Локамен—обува изъ оленьей кожи безъ шерсти, обшитые бисеромъ и съ голяшками до коленъ Послужанный—пслушный. Волокъ—разстояніе между станками, деревнями. На проходъ—постоянно. Сунестовать—выговаривать пенягъ. Родимецъ, младенка—бранная слова. Пеленова—свѣгъ, выпавшій тонкимъ слоемъ на старый свѣгъ. Кить свѣгъ, выпавшій толстымъ слоемъ. Надера сильный вѣтеръ. Бахтерма—жила на кожѣ. Вытъ—обѣдъ или завтракъ. Выти нѣтъ—нѣтъ охоты къ тѣл. На апробацію—на пробу. Жировая бѣлка—та, которая весной выводитъ дѣтей. Ходовая бѣлка—переходящая съ мѣста на мѣсто. Сенаторъ, сорщикъ, ссорщикъ—санитаръ. Мотырь—палка у коромысла, за которую прицѣпляются ушаты или ведра. Понимательно—понятно. Наѣвся, напился, одѣся—наѣлся, напился, одѣлся. Изохратить—испортить. Мончено—коротенькій тулупъ. Пойдемъ запрягаться вмѣсто пойдемъ запрягать. И запрегся вмѣсто я запрегъ—такъ говорить на рѣкѣ Мурѣ. Нухать—нхать. Едакъ—такъ. Воротокъ—круглая съ борками перелинка, носимая на плечахъ. Прегятельно—противно. Ханыя не было во рту—ничего небыло во рту. Не выживала—не попортилась. Лонской прошедшій. Кычуть—мелкій мокрый свѣжокъ Хлындой—легкой рысью Масляницу будутъ здѣсь брать—масляницу будутъ здѣсь проводить. Змьльо—свѣгъ, выпавшій на палецъ поверхъ наста. Наркивъ—тонкій настъ, называютъ его еще чиромъ, онъ не держитъ человека. Змьльбонки собачья кожа, надѣваемая на лыжи, чтобы онѣ не шоркали по свѣгу и не пугали звѣря. Перхлица—мелкій свѣжокъ, идущій при ясной погодѣ. Бурхоны—мелкіе камешки, которые кладутъ въ слопцы для приманки глухарей Провіантъ—дроби, свинецъ и порохъ. Матиряль—матеріалъ Не сбардовать—не справится Зимаки, зимаки—такъ крестьяне деревни Богучанъ называютъ крестьянъ и крестьянокъ, живущихъ въ деревнѣ Заимкѣ. Ярколаны пинчугары—такъ называютъ крестьянъ деревень Ярковой и Пинчуги. Иѣловникъ—прощенный день Бравущая—сильно хорошая. Тенигусъ небольшой подъемъ на гору Сочельникъ—суббота передъ Пасхой. До повиданя досвиданя. Опока—алебастръ Чаныжникъ—таволочникъ. Виандъ—полевоі горюшекъ. Вендиръ или фитиль—родъ морды для рыбы, сшитенный изъ пряжи и натянутый на обручъ. Орать—пахать. Паре парень. Зладобредный—зловредный. Клеянякъ—плевмянникъ. Халудера или харла—худой хлѣбъ съ соромъ. Мужичекъ—лѣвый сошникъ у сохи. съ отваломи. Женки—правый сошникъ. Косвадн—ваднхъ. Лѣсной съ нимъ—чортъ съ нимъ Лѣсной водить тебя—говорять, когда ребенокъ что нибудь сгрѣзитъ Опшина—шелуха на пшеницѣ На умъ—я думаю (я хочу на умѣ попросить саней). Хозянякъ мужъ Эттамока—тамъ. Заводъ—снарядъ для рыбной ловли. Кича, кичка мохнатая листьеничная вѣтка. Плесо—теченіе рѣки. Кичча—окопательно. Пряга—ремень съ пряжкой, которымъ подпоясываются по рубахѣ. Головная лошадь—лучшая лошадь у хозяина. Селянская служ-

ба—сельская служба. Новы—вины. Новой—виной. Ранна—палка, къ которой привязывают парусъ. Скуты—веревка, привязанная къ нижнимъ угламъ паруса. Возжи—веревка у паруса, привязанная къ раннѣ. Сталистѣ—приличѣе, лучше. Звягеть—сигеть. Довести до термину—довести до конца. Клемають—мало-мало здоровьемъ владѣють, Куреньга—ободранная бѣлка. Обороншній—дкій, ненормальный. Мянкозобъ, мульча—пискаръ. Стронникъ—ненормальный человекъ, на котораго повліялъ испугъ. Ликованье—сборъ осенью и въ Петровки женами сельскихъ писарей на рѣкахъ Онѣ я въ селѣ Кежемскомъ разныхъ приспособъ въ свою пользу, какой обычай водился тамъ лѣтъ десять тому назадъ. Полипокъ—годовалый ягненокъ. Когда—когда. Обетовно—постоянно. Кто него знаетъ—кто его знаетъ.

Н. В. Скорняковъ.

Тайна Акима Акимовича.

(Фантастическая бѣль).

— Вотъ-съ, Акимъ Акимовичъ, та самая барышня, о которой я вамъ имѣлъ честь докладывать-съ... Онѣ окончили курсъ гимназіи съ золотой медалью-съ...

Акимъ Акимовичъ поспѣшно осѣдлалъ свой толстый, мясистый носъ въ золотое пенснѣ, отложилъ въ сторону книгу дѣловыхъ бумагъ и впился своими ястребиными, пронизывающими глазами въ лицо молодой дѣвушки, одѣтой просто, но не безъ изящества и вкуса. „Барышня“ потупила глазки, слегка покраснѣла и Акимъ Акимовичъ могъ совершенно свободно разсматривать ее съ ногъ до головы. Въ лысой головѣ Акима Акимовича мигомъ обрисовался портретъ дѣвушки-просительницы: стройная, невысокая фигура, маленькія, бѣлыя руки съ розовыми ноготками, длинныя, темныя рѣсницы, изъ-за которыхъ рѣзко глядятъ потупленные сѣрые глаза, румянецъ юности, длинная, золотистая коса;—словомъ, вся она сразу, какъ въ фотографіи, запечатлѣлась въ головѣ Акима Акимовича. „Да, она очень, очень недурненькая. Надо принять!“ мысленно рѣшилъ Акимъ Акимовичъ и, глубоко вздохнувъ, снялъ съ носа золотое пенснѣ.

— Э... э... э... видите-ли.. Намъ въ сущности нужна не машинка, а переписчица.. Машинки лишней у насъ нѣтъ.. Выписали новую, поѣхалъ за ней чиновникъ; но ни чиновника, ни машинки до сихъ поръ нѣтъ.. Какъ въ воду канули... Такъ я могу вамъ предложить мѣсто переписчицы... Обладаете ли вы четкимъ, разборчивымъ почеркомъ?.. Дѣвушка не знала, что отвѣчать. Писала она недурно... Когда-то ей по чистописанію четыре съ плюсомъ ставили, но, вѣдь, то было давно, учитель-старичекъ добрый былъ... Что тутъ отвѣтить? Сказать, что пи-

шесть хорошо, это себя хвалить, а хвалить себя, по пословицѣ, только ржаная каша... Нѣтъ... Что-же сказать.. Фу, какъ неловко!..

— Вы, можетъ быть, напишете что нибудь вотъ на этомъ листкѣ бумаги,—видя смущеніе просительницы, любезно проговорилъ Акимъ Акимовичъ и положилъ на край стола листъ глянцевиной, бѣлой бумаги.. Присядьте, пожалуйста, и напишите...

— Чтожъ я ему напишу?.. Право, ничего не приходится въ голову...

— Вы напишите, не торопясь, — ну хоть .. Акимъ Акимовичъ слегка запнулся, лицо его покраснѣло, онъ прикрылъ ротъ лѣвой выхоленной рукою и улыбающимися глазами глядѣлъ на своего подчиненнаго, который привелъ ему барышню...

— Въ самомъ дѣлѣ... что же написать,—усмѣхнулся Акимъ Акимовичъ. Развѣ что нибудь.. такое... изъ области поэзій... Да, да... Попробуйте!..

— Я, право, ничего сейчасъ не могу припомнить,—еще сильнѣе сконфузилась дѣвушка, чувствуя, что на нее зорко смотрятъ эти мужчины...

— Ну-съ, я вамъ помогу... Пишите: „Приходи, о другъ мой милый, милъ свиданья часъ!..“ Затѣмъ, ваше имя, фамилія... Прекрасно . Послѣ „о“ запятой не нужно... Вы, пожалуйста, служа у насъ, употребляйте поменьше этихъ знаковъ препинанія.. Они только затемняютъ смыслъ... Такъ, вотъ-съ, милости прошу завтра пожаловать... Жалованьемъ мы васъ не обидимъ... До свиданья!

Акимъ Акимовичъ съ чувствомъ, весьма крѣпко сжалъ руку дѣвушки, подержалъ ее нѣсколько секундъ въ своей рукѣ, заглянувъ въ глаза новой служащей и, затѣмъ, проводилъ ее самой обворожительной, ласковой улыбкой ..

— Какіе они милые,—думала барышня, направляясь домой. Тотъ Акимъ Акимовичъ ужасно похожъ на нашего инспектора... Такой-же.. деликатный и нѣжный...

А въ канцеляріи Акіма Акимовича тѣмъ временемъ шли приготовленія мѣста для барышни, съ чѣмъ хлопотъ было не мало...

— А куда мы ее помѣстимъ, Иванъ Сиразидиновичъ?—спрашивалъ Акимъ Акимовичъ своего подчиненнаго..

— Придется убраться-съ кого нибудь...

— Кого-же?..

— Право, я затрудняюсь Акимъ Акимовичъ, всѣ съ протекціей-съ..

— Да, положеніе, и вамъ скажу... Веснушкину нельзя двинуть съ мѣста: у нея мужъ бухгалтеръ .. Ветошкину — тоже... родство большое и связи... Вотъ развѣ эту изъ „фантазій“...

Вѣдь, она въ горничныя не годится, — бѣлья грязнаго не запишетъ... Видѣлъ нынче: пишетъ съ вободный, возъ рашаюсь... Это чортъ знаетъ что такое!..

— Ихъ нельзя, — сладко запѣлъ Иванъ Сиразидиновичъ: у нихъ тутъ есть „опекунъ“ — съ..

— Кто же этотъ болванъ?

Иванъ Сиразидиновичъ прошепталъ надлежащее имя начальнику на ухо.

— Ну, я такъ и зналъ... Этотъ болванъ только у горничныхъ и пользуется успѣхомъ... Съ трехъ квартиръ изъ-за этого съ полиціей выдворяли... Но кого же убрать?..

— Кого прикажете — съ..

Акимъ Акимычъ задумался, потеръ свой лоснящійся лобъ рукою, вздохнулъ и, наконецъ, придумалъ:

— Какъ этотъ у васъ... Лохматый такой, грязный пиджакишка... Какъ его... Воронковъ, Жеребцовъ — не помню...

— Ага! вѣроятно — Сивковъ — съ?

— Да, да, вѣроятно... Вотъ вы его и смахните... Ну, его къ чорту. Мимо него ходить опасно... Еще насѣкомыхъ подцѣпишь...

— Слушаюсь!.. А какъ мотивировать? — превращаясь въ слухъ, спросилъ Акима Акимовича его подчиненный.

— Мотивируйте тѣмъ... Гм! Гм! Хе... получили, молъ, циркуляръ уменьшить штаты... Только знаете что: потихоньку ему скажите, безъ свидѣтелей, а то опять въ газеты попадемъ.. И какая это каналья соръ изъ избы выносить... Ужъ дознаюсь я — и не постѣснюсь своеврочно — въ морду — съ... Да! у меня былъ такой случай... Штрафомъ отдѣлался, а закатилъ...

— Да, Акимъ Акимычъ, я самъ замѣчаю, что все, что у насъ дѣлается, въ газетѣ все знаютъ.. Откуда — не придумаю...

— Подлый народъ пошель... Надо будетъ принять мѣры... Совѣтовалъ мнѣ тутъ одинъ человекъ послѣ каждаго пропечатыванія штрафовать всѣхъ служащихъ, — да опасно... И за это пропечатываютъ... Нѣтъ, мы найдемъ мѣры инныя... Вы вотъ почаще перибирайте всѣ бумажки, которыя остаются на столахъ послѣ занятій, — авось накроемъ..

— Я для этого особаго служащаго взялъ... бывший околочный.. бестія парень.. такъ и шныритъ...

— Ну, вотъ, это прекрасно... Такъ вы этого Кобылина...

— Т.-е. Сивкова, Акимъ Акимовичъ...

— Ну, Сивкова. Пожалуйста, сегодня-же шарахните, а барышню къ Вихровскому не садить; отъ него подальше... Онъ, ловкая бестія, умѣетъ турусы на колесахъ разводить, а она барышня еще молоденькая, глупенькая... Нѣтъ, вы ее посадите отдѣльно.. рядомъ съ моимъ кабинетомъ, а регистратора оттуда убрать... а то тоже, пожалуй, поухаживать вздумаетъ... Артисты!..

Акимъ Акимовичъ послѣ сдѣланныхъ имъ распоряженій почувствовалъ себя совершенно спокойно. Онъ „отпустилъ“ Ивана Сиразидиновича для исполненія распоряженій, а самъ, развалился въ мягкомъ штофномъ креслѣ, закурилъ дорогую сигару и въ легкой дремотѣ думалъ:

— Недурна... Впрочемъ, въ 19—20 лѣтъ всё хороши... Молодость, свѣжесть. Молодецъ у меня Иванъ Сиразидиновичъ... Мигомъ откапаешь!.. Чтожъ, я еще не особенно старъ. Въ мои годы женятся и влюбляются еще чаще, чѣмъ въ юности... хе-хе!.. Зимой—предложу въ театр, лѣтомъ—дача... Хорошо...

Ароматный дымъ сигары совсѣмъ отуманилъ голову Акима Акимовича и онъ до конца службы продремалъ на своемъ *посту*, совершенно забывъ о томъ, что передъ нимъ лежатъ кипы дѣловыхъ экстренныхъ переписокъ.

II.

Барышня съ восторгомъ говорила мамѣ о томъ, какъ ее приняли на службу. Такіе тамъ хорошіе люди. Жалованьемъ не обидятъ, а, вѣдь, имъ съ мамой только этого и нужно,—чтобъ за квартирку заплатитъ въ лавочку, да послать въ Питеръ Коль,—ну, хоть пять рублей; онъ тамъ, говорятъ, бѣдствуетъ; уроковъ нѣтъ, передъ экзаменами отказался, а за лѣто скопленныхъ на зиму не хватило. И ничего не пишетъ. Знаетъ, что ни у сестры, ни у мамы ничего нѣтъ... Вотъ теперь другое дѣло... У сестры есть мѣсто. Она подѣлится; сначала немного посылать будетъ, а тамъ—скопить и пошлетъ въ Питеръ.. пошлетъ сто рублей... Скопить не долго,—откладывать по 10 руб. въ мѣсяць—вотъ тебѣ черезъ 10 мѣсяцевъ и 100 рублей.. А имъ съ мамой немного нужно.. какихънибудь 20 руб., мама получаетъ пенсіи 8 р. 43 к. въ мѣсяць.

Барышня была очень довольна поступленіемъ на мѣсто и на другой день чуть не съ 4 часовъ утра стала собираться на службу.. Что-то дадутъ ей переписать!.. Навѣрное какуюнибудь длинную умную бумагу и все въ ней будутъ цифры, разныя ученые слова...

Страшно барышнѣ.. А вдругъ она не сумѣетъ переписать... Вдругъ кляксу сдѣлаетъ или не то слово напишетъ.. Нѣтъ, нѣтъ, она будетъ внимательна...

— Вѣрочка, да ты зачѣмъ это бѣлый передникъ-то надѣла? спросила приготовившуюся итти на службу дѣвушку мать.

— Ахъ, я и забыла.. Ха, ха, ха!.. Какая я разсѣянная сегодня... Совсѣмъ какъ въ гимназію собралась.. Фу, опять переодѣваться надо. Мама, ничего, если я въ коричневомъ платьѣ пойду?..

— Конечно, ничего... Сѣрое то у тебя совѣтъ никуда негодно... Вотъ получишь жалованье, пойдѣмъ — купимъ матерію...

— Милая, милая, я тебѣ такую кофту заведу, такую... да, вотъ, какъ у Софьи Ивановны ..

— Ну, нѣтъ, у нея слишкомъ модная, я не люблю... Отвыкли мы франтить-то еще съ молода, а теперь и, подавно, не къ чему... Ну — иди, а то опоздаешь... Вѣдь, половина девятого...

Вѣрочка быстро надѣла шляпку и пошла къ дверямъ...

— Пстой,—остановила ее мать... пстой... И старушка близко подошла къ дѣвушкѣ, перекрестила ее и, посмотрѣвъ на нее долгимъ, любящимъ взглядомъ, со слезами на глазахъ прошептала:

— Безъ Бога—ни до порога... Ну, иди, иди, а то опоздаешь...

* * *

Вѣрочка переписывала бумаги положительно съ благоговѣніемъ, точно священнодѣйствовала. Съ оригиналовъ она осторожно сдувала всякую пылинку, краснѣла, когда, случайно перегнувъ бумагу, сдѣлаетъ на ней складку и приходила въ сильное волненіе, если возлѣ нея сильно жужжать надобѣдивыя противныя мухи... Ни лишней запятой, ни лишней большой буквы не писала она въ бумагахъ: всѣ онѣ были изображаемы Вѣрочкой „съ подлиннымъ вѣро“...

Акимъ Акимовичъ изрѣдка заходилъ въ канцелярію Вѣрочки; переписывать бумаги ей приносилъ Иванъ Сиразидиновичъ, всегда любезный, разговорчивый, раздушенный, одѣтый съ иголочки...

— Вотъ это-съ, Вѣра Петровна, перепишите сейчасъ-же... тутъ экстренно,—говорилъ онъ Вѣрочкѣ, передавая бумагу. Не торопитесь, впрочемъ, скоблить нельзя-съ.. Вѣрочка краснѣла и конфузилась, но не возражала, хотя ей крайне обидно было, что Иванъ Сиразидиновичъ можетъ думать, что Вѣрочка перевертѣ бумагу... Развѣ она когда переверала... Никогда! Ей никто никакихъ замѣчаній не дѣлалъ... Акимъ Акимовичъ такой добрый, придетъ и похвалитъ: „хорошо, барышня, вы васъ имѣемъ въ виду“,—и уйдетъ.. Разъ даже прислѣль воулъ Вѣрочки и любовался ея почеркомъ... Конечно, Иванъ Сиразидиновичъ говоритъ такъ потому, что ему, вѣроятно, другіе переверяютъ.. Другіе—но не Вѣрочка...

Вообще, Вѣрочкѣ жилось и служилось совѣтъ не такъ, какъ прежде. Теперь ей не надо учить уроковъ самой и не надо бѣгать послѣ обѣда, чтобъ учить другихъ за какіе нибудь 3—5 р. въ мѣсяцъ. Вѣрочка и ея мама совершенно теперь обезпечены и жизнь ихъ идетъ спокойно, тихо, безъ всякихъ непріятностей. Вѣрочка завела себѣ платье; копить начинала 100 руб. для брата; но онъ написалъ, что нашель уроки, а потому зачѣмъ ему ея сто рублей!., Вѣрочка завела себѣ швейную

машинку, но работать на ней не научилась: это ей показалось скучнымъ, утомительнымъ, трудъ швеи оплачивается такими же грошами, какъ и уроки,—на машинкѣ стала работать старуха мать,—но она работаетъ не ради денегъ, денегъ у нихъ на все хватаетъ, а такъ—на свѣчку Богу..

Вѣрочку не утомляли канцелярской работой, не дѣлали ей ни выговоровъ, ни замѣчаній,—напротивъ, ее часто поощряли похвалами, а одинъ разъ, это было уже осенью, самъ Акимъ Акимовичъ принесъ ей для переписки бумагу, положилъ эту бумагу на столъ и сказалъ:

— Вы, Вѣра Петровна, прекрасно переписываете... Съ новаго года мы вамъ ответственное мѣсто дадимъ и окладъ жалованья увеличимъ вдвое... Только... Перестаньте быть ребенкомъ, пора вамъ, не гимназія здѣсь... И Акимъ Акимовичъ добавилъ:

— Трудитесь, хорошая моя, трудитесь, я все для васъ сдѣлаю... Вѣрочка почувствовала, что мягкая бѣлая рука Акима Акимовича тихо легла на ея волосы и погладила ихъ... Вѣрочка вспыхнула... Что это! оскорбленіе, дерзость, нахальство...

-- Нѣтъ, нѣтъ!.. тотчасъ-же быстро подсказалъ ей внутренній голосъ: нѣтъ, нѣтъ, онъ желаетъ тебѣ добра, онъ старичекъ добрый, онъ ласкаетъ тебя, какъ свою дочь... Онъ добрый, добрый... Окладъ увеличатъ вдвое, дадутъ ответственное мѣсто... Что это за ответственное мѣсто.. Спросить-бы, но у кого? Съ Вѣрочкой вмѣстѣ никто не служитъ, она ни съ кѣмъ не знакома... Да и зачѣмъ спрашивать?... Узнаешь—и не интересно будетъ... Нѣтъ, лучше молчать и ждать...

Вѣрочка сказала мамѣ, что Акимъ Акимовичъ ее по головѣ погладилъ; почему Вѣрочка вспыхнула—она не знаетъ, но она сочла долгомъ сообщить мамѣ, что Акимъ Акимовичъ совѣмъ старичекъ, такой маленькій, сѣденькій, совѣмъ дѣдушка, добренькій, старенькій.

III.

Осенью городъ ожилъ. Приѣхала труппа оперныхъ артистовъ, ставили „Лемона“, „Травіату“, „Фауста“... Вѣрочка ходила на галерку—не одна: одной не хорошо, а съ мамой. Тамъ знакомыхъ никого не было. Только одна Варя Кудрина съ какимъ-то кавалеромъ. Кудрину Вѣрочка еще въ гимназіи не любила: кисейная барышня—ни работать, ни трудиться ей не хочется... Теперь вотъ замужъ выходить... И пусть!... А Вѣрочка не пойдетъ замужъ,—у нея мама на рукахъ, да и замужней служить было бы трудно...

— А вы, Вѣра Петровна, сильно любите оперу,—вошелъ какъ-то къ Вѣрочкѣ Акимъ Акимовичъ... Видѣли „Фауста“, поняли его, понравился онъ вамъ?..

Вѣрочка отвѣчала, что „Фаустъ“ ей очень нравится, что она всегда-бы готова слушать такія оперы...

— Я тоже его люблю,—сказалъ Акимъ Акимовичъ и посмотрѣлъ на Вѣрочку нѣжнымъ, задумчивымъ взглядомъ. Знаете что, —вдругъ добавилъ онъ: сегодня опять идетъ „Фаустъ“.... Позвольте предложить вамъ билетъ въ ложу. Пріѣзжайте, а тамъ поговоримъ...

Акимъ Акимовичъ быстро вышелъ изъ канцеляріи Вѣрочки, оставивъ на столѣ билетъ на „Фауста“. Вѣрочка въ ложѣ!.. Какое-же она надѣнетъ платье... У нея нѣтъ подходяшаго... Впрочемъ, мама посовѣтуетъ; можетъ быть, что-нибудь сообразить... Какой онъ добрый, милый!.. Какъ онъ о ней заботится... Спасибо, спасибо ему... Славный, добренькій старичекъ... А то на галереѣ... Съ Варей Кудриной вмѣстѣ и ея неуклюжимъ кавалеромъ... На галеркѣ душно, тѣсно, не хорошо.. А тутъ ложа... Надо зайти и купить вѣреть... бѣлый, костяной вѣреть, но безъ всякихъ украшеній.. Всѣ эти украшения—вульгарность...

И Вѣрочка поѣхала въ театръ съ мамой.

Послѣ перваго антракта въ ложу Вѣрочки вошелъ Акимъ Акимовичъ и окаменѣлъ на порогѣ... Онъ не протянулъ Вѣрочкѣ руки; онъ не поклонился ей; онъ стоялъ передъ нею съ разинутымъ ртомъ и злобная досада, безъ труда, читалась въ его быстрыхъ, сверкающихъ глазахъ..

-- Зачѣмъ здѣсь эта старуха? прошипѣлъ Акимъ Акимовичъ...

— Это моя мама,—недоумѣвающе глядя на своего начальника, отвѣтила Вѣрочка. Акимъ Акимовичъ сразу пришелъ въ себя. Онъ мгновенно преобразился въ самаго любезнаго, вѣжливаго кавалера.

— Ахъ, очень пріятно... Вы меня извините... Меня тамъ въ буфетѣ раздружили. Очень пріятно.. Нравятся-ли вамъ сегодня Маргарита?.. Она немного фальшивить, но въ общемъ опера идетъ сносно.. Я прикажу подать мороженнаго и фруктовъ...

Акимъ Акимовичъ весь спектакль просидѣлъ въ ложѣ съ Вѣрочкой и ея мамой, смѣша ихъ разказами анекдотическаго характера и угощая то фруктами, то мороженымъ.

— Ну, что, мама, какъ ты его находишь? тихо спросила Вѣрочка, когда Акимъ Акимовичъ отлучился изъ ложи, чтобы заказать что-то въ буфетѣ...

— Прекрасный человекъ... Добрый и внимательный... Онъ о тебѣ, какъ о дочери родной заботится... Счастливица ты, Вѣрочка, что у тебя такой начальникъ.. Знаешь, онъ мнѣ дѣдушку Степана Ивановича напоминаетъ.. Помнишь, къ отцу твоему ходилъ, на гитарѣ игралъ и пѣсни пѣлъ... Веселый старякъ былъ, обходительный... Вотъ и этотъ такой же...

По окончаніи оперы, въ театрѣ былъ маскарадъ. Акимъ Акимовичъ упросилъ Вѣрочку остаться, посмотрѣть, посмѣяться,

иногда смѣшныя маски бывають... Вѣрочка осталась, а маму уговорили уѣхать домой: у старушки сильно разболѣлась голова, и она уѣхала, вполне довольная проведеннымъ вечеромъ...

... — Онъ добрый, рѣдкостный человекъ, думала старушка, качаясь въ рессорномъ экипажѣ, на лошадахъ Акима Акимовича...

IV.

...
 — Гдѣ я?.. Гдѣ я... Что со мной... Вѣрочка озиралась кругомъ безпокойнымъ взглядомъ, сердце ея учащено болѣзненно билось... Какъ я попала сюда!..

Передъ ней стоялъ столъ, накрытый бѣлой скатертью, уставленный массой бутылокъ, закусокъ, вазъ и тарелокъ...

— Да, да!.. Это послѣ „Фауста“... Вѣрочка начинала припоминать, но что именно: сонъ или дѣйствительность!.. Маскарадъ, музыка, шумъ, говоръ.. Ей было безконечно весело... Она ѣла мороженное... Веселость ея усиливалась... Слегка кружилась голова, но это отъ переутомленія, отъ новизны впечатлѣній... Потомъ,—что было потомъ?..

Скверно!.. неясныя обрывки воспоминаній, Вѣрочка ничего отчетливо не припомнить.. Куда она поѣхала, съ кѣмъ, для чего, что случилось...

Скверно!.. Голова расколется хотеть; вся Вѣрочка словно свинцовая; съ трудомъ приподнялась на локоть; взглянула на столъ: замѣтила быстро бумажку съ виньеткой... Это былъ счетъ ресторана... Она—въ ресторанѣ... Гдѣ-жъ мама?.. Что она скажетъ, что она о ней подумаетъ...

...
 Мама уже искала Вѣрочку. Съ разсвѣтомъ старушка поѣхала къ театру,—тамъ пусто, темно, даже сторожа спять... Что дѣлать? Гдѣ и какъ искать Вѣрочку?.. Чуетъ сердце, что съ ней случилось что-то недоброе, но что именно...

Пробило 10 часовъ... Стыдно старушкѣ, но она идетъ туда, гдѣ служить Вѣрочка. Позвать Акима Акимыча... Онъ выйдетъ спокойный, разсудительный; онъ скажетъ старушкѣ, что ничего не случилось,—что Вѣрочка жива и здорова, что она...

Старушка не предполагала ничего дальше.. Она не могла придумать благопріятнаго объясненія исчезновенія Вѣрочки и сердце ея обливалось кровью...

— Акимъ Акимовичъ..

Старушка подошла къ нему... Онъ былъ спокоенъ. Значить, ничего не случилось...

— Извините-сь, сказалъ сухо Акимъ Акимычъ,—я никакъ не ожидалъ, что ваша дочь..

Старушка схватилась за голову руками и чуть не упала...

Акимъ Акимычъ поспѣшилъ усадить ее на стулъ, даль ей стаканъ холодной воды...

— Представьте... мы поѣхали ужинать... я заказалъ блюда... и... и... и Вѣра Петровна исчезла...

— Какъ, куда?..

— Я этого знать не могу, но фактъ на лицо, она исчезла... я навелъ справки и... и... и... простите меня... дальнѣйшее такъ грязно, что я, что я...

Въ это время дверь кабинета шумно растворилась и къ Акиму Акимычу безъ доклада вошелъ Иванъ Сиразидиновичъ. Онъ былъ блѣденъ, взволнованъ.

— Простите,—началъ онъ нервно и отрывисто,—такое дѣло-съ... Это уголовщина-съ...

— Тсъ!.. Акимъ Акимычъ въ упоръ подошелъ къ вошедшему и они переговорили шепотомъ...

— И прекрасно, и отлично, покрайней мѣрѣ, теперь все объяснилось... Ваша дочь въ больницѣ... Она отравилась бертолетовой солью и ее привезли туда... Вотъ-съ, вотъ-съ она какова...

Старушку подъ руки вывели изъ комнаты, усадили на извозчика и отправили къ дочери въ городскую больницу..

Вѣрочка лежала тамъ безъ сознанія. Ея губы, щеки, все лицо и руки почернѣли. Она что-то шептала, но что именно—разобрать было невозможно...

Возлѣ больной хлопотала сестра милосердія и въ раздумьи стоялъ молодой докторъ. Вотъ уже болѣе 2-хъ часовъ силится онъ возвратить Вѣрочку къ жизни, но всѣ его усилія остаются безъ результата...

— Да, бертолетова соль шутить не любитъ... И что за фантазія принимать такую мерзость?.. Вѣроятно, по незнанію, по неосторожности,—думалъ докторъ: такимъ молодымъ дѣвушкамъ и въ голову притти не можетъ травиться сознательно,—это неестественно...

Старушка опустила на колѣни возлѣ больничной койки и, ухватившись за холодящую руку дочери, шептала ей свое послѣднее „прости“. Старушка не находила въ смерти дочери ничего неестественнаго: эта смерть была ей понятна и она не винила въ ней свою дорогую Вѣрочку..

Большая не пришла въ себя до самой смерти; она не сказала ни кому ни слова о томъ, что съ ней произошло послѣ „Фауста“; она унесла тайну Акима Акимовича въ свою безвременную, неожиданную могилу и своимъ безмолвнымъ страданіемъ завѣщала матери никого не винить въ своей ужасной смерти.

Да будетъ легка Вѣрочкѣ наша родная земл!

Изъ міра грезъ.

I.

Скворцы прилетѣли... Весна дорогая,
 Знакомъ мнѣ твой милый привѣтъ;
 Отъ думъ безотрадныхъ душой изнывая,
 Заждался тебя твой поэтъ.

* * *

Приди! растопи благодатнымъ дыханьемъ
 Снѣговъ безконечную гладь;
 Приди — и своимъ молодымъ обаяньемъ
 Весь міръ оживи ты опять!

* * *

Утри бѣдняковъ горемычныя слезы,
 Покрой муравою поля—
 И вновь золотыя, волшебныя грезы
 Вернетъ мнѣ улыбка твоя..

* * *

Скворцы прилетѣли... Міръ ждетъ обновленья,
 Усталъ, истомился борьбой!
 Но вѣрю: весны молодой появленье
 Вернетъ и любовь, и покой!..

II.

Засинѣлъ неба сводъ, зеленѣеть нашъ боръ,
 Забурлили весеннія воды,
 И пернатыхъ гостей зазвенѣлъ чудный хоръ,
 Зимнихъ бурь позабыты невзгоды.

* * *

Снова къ намъ изъ далекихъ безбрежныхъ морей
 Возвратилась весна молодая.
 Съ каждымъ днемъ все живѣй, и свѣжѣй, и милѣй,
 Разцвѣтаешь и ты, дорогая!

* * *

И, порой, взоръ твоихъ лучезарныхъ очей
 Загорается мнѣ вешней лаской,
 Лаской майскихъ ночей, ароматомъ полей,
 Лѣса темнаго чудною сказкой...

* * *

И въ душѣ моей, въ сердцѣ усталомъ моемъ,
 Полномъ муки, тоски и сомнѣнья,
 Загорается яркая зорька, и въ немъ
 Жаждетъ вешняго все обновленья!

Матеріалы для исторіи г. Томска.

III. *)

Къ вопросу объ открытіи въ Томскѣ учительскаго института въ началѣ семидесятыхъ годовъ..

Въ концѣ 1873 года у главнаго мѣстнаго начальства возникла мысль открыть въ г. Томскѣ учительскій институтъ, для чего было поручено губернскому начальству отыскать удобное помѣщеніе; но такъ какъ такового не оказалось, то генераль-губернаторъ призналъ болѣе удобнымъ построить новое помѣщеніе, вполне удовлетворяющее потребностямъ этого заведенія. Но на это не было денегъ, почему и было предложено начальнику губерніи снести съ Томскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, не признаетъ ли оно возможнымъ ассигновать изъ собственныхъ своихъ источниковъ, на примѣръ, изъ капитала мѣстнаго городского банка, потребную на этотъ предметъ денежную сумму съ тѣмъ условіемъ, чтобы такая сумма была возвращена обществу посредствомъ отдѣленія изъ штатныхъ средствъ института, приблизительно, по три тысячи рублей въ годъ.

Генераль-губернаторъ полагалъ необходимымъ выстроить для упомянутой цѣли двухэтажный домъ (низъ каменный, верхъ деревянный) и деревянный одноэтажный флигель, изъ коихъ въ первомъ должно было быть тридцать комнатъ, а во второмъ помѣщеніе для кухни, служителей, прачешной и кладовой.

Сообщая объ этомъ въ предложеніи отъ 17 ноября 1873 года за № 4314, начальникъ губерніи просилъ городского голову скорѣе обсудить этотъ вопросъ въ управѣ и банкѣ, изложивъ мнѣніе въ особой запискѣ, а 23 ноября собрать думу, на засѣданіе которой общецъ прибыть и самъ сдѣлавшій предложеніе; о чемъ просилъ также сдѣлать поясненіе въ повѣсткахъ гласнымъ на собраніе.

По мнѣнію губернатора, приписанному имъ на самомъ предложеніи, стоимость зданій института предполагалась около 40 тысячъ рублей.

При обсужденіи предложеннаго вопроса городская управа вывела на справку слѣдующія данныя:

1) на 1 ноября 1873 года состояло на лицо въ наличныхъ деньгахъ и билетахъ пенсіоннаго городского капитала 1562 р.

*) Печатаніе матеріаловъ для исторіи города Томска началось еще въ „Дорожникѣ по Сибири и Азіатской Россіи“. (Статьи В. А. Долгорукова). Первая-же статья автора настоящихъ матеріаловъ г. Серебрянникова напечатана въ 8 и 10 кв. „Слб. Наб.“ за тек. годъ.

62 к., пенсіоннаго капитала вольнонаемныхъ служащихъ 260 р., квартирнаго сбора 6625 р. 2¼ коп., ремесленной школы 19705 р. 70 коп., городской библіотеки 1592 р. 94 к., пожарной части 20555 р. 1 к., вновь строившагося каедральнаго собора 2670 р. 52 к., хлѣбнаго запаснаго капитала 762 р. 32 к., общественной богадѣльни, по завѣщанію Калинина-Шушляева, 47950 р. и собственно капитала, принадлежащаго городской казнѣ, 19801 р. 74 к., а всего 12235 р. 7¼ коп.

2) За городскимъ общественнымъ управленіемъ считалось въ долгу: а) позаимствованные по приговору купеческаго мѣшанскаго и цеховаго общества, отъ 28 Декабря 1867 г. у дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. Д. Асташева десять тысячъ рублей на покупку хлѣба для продовольствія на случай неурожая бѣдныхъ жителей города Томска, объ уплатѣ коихъ имѣлись настоянія высшаго начальства; б) позаимствовано по приговору тѣхъ же обществъ 16 Апрѣля 1868 года изъ городскихъ доходовъ 5000 рублей, которые подлежали къ возврату съ процентами, а таковыхъ накопилось около 1800 рублей; в) лицамъ, участвовавшимъ въ подпискѣ на покупку хлѣба, за произведенною уплатою, 2275 р.; г) 19440 р. 33 к., взамѣнъ израсходованныхъ изъ земской повинности на отопленіе и освѣщеніе тюремнаго замка съ 1861—1865 годы, о чемъ имѣлось настояніе предсѣдателя Томской казенной палаты отъ 23 Декабря 1871 года за № 55, а всего считалось въ долгу 38515 р. 33 к.

Потому управа приняла къ заключенію, что предложеніе начальника губерніи касательно ссудъ денегъ на неопредѣленное время для постройки зданія подъ учительскій институтъ, по неимѣнію для того источниковъ, не можетъ быть принято ею къ исполненію.

Сибирскій общественный банкъ, руководствуясь девятымъ примѣчаніемъ къ ст. 126 нормальныхъ правилъ о городскихъ банкахъ, находилъ возможнымъ произвести испрашиваемую ссуду по приговору и поручительству городской думы отъ имени всего городского общества; но и то одновременно, чтобы не стѣснить другихъ нуждающихся, а въ теченіе года или по мѣрѣ дѣйствительной надобности на постройку зданія; при чемъ изъ каждой выдаваемой ссуды должны удерживаться впередъ за годъ проценты въ количествѣ 8^о, годовыхъ: такъ что изъ займа въ 40 тысячъ рублей было бы выдано въ дѣйствительности только 36800 рублей, уплатить же довелось бы при условіи двѣнадцатилѣтняго (самаго длиннаго) срока ссуды 57600 р. 20 к. вмѣстѣ съ процентами.

Вопросъ объ этомъ докладывался въ засѣданіи думы 23 ноября 1873 года, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ городского головы и въ присутствіи губернатора.

По окончаніи чтенія постановленія банка и городской управы начальникъ губерніи предложилъ свои соображенія относительно отпуска сорока тысячъ рублей изъ суммъ банка.

По мнѣнію губерскаго начальства, банку представлялось возможнымъ сдѣлать ссуду на болѣе длинный срокъ и именно, если банкъ будетъ получать отъ института по 3500 рублей въ годъ, то, рассчитывая по 7% въ годъ со всего капитала, погашеніе капитала окончилось бы въ 24 года. Если же потребовалась бы большая сумма, такъ какъ считалось болѣе полезнымъ построить зданіе института все каменное и однѣ только службы деревянныя, при чемъ понадобилось бы по приблизительно составленной смѣтѣ всего до 46 тысячъ рублей, то и при этомъ условіи погашеніе капитала отложилось бы лишь на незначительное время.

Институтъ предполагалось построить въ томъ же кварталѣ, гдѣ и гимназію, хотя это и стѣснило-бы послѣднюю, но другаго болѣе удобнаго мѣста не имѣлось. Находя, что хотя при такихъ условіяхъ банкъ будетъ получать въ годъ нѣсколько менѣе, но такое уменьшеніе прибылей можетъ быть допущено въ силу благотѣльной цѣли учрежденія, и имѣя въ виду, что въ настоящее время банкъ при одновременной выдачѣ 46 т. руб. слишкомъ ослабитъ свои средства особенно при отсутствіи права производить переучетъ векселей, что до настоящаго времени банкъ не пользуется правомъ выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ далѣе 12 лѣтъ; что по правиламъ банка ссуда подъ залогъ домовъ производится въ размѣрѣ половины оцѣночной суммы, въ данномъ же случаѣ предполагается полная сумма стоимости, дума полагала для устраненія такихъ препятствій войти съ ходатайствомъ предъ высшимъ начальствомъ о дозволеніи банку сдѣлать отступленіе относительно срока и размѣра ссуды и о скорѣйшемъ разрѣшеніи переучета векселей въ отдѣленіи государственнаго банка, о каковомъ переучетѣ уже послѣдовало представленіе банка министерству финансовъ отъ 22 сентября 1873 г. за № 340. По окончательномъ обсужденіи всего вышеизложеннаго дума постановила просить ходатайства губернатора о продленіи срока и измѣненіи размѣра ссуды и переучета векселей, затѣмъ только уже разрѣшить банку производить ссуду въ 46 т. рублей, по мѣрѣ надобности, съ полученіемъ за то по 3600 р. въ годъ, въ число которыхъ должны входить годовые 7% на капиталъ, а остальные изъ 3600 рублей составлять погашеніе, съ тѣмъ, чтобы страхованіе и ремонтъ дома происходили на счетъ суммъ учительскаго института, помимо уплачиваемыхъ 3600 рублей; чтобы уплата % банку производилась со времени выдачи первой ссуды въ размѣрѣ выданной суммы; до уплаты всей выданной суммы домъ учительскаго ин-

ститута вмѣстѣ съ землею долженъ считаться обеспеченіемъ въ банкѣ, и чтобы ссуда къ 46000 рублей, кромѣ обеспеченія, была гарантирована правительствомъ.

Относительно мѣста постройки зданій института, признавая состоявшееся предположеніе отвода земли подъ мужскую гимназію по постановленію городской думы 15 іюня 1873 года, заключено было привести въ исполненіе предложеніе начальника губерніи о постройкѣ института въ кварталѣ, предназначенномъ для упомянутой гимназіи.

На это дѣло и кончилось.

IV.

Участіе города Томска въ дѣлѣ средняго женскаго образованія

Участіе это со стороны города выражалось въ томъ, что городское общество давало нѣкоторыя средства на воспособленіе среднему женскому образованію. Источникомъ этого воспособленія служилъ, главнымъ образомъ, общественный сибирскій банкъ въ Томскѣ.

Банкъ былъ основанъ на капиталъ, пожертвованный коммерціи совѣтникомъ Поповымъ.

Банкъ открылъ свои дѣйствія въ 1844 году.

Основной капиталъ, согласно устава, утвержденнаго 7 іюля 1843 г., опредѣленъ былъ въ 85715 рублей.

Первоначальное назначеніе, данное коммерціи совѣтникомъ Стефаномъ Поповымъ суммамъ, завѣщаннымъ дядею его коммерціи совѣтникомъ Андреемъ Яковлевичемъ Поповымъ на общественныя дѣла, состояло въ учрежденіи и содержаніи въ г. Томскѣ женскаго института.

Но такъ какъ послѣднее не могло быть достигнуто немедленно, то, въ видахъ возможнаго, все-таки, расширенія мѣстнаго женскаго образованія на средства, пожертвованныя Поповымъ, отпускались изъ прибыли общественнаго сибирскаго банка ежегодно, начиная съ 1851 года, на содержаніе въ двѣдцатьмъ институтѣ Восточной Сибири (въ г. Иркутскѣ) пансіонерокъ изъ дѣтей гражданскихъ и горныхъ чиновниковъ и почетныхъ гражданъ Томской губерніи различныя суммы, составившія по 1867 г. включительно общую цифру въ 29759 р. 36 к.

8 го апрѣля 1863 года состоялось въ Сибирскомъ Комитетѣ положеніе, которымъ было опредѣлено: такъ какъ, по незначительности доходовъ общественнаго банка, института въ Томскѣ все еще невозможно открыть, то помочь на завѣщанныя Поповымъ средства мѣстному женскому образованію учрежденіемъ на

нихъ двухъ женскихъ гимназій въ Томскѣ и Омскѣ, содержаніе же стипендіатокъ въ Иркутскѣ постепенно прекратитъ, что къ 1868 году и было исполнено.

Согласно этого постановленія, общественный банкъ, со времени основанія обѣихъ гимназій, по 17 февраля 1883 года отпущилъ Омской 194653 р. 81 к. и Томской 195393 р. 42 коп., итого 390047 р. 23 к.

Кромѣ того, по отдѣльнымъ распоряженіямъ бывшаго Главнаго Управленія Западной Сибири, согласно 23 ст. устава банка 1868 года, были выдаваемы банкомъ изъ своихъ прибылей пособія Барнаульской, Бійской и Каинской прогимназіямъ и параллельнымъ классамъ Томской женской гимназіи отъ 250 до 500 рублей единовременно, что въ сложности составило сумму въ двѣ тысячи рублей. и женскимъ приходскимъ училищамъ въ размѣрѣ за все время оказанія этой помощи 6180 рублей. Такимъ образомъ, къ концу 1883 года банкомъ было употреблено на женское образованіе въ Сибири въ сложности 427986 р. 69 к. Съ 1883 года всякія выдачи со стороны банка на нужды женскаго образованія прекратились во исполненіе циркуляра Министра Финансовъ, отъ 22 мая 1878 года за № 6899. впредь до того времени, пока прибылями банка не покроются потери прежнихъ лѣтъ, которыхъ къ 1 января 1886 года числилось какъ бы въ наличности въ основномъ капиталѣ 49692 р. 13 к., образовавшихся отъ безнадежныхъ долговъ по операціямъ до 1852 года.

Къ изложенному слѣдуетъ добавить, что въ 1872 году было собрано съ отправленныхъ томскимъ купеческимъ обществомъ товаровъ на содержаніе мѣстной женской гимназіи 1289 р 2¹/₂ к. и ассигновано изъ городскихъ доходовъ въ томъ же году на параллельные классы 2090 р 32¹/₂ к.

V.

Благія пожеланія.

Въ концѣ 1872 года среди нѣкоторыхъ гласныхъ городской думы возникла мысль о необходимости открытія въ г. Томскѣ реальнаго училища.

Вопросъ объ этомъ возбудилъ въ думѣ гласный А. М. Ермолаевъ. Предложеніе его объ этомъ слушалось въ засѣданіи думы 27 ноября 1872 года. Находя со своей стороны устройствомъ такого училища не только полезнымъ, но и вполне необходимымъ, городская дума по постановленію за № 101 избрала особую комиссію изъ гласныхъ Кобылина, Ермолаева и Кошарова, поручила этой комиссіи всесторонне обсудить это дѣло, изыс-

каты средства на содержаніе училища и докладъ свой объ этомъ представить думѣ. При чемъ прошены были также и остальные гласные помочь, кто чѣмъ можетъ, комиссіи.

“ Результатомъ этого явился проектъ прошенія великому князю Алексѣю Александровичу, составленный самимъ Ермолаевымъ, съ ходатайствомъ относительно учрежденія въ г. Томскѣ четырехкласснаго реального училища.

Обсудивъ въ засѣданіи 15 іюня 1873 года доложенный проектъ, дума одобрила таковой и поручила городскому головѣ подать Его Императорскому Высочеству въ бытность въ г. Томскѣ прошеніе, что и было исполнено городскимъ головою 26 іюня 1873 года. Необходимость открытія реального училища съ механико-техническимъ и химико-техническимъ отдѣленіемъ мотивировалась тѣмъ, что это училище—крайняя и насущная потребность для такой обширной губерніи, какъ Томская, имѣющей болѣе 730 тысячъ населенія, находящейся въ центрѣ звѣринаго промысла и скотоводства, на родинѣ, такъ сказать, металловъ и минераловъ, неисчерпаемо богатаго отъ природы Алтая, гдѣ изобиліе всякихъ естественныхъ и сырыхъ произведеній, раскинутыхъ на пространствѣ пятнадцати тысячъ квадратныхъ миль, но все это оставалось и остается непродительнымъ капиталомъ, не обрабатывается, какъ слѣдуетъ; или сбывается безъ особенной пользы по причинѣ отсутствія въ Западной Сибири центральнаго промышленнаго технического заведенія.

Городское управленіе отказывалось давать средства на содержаніе этого училища, такъ какъ доходы города едва удовлетворяли безусловно необходимыя нужды его, что могъ по мнѣнію просителя, засвидѣтельствовать начальникъ губерніи, а также и въ силу того главнаго обстоятельства, что на доходы банка, собираемые съ жителей города, уже содержится двѣ женскихъ гимназіи—одна въ Томскѣ и другая въ Омскѣ; на послѣднюю шло по 9 тысячъ рублей ежегодно, начиная съ 1863 года.

Городъ давалъ для предполагаемаго училища „приличное помѣщеніе“. Наконецъ, „при устройствѣ реального училища не было надобности, по мнѣнію просителя, въ расширеніи Томской классической гимназіи, образованіе въ которой не достигало цѣли, „если мы откровенно представимъ, сказано въ прошеніи, тотъ безотрадный существующій фактъ, что по причинамъ наплыва учащихся, по недостаточности средствъ, по неспособности дѣтей, или по другимъ не менѣе уважительнымъ причинамъ, напримѣръ, по недостатку учителей, только 4, 5⁰/₁₀ гимназистовъ поступаютъ въ высшія учебныя заведенія, а ос-

тальные 95⁰/₁₀₀ или не оканчиваютъ полного гимназическаго курса или только ограничиваются имъ“.

Въ заключеніе „испрашивалось разрѣшеніе на наименованіе училища Алексѣевскимъ“.

VI.

Повозный сборъ въ г. Томскѣ.

Въ указѣ изъ Томскаго губернскаго правительства Томской градской думѣ, отъ 21 іюня 1815 года за № 5616, было изложено предписаніе г. Сибирскаго генераль-губернатора и кавалера объ утвержденіи и приумноженіи на будущее время городскихъ доходовъ въ г. Томскѣ. Изъясненнымъ предписаніемъ его высокопревосходительство признаетъ распоряженіе правительства за правильное, исключая только 18 статьи о незастроенныхъ жителями города мѣстахъ и ветхихъ домахъ.

Пунктомъ пятымъ изложенныхъ правительствомъ правилъ было постановлено: храненіе въ частномъ каменномъ гостинномъ дворѣ проходящихъ черезъ г. Томскъ съ купеческими товарами возовъ до перевалки на воза вновь нанятыхъ возчиковъ ограничить трехсуточнымъ срокомъ, за которое время, или если меньше того простоятъ воза, взимать прежде существующую цѣну по 50 копѣекъ съ воза; но буде кто хочетъ болѣе трехъ сутокъ имѣть остановку, съ тѣхъ уже сверхъ означенныхъ 50 копѣекъ взыскивать за каждая просроченная сутки по 15 копѣекъ, впрочемъ, предоставить приказчикамъ, слѣдующимъ съ купеческими обозами, ежели кому случится необходимость уважительная пробыть въ городѣ болѣе трехъ сутокъ, являться въ Думу и о сохраненіи возовъ дѣлать новое условіе, о чемъ Дума имѣетъ каждому отдавателю возовъ объявлять заблаговременно.

Затѣмъ, въ указѣ изъ Томскаго губернскаго правительства на имя Томской городской думы, отъ 12 января 1820 года за № 230, было приведено „предложеніе г. Сибирскаго генераль-губернатора и кавалера“, утвердившее росписаніе доходовъ и расходовъ г. Томска на 1820 годъ.

Въ пунктѣ 7 этого росписанія было сказано: „взимать за караулъ и охраненіе возовъ съ кладями, въ биржевомъ и гостинномъ дворѣ останавливающихся до сдачи оныхъ вошикамъ: сборъ сей полагается взимать по одному рублю съ воза, для того, что клади сія на возахъ бывають великой цѣны и что взявша подъ охраненіе за потерю въ нихъ Дума отвѣчаетъ, и притомъ береженіе ихъ зимою во дворѣ при великихъ стужахъ и метеляхъ наймомъ благонадежныхъ людей стоитъ Думѣ не малой суммы“.

Такимъ образомъ, повозный сборъ учрежденъ въ Томскѣ бывшимъ сибирскимъ генераль-губернаторомъ Пестелемъ въ 1815 году; подтвержденъ и увеличенъ генераль-губернаторами Сперанскимъ, Капцевичемъ въ 1820 и 1822 годахъ съ добавленіемъ сбора за отправлявшіеся изъ г. Томска товары водянымъ путемъ.

Подобный сборъ существовалъ еще въ г. Каинскѣ по 15 копѣекъ съ каждаго воза, а также и въ нѣкоторыхъ городахъ Тобольской губерніи и Омской области въ разныхъ цифрахъ.

15 декабря 1836 года состоялось распоряженіе, чтобы сборъ, производимый съ возовъ въ Западной Сибири, былъ допущенъ въ видѣ временной мѣры съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ городахъ были открыты неотложно комитеты для изысканія возможныхъ и необременительныхъ источниковъ доходовъ, стараясь всемѣрно, чтобы въ число сихъ статей не входилъ сборъ съ возовъ; въ случаѣ-же необходимости, ввести оный на томъ-же основаніи, какъ въ г. Перми, установивъ притомъ и сборъ съ постоялыхъ дворовъ, какъ сіе дѣлается во многихъ внутреннихъ городахъ,“ Генераль-губернатору было предоставлено окончательное разрѣшеніе этого вопроса.

Сборъ-же съ возовъ въ г. Перми, по 25 копѣекъ съ каждаго, былъ допущенъ на слѣдующемъ основаніи: „означенная плата взимается съ хозяевъ возовъ въ такомъ только случаѣ, когда они добровольно оставляютъ воза свои на сохраненіе въ тамошнемъ гостинномъ дворѣ; впрочемъ, они пользуются совершеннымъ произволомъ располагать обозъ свой и въ другомъ мѣстѣ, для себя выгоднѣйшемъ, и въ семъ случаѣ въ пользу города не дѣлаютъ уже никакого взноса.“ (Отношеніе Статсъ-Секретаря Блудова, отъ 19 декабря 1836 года за № 2009, на имя генераль-губернатора Западной Сибири.)

Потомъ Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири (журналъ 23 декабря 1858 г за № 107) призналъ существованіе этого сбора (по 30 коп. съ воза и по полторы копѣйки съ пуда товаровъ, нагружаемыхъ на суда и сплавляемыхъ водою) для города полезнымъ и необходимымъ.

„А какъ на взиманіе сего сбора нѣтъ опредѣленныхъ правилъ, то дабы оградить въ семъ случаѣ интересы города и частныхъ торговцевъ отъ произвола и злоупотребленій сборщиковъ, особенно при передачѣ этой статьи въ арендное содержаніе, просить губернское правленіе, говоръся въ журналѣ Совѣта, составить подробныя правила для взиманія сего сбора“, о чемъ и былъ увѣдомленъ Томскій губернаторъ генераль-майоръ Озерскій „для надлежащаго исполненія“.

Когда вводилось въ Томскѣ городовое положеніе изданія 16 іюня 1870 года, то городская дума, исполняя 4 пунктъ мѣ-

нія Государственнаго Совѣта ^{16/30} іюня 1870 года, постановленіями 16 февраля и 23 марта 1872 г. опредѣлила возбудить ходатайство объ утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ повознаго сбора городскимъ доходомъ Томска.

Въ постановленіи думы на 25 августа 1872 года ходатайство это мотивировалось тѣмъ, что состояніе г. Томска въ то время въ отношеніи благоустройства находилось, вообще, въ неудовлетворительномъ видѣ: „улицы, площади и взвозы по такому свойству грунта чрезвычайно грязны, мосты и деревянные тротуары очень ветхи, а берега рѣкъ Томи и Ушайки такъ мало укрѣплены, что берега все болѣе и болѣе обваливаются, а жители должны оставлять свои дома“.

Незавидны были также пути сообщенія и по городскому выгону, по почтовому и проселочному тракту.

Поэтому дума находила необходимымъ приступить немедленно къ мощенію улицъ и площадей камнемъ, проведенію каналовъ въ мѣстахъ болотистыхъ, къ устройству и содержанію мостовъ, гатей, взвозовъ и дорогъ, лежащихъ въ городскомъ выгонѣ, и къ укрѣпленію береговъ рѣкъ Томи и Ушайки, на что требовались солидныя суммы, а между тѣмъ у общественнаго управленія ихъ не было и не предвидѣлось въ близкомъ будущемъ.

Промышленное значеніе города было незначительно.

Въ тоже время городъ несъ значительныя повинности, напримѣръ, отопленіе и освѣщеніе мѣстной тюрьмы, что ему обходилось въ годъ до 4 тысячъ рублей, подводную и квартирную, первая до 997 р., а вторая до 842 р. въ годъ. Кромѣ того, городъ отпускалъ на квартирное довольствіе мѣстнымъ воинскимъ чинамъ деньгами изъ квартирнаго сбора, взимаемаго съ жителей, до 9128 р. и, сверхъ того, отводилъ квартиры въ натурѣ, стоимость которыхъ простиралась до 315 рублей въ годъ; платилъ по разнымъ поводамъ за мѣщанъ, причисленныхъ безъ согласія общества.

При такомъ положеніи дѣла и принимая во вниманіе, что зиму и лѣто идутъ черезъ Томскъ обозы, производящіе значительную порчу улицамъ, мостамъ и мостовымъ, и при перекладкѣ засоряли площади, городская дума признала вполне справедливымъ оставить повозный сборъ городскимъ доходомъ, специально употребляя его на устройство города, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ, полагая высшій размѣръ этого сбора по 30 к. съ воза всѣхъ товаровъ, и съ отправляемыхъ водою по полторы копѣйки съ пуда.

Способъ взиманія повознаго сбора былъ оставленъ прежній, т. е. всѣ лица, отправлявшя товары, должны были заявлять члену городской управы, на котораго возложенъ этотъ сборъ,

о числѣ возовъ проходящихъ и отходящихъ товаровъ сухопутно и о числѣ пудовъ, отправляемыхъ водою.

Членъ городской управы, провѣривши заявленіе, долженъ былъ взыскать слѣдующіе въ доходъ города деньги по числу возовъ или пудовъ и выдать на свободный пропускъ товаровъ квитанцію за своею подписью, которая предъявлялась на заставахъ и пристаняхъ смотрителямъ городского хозяйства, поставленнымъ на этихъ мѣстахъ отъ управы для наблюденія, чтобы не было перевозимо или отправляемо товаровъ безъ оплаты въ пользу города.

¹ Въ отвѣтъ на изложенное ходатайство начальникъ губерніи въ предложеніи, отъ 7 апрѣля 1872 года за № 1685. увѣдомилъ, что правительство соглашается на оставленіе этого сбора подъ тѣмъ условіемъ, чтобы доходъ съ него расходовался исключительно на устройство и содержаніе улицъ, мостовъ, дорогъ, гатей, вазозовъ, канавъ и проч., и просилъ управу опредѣлить, не менѣе какой суммы будетъ ежегодное расходоваться изъ повознаго сбора на означенный выше предметъ.

Со своей стороны губернаторъ полагалъ назначить не менѣе десяти тысячъ рублей, что, впрочемъ, и дума проектировала въ цитированномъ постановленіи, ибо только при этомъ условіи можно было рассчитывать на успѣхъ ходатайства. Дума согласилась съ этимъ предложеніемъ. (Постановленіе 11 апрѣля 1872 г. за № 47).

Въ засѣданіи 22 февраля 1873 г. городская дума слушала заявленіе члена городской управы А. М. Ермолаева и гласнаго А. К. Гусева объ учрежденіи контроля за правильностью поступленія повознаго сбора.

Впредь до утвержденія повознаго сбора въ Томскѣ въ законодательномъ порядкѣ, дума оставила взиманіе его на существовавшемъ до сего времени порядкѣ, поручивъ только городской управѣ принять всѣ зависящія отъ нея мѣры къ правильному и неупустительному взысканію его; съ открытіемъ же навигаціи просить всѣхъ пароходовладѣльцевъ не принимать къ нагрузкѣ товаровъ, неоплаченныхъ этимъ сборомъ.

Наблюденіе за этимъ было рѣшено возложить на особыхъ лицъ, которыхъ городская управа должна была снабдить на этотъ предметъ соотвѣтственными правилами и постановленіями.

11 февраля 1881 г. за № 959 министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ генераль-губернатора Западной Сибири, что, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о сборахъ съ товаровъ или грузовъ вообще, установленныхъ въ пользу нѣкоторыхъ городовъ, взиманіе означеннаго сбора въ Томскѣ могло бы производиться на существующемъ основаніи, согласно съ п. 2 ст. 136 Городоваго Положенія.

Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ,

одинъ изъ первыхъ членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, основатель газетъ „Амуръ“ и „Сибирь“, родился въ 1836 году въ Иркутской губерніи.

Michel Vasilévitch Zagoskine, l'un des premiers membres de la section sibérienne-orientale de la société Impériale géographique russe, le fondateur des gazettes l'Amour et la Sibirie, né en 1836, dans le gouvernement d'Irkoutsk.

Изъ имѣвшася у насъ подъ руками свода городскихъ смѣтъ за время съ 1772—1887 г.г. видно, что поступленіе повознаго сбора проектировалось въ слѣдующихъ цифрахъ: за 1872 годъ—11219 рубль, 1873 г.—11698 р., 1874 г.—13698 р.; 1875 г.—19873 р., 1876 г.—20946 р., 1877 г.—22527 р., 1878 г.—21849 р., 1879 г.—22417 р., 1880 г.—28000 р., 1881 г.—30000 р., 1882 г.—30000 руб., 1883 г.—25000 руб., 1884 г.—25000 р., 1885 г.—25000 руб. и 1886 г.—25000 рублей; итого предполагалось къ поступленію по смѣтамъ за указанный промежутокъ времени 332297 рублей.

Изъ данныхъ же о доходахъ, дѣйствительно поступившихъ, и о расходахъ, дѣйствительно произведенныхъ, усматривается, что повознаго сбора поступило въ 1872 году 15675 рублей 21¹/₄ коп., въ 1882 году 32157 р. 80 к., въ 1883 году 24910 рублей 78 коп., въ 1884 году 30910 рублей 50 копѣекъ и въ 1885 году 28000 рублей 41 копѣйка

За пятилѣтіе 1891—1895 г. сборъ съ проходящихъ черезъ Томскъ товаровъ измѣрялся въ рубляхъ слѣдующими цифрами: 1891 г.—43016 р., 1892 г.—46900 р., 1893 г.—41276 рублей, 1894 г.—42927 руб. и 1895 г.—44461 рубль.

Изъ этихъ послѣднихъ пяти лѣтъ въ первые три года сборъ совершался при одинаковыхъ условіяхъ обложевія; въ послѣдніе же два года сборъ уменьшался ежегодно на одну десятую часть въ силу втораго примѣчанія къ 135 статьѣ Городоваго положенія, изданнаго 11 іюня 1892 года.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній о поступленіи на каждый годъ отдѣльно, начиная съ времени взаимнаго его, и за большій промежутокъ времени.

Если не ошибаемся, фактическое установленіе этого сбора относится, повидимому, еще къ первой половинѣ 18-го столѣтія, подтвержденіемъ чему можетъ служить именной указъ Императрицы Елизаветы Петровны, данный Комторѣ Главнаго Магистрата 20 декабря 1760 года.

Въ указѣ этомъ, между прочимъ, говорится, „пріѣзжимъ во всѣ города и другихъ городовъ купцамъ товары свои складывать въ гостинныхъ дворахъ и прочіихъ мѣстахъ, гдѣ въ ноторомъ городѣ складка товаровъ позволена“. Вѣроятно, за эту складку что нибудь вимали.

Затѣмъ, съ теченіемъ времени, когда ограниченія въ торговлѣ до нѣкоторой степени ослабли, „складки“ эти приняты, надо думать, характеръ необязательныхъ.

Кромѣ того, тутъ могло имѣть значевіе также и то обстоятельство, что товары находились подъ охраненіемъ, такъ сказать, самого общества.

Въ данномъ же случаѣ сборъ этотъ началъ обяательно виматься, какъ видно, благодаря распорженію административной власти, никакимъ закономъ на этотъ актъ неуполномоченной.

Что сборъ этотъ составлялъ „бремена неудобносимыя“, видно уже изъ того одного, что когда возникъ вопросъ объ узаконеніи его, то правительство соглашалось на установленіе его лишь въ видѣ временной мѣры и то при условіи положительной необязательности его.

Впослѣдствіе времени и, вѣроятно, въ виду того, что на городѣ лежалъ разная повинности, въ родѣ отопленія и освѣщенія тюрьмы, содержанія квартирнаго постоя, оно изъявило согласіе, впредь до окончательнаго разрѣшенія обоазаго вопроса о подобныхъ сборахъ, вимать попутный и повозный сборъ въ Томскѣ на существовавшемъ основаніи

Такъ тянулось дѣло до изданія городского положенія 11 іюня 1892 года, когда было рѣшено прекратить всѣ подобные сборы въ теченіе десяти лѣтъ путемъ уменьшенія ихъ каждагодно на одну десятую часть

Если обратиться теперь къ смѣтнымъ даннымъ поступленія этого сбора, то бросятся въ глаза, что въ нѣкоторые годы предполагались къ поступленію одиѣ и тѣ же цифры. Такъ, напри- мѣръ, въ 1881 и 1882 годахъ проектирована къ поступленію одна и таже цифра въ 30000 рублей, а съ 1883 года по

1886 годъ включительно значится цифра въ 25 тысячъ рублей за каждый годъ, какъ будто экономическія условія жизни города за этотъ промежутокъ времени остались настолько безъ измѣненія, что дали возможность предположить этотъ сборъ въ математически точныхъ цифрахъ.

Характерно также и упорство думы установить дѣйствительный контроль за поступленіемъ этого сбора. Если мы заглянемъ въ докладъ ревизіонной комиссіи, избранной томскою городской думою въ 1881 году для обревизованія отчетовъ бывшей городской думы и образованной на началахъ положенія 16 іюня 1870 года городской управы за время съ 1869 по 1878 годъ, то найдемъ въ немъ, быть можетъ, нѣкоторую разгадку этимъ обстоятельствамъ.

Изъ доклада этого видно, что мѣсячная повѣрка поступленій гозознаго сбора производилась крайне небрежно. Квитанціонная книга на записку денегъ, собиравшихся въ доходъ города съ привозимыхъ съ товарами возовъ, велась неудовлетворительно; допускались поправки числа возовъ и полученныхъ денегъ; талоны писались неразборчиво, якобы по малограмотности сборщика; деньги сдавались помѣсячно, довольно значительными суммами до 1700 рублей и несовсѣмъ аккуратно, оставаясь у сборщика до семилести рублей на цѣлый мѣсяць.

При такихъ условіяхъ контроля сборъ этотъ служилъ восполненіемъ, повидимому, не однимъ только городскимъ нуждамъ и потребностямъ, и, такимъ образомъ, интересы города и частныхъ торговцевъ не были ограждены отъ произвола и злоупотребленій сборщиковъ, не смотря на то, что разговоръ объ этомъ „огражденіи“ начался еще съ конца пятидесятихъ годовъ.

А. М. Серебrenиковъ.

Темное дѣло.

(Продолженіе, — см. 10 кн. текущаго года).

Лѣтъ двадцать до вышеописаннаго событія, рядомъ съ домомъ Сильверстовыхъ, поселился пріѣхавшій изъ другой деревни поселенецъ Илья Николаевичъ Зысь со своей женой. Выстроилъ онъ домишко, обнесъ заборомъ свободное мѣсто подъ огородъ и тутъ же завелъ пасѣку. Въ Сибири въ прежнее время было совсѣмъ не то, что нынѣ: мѣста были свободныя—не только въ лѣсу или въ полѣ, но даже и въ селахъ и никакихъ формальностей не требовалось для того, чтобы занять подъ постройку дома свободное мѣсто.

Поэтому Зысь зажилъ въ Ямкѣ припѣваючи. Онъ и жена его были люди уже не молодые, но трудолюбивые. Приятно было видѣть, какъ Илья Николаевичъ—царство ему небесное!— въ лѣтшіе знойные дни хлопочетъ въ своей пасѣлкѣ, а жена работаетъ въ огородѣ, или помогаетъ ему роя собирать.

Сильверстовы и Зысь жили между собою мирно, тихо и хотя особенной дружбы между ними не замѣчалось, но, тѣмъ не мѣнѣе, Сильверстовы, богатые люди, не брезговали своимъ сосѣдомъ и даже нѣкогда Михайло Сильверстовичъ удостоилъ жену Зысь Прасковью Ивановну быть воспріемницей отъ купели сына его Евстафія, который въ описываемое время былъ уже женатымъ.

Семья Сильверстовыхъ съ каждымъ годомъ увеличивалась. Домъ оказывался для нихъ уже тѣснымъ; построить же еще другой негдѣ было—не было свободнаго мѣста въ деревнѣ Деревня Ямка по своему мѣстоположенію носила вполнѣ правильное названіе. Представте себѣ нѣсколько продолговатой формы сосудъ, хотя бы вродѣ миски, а на днѣ его расположенные домики,—вотъ такова и Ямка. По срединѣ деревни протекаетъ небольшая рѣчущка, берущая свое начало недалеко за деревней изъ ключей, вытекающихъ въ изобиліи изъ горъ, и, затѣмъ, рѣчка течетъ въ ущелье между горъ, извиваясь по кустарникамъ и открытымъ мѣстамъ, на протяженіи семи верстъ, и впадаетъ въ Енисей.

Вотъ Михайлѣ Сильверстовичу и вздумалось оттягать у сосѣда своего мѣсто для постройки другого дома; кстати мѣсто было самое подходящее: рядомъ съ его усадьбой и у рѣчки, на которой онъ предполагалъ поставить мельницу. Но какъ это было сдѣлать, когда Зысь даже за деньги не соглашался уступить своего мѣста, которымъ владѣлъ болѣе двадцати лѣтъ?

— Погоди, другъ,—говорилъ Михайло Ильѣ Николаевичу,— не хочешь добромъ, за деньги уступить, силою возьму, безъ копѣйки отдашь.

— Посмотримъ, какъ удастся, шибко то не надѣйся на силу своего богатства,—возражалъ ему Зысь.

Между тѣмъ, въ семьѣ Сильверстовыхъ пошли нелады. Не стало уже того мира и семейнаго согласія, какое раньше было. Старшій сынъ Иванъ настоятельно требовалъ отъ отца раздѣла; началъ посѣщать питейное заведеніе и зачастую можно было слышать въ домѣ ихъ ссоры и даже крупные скандалы. Племянники, смотря на эту неурядицу, тоже требовали раздѣла. Однимъ словомъ, каждому изъ семьи Сильверстовыхъ хотѣлось жить своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ. Почему въ постройкѣ дома ощущалась необходимая потребность. Михайло Сильверстовичъ и порѣшилъ употребить въ дѣло хитрость для завла-

дѣнія мѣстомъ своего сосѣда. Наступила осень—время сбора податей второй половины года. Сельскій старшина получилъ изъ волостного правленія строжайшее предписаніе о томъ, чтобы всѣ подати до копѣйки сданы были непременно къ 15 октябрю. Денегъ у крестьянъ нѣтъ, потому что хлѣбъ еще не измолоченъ, а впередъ подѣ хлѣбъ никто, кромѣ Михаила Сильверстовича, денегъ не давалъ. Всѣ, но обыкновенію, и обратились къ нему съ просьбами выручить ихъ изъ бѣды.

— Будеть, выручалъ я васъ кажинный годъ, а теперя ка не хочу, потому, значить, уваженія и благодарности никакой отъ васъ нѣту-ка, отвѣчалъ Михайло на просьбы мужиковъ.

— Да какая же, Михайло Сильверстовичъ, благодарность тебѣ нужна отъ насъ? Вѣдь, мы не даромъ у тебя просимъ, мы и такъ дешевле отдаемъ тебѣ хлѣбъ супротивъ настоящей цѣны—копѣекъ пять на пудъ; вотъ тутъ и вся благодарность, да еще какая! Положимъ, что изъ нашей деревни, къ примѣру сказать, отъ неимущихъ поступить къ тебѣ хлѣба для уплаты податей 5000 пудоръ: такъ и смекни, сколько благодарности получаешь ты отъ насъ: по пятаку отъ пуда—250 рубликовъ, эвона сколько! Это, кромѣ барыша-то, значить.

Какъ не урезонивали мужички богача, какъ не умоляли его помочь горю, онъ оставался непреклоненъ. Въ дѣйствительности непреклонность была у него въ связи съ затаенной цѣлью...

— Кромѣ меня, дескать—разсуждалъ Михайло—никто не внесетъ такую уймъ денегъ; ну, а тамъ, что захочу, то и сдѣлаю съ ними, т. е. общественниками.

Наконецъ, приближается и 15-е октября, а у старшины и четвертой части податей не собрано. Созванъ былъ снова сельскій сходъ, на который попросили и Михаила Сильверстовича. Не отказался онъ,—пришелъ.

— Михайло Сильверстовичъ! обратился къ нему старшина.—сдѣлай милость, помоги, ради Бога, мужикамъ, да и меня то выручи изъ бѣды: надоть подать везти въ волость, а нечего. Самъ знаешь заступателя нашего: со свѣту бѣлаго сживетъ, коли не соберешь всѣхъ денегъ къ сроку.

— Ладно, промолвилъ Сильверстовичъ. Такъ и быть, выручу, только и вы меня выручите: отберите мѣсто у Зыся и передайте мнѣ.

— Какъ же это быть? Вѣдь, это дѣло будетъ не ладно.—произнесъ старшина.—Мужикъ слишкомъ 20 лѣтъ владѣетъ имъ, домишко поставилъ, хозяйствомъ обзавелся и вдругъ мы разоримъ его. Это не приходится намъ такое дѣло сдѣлать.

— Какъ не приходится?—возразилъ Сильверстовичъ.—Вѣдь, земля то общественная,—значить, общество вольно поступить, какъ хочетъ. Что изъ того, что двадцать лѣтъ владѣетъ?—Онъ

не нашъ, изъ чужой деревни пріѣхаль, ну—и пусть себѣ ѣдетъ въ свою деревню.

— Нѣтъ, Михайло Сильверстовичъ, какъ тебѣ угодно, я не могу этого сдѣлать. Ты бы попросилъ объ этомъ засѣдателя: онъ, навѣрно, тебя улагодворить.

— Что ты мнѣ на засѣдателя указываешь, когда это дѣло домашнее. Если ты не можешь, такъ общество сдѣлаетъ: оно больше тебя.

Старшина замолчалъ

— Какъ старячки, общественники, что вы скажете на мою просьбу: отдадите мнѣ мѣсто Зыся?—Уважете меня и я васъ выручу, хоть сейчасъ получайте деньги.

— А почему не такъ? загалдѣли голоса. Ты, все-таки, нашъ благодѣтель, а Зысь что? чужой человекъ, да къ тому же поселенецъ. Знамо, надо отобрать,—твердили другіе.

Сказано—сдѣлано. Тутъ же написанъ былъ и приговоръ, коимъ постановлено отобрать отъ Ильи Зысь мѣсто земли, какъ незаконно имъ владѣемое, и передать во владѣніе однообщественника Михаила Сильверстова Лапатина.

Богачъ, казалось, совѣмъ былъ удовлетворенъ; удовлетворилъ и онъ съ своей стороны мужиковъ, выдавъ каждому потребную сумму денегъ на подати.

Не предвидѣлъ только Михайло, что, намѣреніемъ своимъ воспользоваться усадьбою Зысь, онъ готовитъ себѣ много худаго...

Старый Сильверстъ, какъ болѣе практичный въ жизни, вѣроятно, предугадывалъ послѣдствія, какія должны получиться отъ тяжбы сына съ Ильею Зысь. Поэтому совѣтовалъ Михайлѣ оставить сосѣда въ покоѣ, указывая ему мѣсто для постройки дома на косогорѣ. Но упрямый Михайло не хотѣлъ слушать благоразумныхъ совѣтовъ отца. Онъ настаивалъ присоединить усадьбу сосѣда къ своей, хотя неправоту этого дѣла сознавалъ, какъ равно чувствовали тоже самое и общественники, давшіе ему приговоръ...

Илья Зысь, не смотря на составленный обществомъ приговоръ объ отобраніи у него мѣста, ни зачто не поддавался требованіямъ Михайла и самый приговоръ называлъ незаконно составленнымъ. Михайло же добивался своего и даже настаивалъ у волостного начальства отобрать у Зысь усадьбу.

Самый вѣрный слуга Сильверстовыхъ Саенко, видя начавшіяся неурядки въ ихъ семьѣ, вздумалъ попросить разсчета.

Долго Михайло уговаривалъ его остаться, но Саенко настаивалъ на своемъ, и Михайло, разсердившись, разсчиталъ его. Какъ-то скорѣ послѣ разсчета, Саенкѣ понадобилось размѣнить у цѣловальника десятирублевый кредитный билетъ, полученный въ числѣ прочихъ денегъ отъ Михайлы. Билетъ этотъ,

въ довершеніе всѣхъ золъ, оказывался фальшивымъ. По этому дѣлу началось слѣдствіе и хотя Саенко указалъ, отъ кого приобрѣлъ таковой, но обстоятельство это ничѣмъ не подтвердилось, потому что Михайло отперся, говоря, что совсѣмъ не давалъ Саенкѣ десятирублевой бумажки. Благодаря хорошимъ отзывамъ крестьянъ о Саенкѣ, онъ не былъ посаженъ въ тюрьму. но, тѣмъ не менѣе, привлеченъ былъ къ дѣлу с приобретеніи фальшивыхъ денегъ и до рѣшенія судомъ этого дѣла отданъ былъ на поруки.

Послѣ этого случая племянникъ Михайлы—Фроль, будучи въ компаніи, подъ хмѣлькомъ, затѣялъ съ дядей своимъ счеты по раздѣлу имущества и, видя недобросовѣтность его, упрекнулъ дядю въ нѣкоторыхъ неблаговидныхъ поступкахъ; упреки эти вызвали обоюдную ссору, а затѣмъ, подъ вліяніемъ изрядно выпитой водки, Фроль произнесъ такую фразу: „Что подымаешь горбъ-отъ, забылъ, видно, какъ людей отправилъ на тотъ свѣтъ“!..

— А ты, гдѣ былъ? Тутъ же помогаль, — неосторожно возразилъ раздраженный Михайло.

Слова эти многіе слышали и на другой же день знала вся деревня дѣло между Зысь съ Михайломъ сильно обострилось и хотя Илья Николаевичъ не принадлежалъ къ числу сутягъ или доносчиковъ, но тутъ вышло такъ, что онъ вдругъ неожиданно сдѣлался такымъ и насолилъ своему сосѣду таки порядкомъ, чрезъ что и самъ пострадалъ.

Прошло лѣто, наступила другая осень. Всѣ мужички окончили свои полевые работы, у каждаго болѣе было свободнаго времени и на деревнѣ чаще и чаще стали поговаривать о Сильверстовыхъ. Соберется ли гдѣ компанія, или просто сойдутся два-три мужика, — первымъ дѣломъ начинались сужденія о загадочномъ упрекѣ Фроломъ Лапатынымъ дяди своего Михайлы, объ оказавшейся у Саенки фальшивой десятирублевкѣ, о перемѣнѣ отношеній Михайла Сильверстовича, вообще, ко всѣмъ своимъ однодеревенцамъ, а къ сосѣду Зысь въ особенности, и проч. Все это служило неистощимымъ матеріаломъ для досужихъ Лапатынцевъ и каждый день вызывало новые и новые толки. Вообще, каждый усматривилъ въ жизни Сильверстовыхъ какую то таинственность и какъ ни старались разгадать ее, ничего не выходило: все такъ и осталось для всѣхъ загадкой.

Илья Николаевичъ по прежнему жилъ въ своемъ домикѣ и зло смотрѣлъ на сосѣда, въ особенности, когда тотъ собирался ѣхать въ волость. Въ каждой такой поѣздкѣ Зысь безъ ошибочно предугадывалъ цѣль ея, что и не трудно было сообразить, такъ какъ Михайло каждый разъ везъ съ собою въ волость два—три мѣшка самой лучшей пшеничной муки, кадку масла или барана, — все это въ даръ кому слѣдуетъ, чтобы

просьба его объ отобраниі усадьбы у Зысь получила должное направленіе. „Сухая ложка ротъ дереть“—говорилъ Зысь.

Въ одинъ темный вечеръ глубокой осени въ ворота Зысь кто-то постучался. Это заинтересовало стариковъ, такъ какъ къ нимъ и днемъ то рѣдко кто заходилъ, развѣ ужъ по какому нибудь дѣлу. Пришедшимъ оказался бывший пастухъ Сильверетовыхъ—Степанъ Саенко. Онъ былъ подъ хмѣлькомъ.

— Добрый вечеръ, добрые люди! привѣтствовалъ Саенко.

— Добрый вечеръ, Степанушко, милости просимъ, садись-ко, гостемъ будешь.

— Ну, что Илья Николаевичъ, какъ поживаешь съ кумонькомъ своимъ?

— Охъ, Степанушко, плохое дѣло выходитъ у насъ съ нашимъ кумомъ то; заѣла его зависть, нѣтъ у него на шеѣ знать креста, такъ и наровить разорить насъ, стариковъ.

— А я вотъ что тебѣ скажу, Илья Николаевичъ: „Не рой другу яму, самъ въ нее упадешь“. Такъ случится и съ твоимъ кумомъ. Вотъ тогда попомни меня. что такъ будетъ. Ты говоришь—онъ наровить разорить тебя, а не вѣдаетъ онъ того, что самъ скорѣе разорится, не смотря на то, что богаче его въ деревнѣ нѣтъ.

— Знамо, Степанушко, пословица эта не даромъ молвится, потому, значить, Богъ видитъ правого и знаетъ Онъ всѣ замыслы злого человѣка. И я надѣюсь на Бога, что Онъ защититъ меня.

— Такъ-то такъ. Илья Николаевичъ, да я тебѣ, опять таки, скажу пословицу: „На Бога-то надѣйся, да и самъ не плошай“. Это по моему такъ значить: коли поддашься своему врагу, да не дать ему отпору, а молчать, то, чего добраго, и сгонить тебя съ насиженнаго мѣста, потому, самъ знаешь, правды теперь нѣтъ, а особливо здѣсь, въ Сибири; а правъ тотъ, у кого карманъ толстѣ. Вотъ хоть бы мое дѣло: десятку-то фальшивую Михайло мнѣ далъ самъ, своими руками, а меня подѣ судъ отдали, потому ему больше повѣрили, нежели мнѣ. А почему? потому что и засѣдателя, и письмоводителя его, и волостного писаря задарилъ, а тѣмъ-то такіе и на руку; ими они и живутъ. А я что?—Одно слово—голышъ. ну значить, и виноватъ.

— Вѣстимо дѣло, Степанушко, кабы на мѣстѣ сосѣда моего былъ я, али вотъ ты, то давнымъ давно упрятали бы насъ туда, гдѣ Макарь телятъ не гонялъ. Послышишь, что на деревнѣ говорятъ, такъ просто волосы дыбомъ становятся. То слухи носятся, что у Сильверетовыхъ мастеръ жилъ, то, будто, какихъ то бродягъ они убили, да и мало ли чего говорятъ.

— Да, вѣрно, Илья Николаевичъ, говорятъ то много и все это не даромъ, да жаль только, что всѣ эти слова такъ и ос-

таются словами, а дѣла-то никакого не выходить; а время бы ему, плѣшивому, поплатиться за свои дѣлишки. Вотъ тебѣ бы, Илья Николаевичъ, въ самый разъ, подстать начать такое дѣло, а я бы ужъ тебѣ помогъ, потому никто, кромѣ меня, не знаетъ того, что мнѣ извѣстно про Сильверстовыхъ; мнѣ же самому нельзя ничего начать, потому, значить, опять вѣры не будетъ. Я давно собирался поговорить съ тобой, да все какъ-то не удавалось.

— А будетъ ли толкъ-отъ какой?

— Будетъ, Илья Николаевичъ, будетъ; и голову тебѣ на отсѣченіе даю, если что только напрасно скажу. Ты слышалъ про бродягъ?

— Слышалъ.

— Ну, такъ вотъ это самое дѣло я знаю, какъ свои пять пальцевъ; знаю даже, гдѣ они и схоронены.

— Не ужъ-то правда, Степанушко?

— Вотъ те Христось правда!

Послѣ этого Зысь погрузился въ размышленія и долго что-то соображалъ. Да; подумаешь: какіе люди есть на свѣтѣ! Вотъ тебѣ и сосѣдъ, вотъ и богачъ! Кто бы могъ подумать, что у этого человѣка кроются такія странныя дѣла. Нѣтъ, надо опасаться его.—промолвилъ Зысь про себя.

— Ну, коли такъ, то я согласенъ, Степанушко. И, на самомъ дѣлѣ, надо же ему крылышки подсѣчь, а то ужъ больно зазнался, только и надѣется на свое богатство: пожалуй, чего добраго, какъ бы на самомъ дѣлѣ чего не натворилъ мнѣ,—врагъ, вѣдь, силенъ.

Просидѣвъ до полуночи, Саенко и Зысь разстались съ твердой рѣшимостью сдѣлать на Сильверстовыхъ доносъ о всѣхъ злодѣяніяхъ, извѣстныхъ Саенкѣ, съ тѣмъ, чтобы таковой исходилъ отъ имени Зысь.

Утромъ слѣдующаго дня Зысь и Саенко ѣхали вмѣстѣ въ Балахту. Тамъ скоро удалось найти мѣстнаго адвоката, нѣкоего Стекольниковъ, изъ ссыльныхъ, который только и существовалъ тѣмъ, что писалъ всякаго сорта прошенія, доносы и т. п. Когда повѣдали ему тайну о Сильверстовыхъ, онъ взялся написать на самомъ законномъ основаніи доносъ на имя земскаго засѣдателя 2-го участка Ач—каго округа, увѣривъ своихъ кліентовъ, что Сильверстовы не минуютъ каторги.

— А сколько же, Корней Александровичъ, будетъ стоить такой доносъ? спросилъ Зысь Стекольниковъ.

— Будетъ стоить 25 рублей и меньше ни копѣйки. Потому что это уголовное дѣло, которое требуетъ обстоятельнаго изложенія фактовъ. Это не какое-нибудь простое прошеніе; а доносъ—вещь весьма уголовная. Писать надо для того, чтобы дѣло не

попало подъ сукно, а пошло въ ходъ и чтобы врагъ вашъ получилъ достойное возмездіе за свои противузаконныя дѣянія,—такъ, вѣдь?

— Да ужъ, конечно, чтобы, значить, по закону,—отвѣтилъ Зысь.

— Ну то-то, по закону! Вотъ и нужно, чтобы все изложить на основаніи закона, а не какъ нибудь, зря. Необходимо подвести такія статьи, по которымъ судъ безъ всякаго затрудненія сразу присудилъ бы его въ каторгу, а такія статьи не такъ то легко подобрать, вотъ онѣ, сколько ихъ тутъ! Стекольниковъ показалъ своимъ кліентамъ какую-то толстую претолстую книгу.

— Да, вотъ тутъ и поворочай мозгами. Ну да что много и говорить не стоить, а вотъ, какъ напишу, да прочитаю, то тогда сами увидите, какія я статьи подведу; одно слово—прямо въ каторгу, съ лишеніемъ всѣхъ правъ.

— Да нельзя ли десяточки полторы?

— Ни-ни! Я сказалъ, что ни копѣйки меньше и больше говорить не хочу. Пожалуй, напишутъ и подешевле, да что толку: и острога не увидать, а тутъ ужъ прямо въ каторгу.

— Ну, ладно, такъ и быть. пишите,—согласился Зысь.

Въ тотъ же день доносъ былъ написанъ и поданъ по принадлежности.

— Ну, Илья Николаевичъ, теперь мы кашу заварили, а масла подливать въ нее дѣло не наше... Этой приправой каша смягчаться будетъ Михайломъ Сильверстовичемъ,—такъ говорилъ Саенко, когда они возвращались домой.

— Не ужъ-то ты думаешь, что такъ будетъ? спросилъ Зысь.

— А вотъ увидишь: теперь кумъ твой знай только раскошелявайся. Отъ него Шамрайка *) не такъ еще растолстѣетъ.

Раннее утро. Въ канцеляріи земскаго застѣдателя, находящейся въ селѣ Балахтинскомъ, въ которомъ было и волостное правленіе,—никого еще не было. На запыленныхъ двухъ столахъ лежали въ безнорядкѣ груды слѣдственныхъ дѣлъ и разныхъ бумагъ, да двѣ незатѣйливыя чернильницы и пара жестяныхъ банокъ изъ подъ помады, служившія песочницами. Въ углу на полу лежали, покрытыя толстымъ слоемъ пыли, Сенатскія и Енисейскія губернскія вѣдомости. Первыя были даже не закрытыми—въ томъ самомъ видѣ, какъ получены съ почты. У стѣны стоялъ простой рабсты, пришедшій отъ времени въ ветхость, шкафъ, запертый всячимъ замкомъ. На стѣнѣ противъ двери висѣлъ портретъ одного изъ давно почившихъ государей, писанный маслянными красками, до того закоптѣлый

*) Шамрайка—прозваніе одного изъ земскихъ застѣдателей Ачинскаго округа, давно уже умершаго, славившагося въ свое время среди крестьянъ деспотизмомъ и взяточничествомъ.

и замазанный пылью, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть изображеніе. Отдѣльно, противъ окна, стоялъ третій столъ, покрытый потертымъ зеленымъ сукномъ, облитымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ чернилами, на которомъ красовался металлическій чернильный приборъ, такая-же пепельница и двѣ-три книги законовъ. Два простыхъ деревянныхъ стула и третій съ мягкимъ потертымъ сидѣньемъ довершали убранство канцеляріи.

Только что сторожъ успѣлъ подмести полъ метлой, какой, обыкновенно, метуть улицы, отчего поднялось густое облако пыли, какъ въ дверь вошелъ, пыхтя въ формѣ, полицейскаго чиновника самъ земскій засѣдатель Семень Александровичъ Шипраковъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 30-ти, средняго роста, чрезъ мѣру ожирѣвшій, темнорусый, съ бритымъ круглымъ подбородкомъ, краснымъ какъ бы опухшимъ широкимъ лицомъ и большими на выкатѣ налитыми кровью глазами, выражающими что-то звѣроподобное. Вообще, человѣкъ этотъ былъ наружности внушающей мужику страхъ и трепеть. Не даромъ всѣ крестьяне боялись его, какъ огня.

Зарывавъ сиплымъ своимъ басомъ на сторожа за поднятую имъ пыль, засѣдатель усѣлся на стулъ у своего стола и, продолжая пыхтѣть, принялся усердно вытирать платкомъ выступившій въ изобиліи на лбу потъ. Глубоко соображая о чемъ то, онъ вынулъ изъ боковаго кармана мундира вчетверо сложенный исписанный кругомъ листъ бумаги и принялся со вниманіемъ его прочитывать. Затѣмъ, взявъ лежавшее подъ рукой „уложеніе о наказаніяхъ“, долго перелистывалъ его, нѣсколько разъ снова обращался къ прочитанной бумагѣ и, откинувшись на спинку стула, предался размышленіямъ.

Чрезъ полчаса вошелъ въ канцелярію письмоводитель засѣдателя, а вскорѣ и другой писецъ. Занявъ свои мѣста, они принялись за обычныя занятія. Засѣдатель, спрятавъ обратно въ карманъ прочитанный имъ нѣсколько разъ листъ бумаги, долго ходилъ взадъ и впередъ по канцеляріи, потомъ отдалъ приказаніе письмоводителю написать волостному правленію предписаніе о немедленномъ доставленіи къ нему за карауломъ крестьянъ деревни Мало-Лапатиной: Сильверста, Михаила, Фрола, Спиридона, Ивана, Никифора и Евстафія Лапатиныхъ.

— У насъ, Семень Александровичъ, кажется, такого дѣла нѣтъ. Позвольте узнать, для какой надобности?—спросилъ письмоводитель засѣдателя.

— Я знаю, что нѣтъ. Напишите просто: „по встрѣтившейся надобности“... и больше ничего,—отвѣтилъ засѣдатель.

Скоро предписаніе было написано, засѣдатель подписалъ его, добавивъ сверху: „съ нарочнымъ“ и, возвращая письмоводителю, приказалъ сейчасъ-же отправить, а самъ вышелъ изъ канцеляріи.

Полученное въ волостномъ правленіи предписаніе засѣдателя не мало удивило всѣхъ. Всякъ задавался вопросомъ, чтобы это такое значило? Первыхъ богачей по волости и, вдругъ, „за карауломъ“; главное—въ предписаніи ничего не сказано, для чего и по какому дѣлу Лапатины требуются, а выраженіе: „по встрѣтившейся надобности“ наводило на различныя догадки и размышленія. Но еще большая суматоха поднялась въ Ямкѣ, когда изъ волости пріѣхали два разсыльныхъ съ приказомъ ваять Сильверстовыхъ подъ караулъ и доставить къ засѣдателю. Въсть эта моментально разнеслась по всей деревнѣ и аханьямъ не было конца. Въ домѣ Сильверстовыхъ плакали бабы, стонали мужики, такъ какъ слово: „за карауломъ“ не предвѣщало ничего хорошаго. Но дѣлать было нечего,—нужно подчиниться требованію начальства. Предъ выѣздомъ изъ дома у всѣхъ иконъ зажжены были свѣчи; каждый сдѣлалъ по три земныхъ поклона и, помолясь Богу, Лапатины отправились подъ конвоемъ двухъ разсыльныхъ волостного правленія.

За всю дорогу Лапатины, не проронивъ ни одного слова,—ѣхали молча. Лишь частые вздохи и унылое выраженіе ихъ лицъ свидѣтельствовали о какомъ-то гнетущемъ ихъ горѣ. Можетъ быть, присутствіе разсыльныхъ стѣсняло ихъ начать какой либо разговоръ о предметѣ ихъ путешествія, или, быть можетъ, и на самомъ дѣлѣ они были переполнены боязнью за будущее, такъ что не въ состояніи были ничего промолвить другъ другу.

Вотъ ужъ стало показываться и село Балахтинское съ каменной бѣлою церковью, а чрезъ нѣсколько минутъ Лапатины на двухъ телѣгахъ вѣхали и въ улицу села.

Сердце пуще прежняго забилося, даже дрожь стала пробѣгать по тѣлу. Никогда они съ такимъ *триумфомъ* не вѣзжали въ Балахтину; раннее никогда имъ и въ голову не приходило, чтобы быть въ зависимости какихъ-то разсыльныхъ и ѣхать не туда куда бы хотѣлось, а туда, куда везуть противъ ихъ собственной воли. Всѣмъ имъ такъ и казалось, что каждый на нихъ пальцемъ указываетъ,—что, вотъ, молъ везуть преступниковъ. Даже выбѣгавшія со дворовъ собаки и тѣ, какъ будто, встрѣчали ихъ недружелюбнымъ лаемъ, точно и они знали, что везуть ялодѣевъ. Ъхавшій на передней телѣгѣ Михайло, наконецъ, собрался съ духомъ спросить своего конвоира, куда ихъ сначала завезутъ, и когда тотъ отвѣтилъ, что въ волость, то онъ, съ несвойственнымъ ему униженнымъ тономъ, обратился къ разсыльному съ просьбой позволить заѣхать къ Рачковскимъ выпить чаю. Но разсыльный грубо отказалъ въ этомъ. Это обстоятельство еще сильнѣе подѣйствовало угнетающимъ образомъ на нашихъ невольниковъ. Да и не мудрено: Михайлу

Сильверстовичу, которому раньше изъ начальствующихъ волостного правленія никто никогда ни въ чемъ не отказывалъ и даже не смѣли ни въ чемъ противорѣчить ему, вдругъ разсылный, отказываетъ заѣхать къ своимъ знакомымъ.

„Вотъ въѣхали и во дворъ волостного правленія. Одинъ изъ сопровождавшихъ разсылныхъ соскочилъ съ телѣги и побѣжалъ въ волость, а другой остался съ Лапатыными во дворѣ. Во всѣхъ окнахъ волостного правленія показались головы любопытныхъ, всѣ бросили свои занятія и смотрѣли на богачей-арестантовъ. Но никто изъ начальствующихъ, ни даже пріятель Сильверстовыхъ—волостной писарь не вышли къ нимъ поздороваться и пожать по прежнему руку.

„Всѣ друзья пріятели до чернаго лишь дня“, тяжело вздохнувъ, промолвилъ старый Сильверсть.

Наконецъ, дверь отворилась и показалась фигура горбатенькаго человѣчка,—это Тимка, волостной сторожъ, служившій около 20 лѣтъ на этой должности. Онъ приказалъ Сильверстовымъ слѣдовать за нимъ въ отдѣльное отъ волостнаго правленія небольшое зданіе, стоявшее тутъ же во дворѣ. Сильверстовы, разумѣется, повиновались. Переступивъ порогъ этого зданія, Тимка обратился къ мужику въ засаленномъ азымѣ, у котораго въ рукахъ была связка ключей.

— Вотъ, Панкратычъ, гости къ тебѣ, принимай ихъ, да посади въ ту заднюю камеру. Потомъ Тимка отозвалъ Панкратыча въ сторону и потихоньку передалъ приказаніе начальства: „Никого постороннихъ къ нимъ не допускать“. Сильверстовы, повѣсивъ головы, молча послѣдовали за нимъ по корридору, въ которомъ по обѣ стороны были камеры, запертыя на замки. Подойдя къ задней камерѣ и отворивъ широко дверь, Панкратычъ промолвилъ: „Ну, заходите“. Замокъ загремелъ, и Сильверстовы очутились совершенно отдѣленными отъ внѣшняго міра.

С. А. Коваленко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Разсказъ приленскаго мужика о томъ, какъ увели его лошадей,

Было это дѣло въ концѣ мая. Мы съ дядей орали въ полѣ. Лошади у насъ, самъ ты знаешь, какія здоровыя, крѣпкія, неистомчивыя, а я тебѣ скажу, что теперь ихъ въ половину нѣтъ противъ того, что было. И самъ то я досель не могу оправиться отъ тогдашней передраги: исхудаль, изсохъ, голосомъ истратился. Три недѣли изо дня въ день, изъ ночи въ ночь проходилъ, едва голову на плечахъ сносилъ.

Такъ мы вотъ съ дядей и орали до темноты; ужъ совсѣмъ завечерѣло, какъ мы орку кончили, лошадей выпрягли и въ выгороду стустили (у насъ, вишь ты, въ паренинѣ такая выгорода была тогда). Хотимъ домой уходить, а та пѣгая то кобыла, что у меня въ корню ходитъ, все отъ меня не отстаётъ; кружить себѣ да свищетъ, словно бы ей и отходить отъ насъ не хотѣлось. А татары, надо тебѣ сказать, три дня назадъ черезъ нашу деревню проходили и одинъ старикъ ихній мнѣ за ту кобылу 100 цѣлковыхъ давалъ да я ему напрямки отрубилъ, что, моль, и за 200 не отдамъ. Видно они были гдѣ-нибудь поблизости укрывши, можетъ — я изъ лѣсу поглядывали, какъ мы лошадей-то въ выгороду спускали, что пѣгая кобыла ихъ чужала; одно слово, пришли мы, значить, на другой день рано въ поле, сошли въ выгороду за конями — не нашли ихъ. Мы, было, туда-сюда, — до обѣда проискали, куды тебѣ и слѣдъ простылъ! Нѣтъ нигдѣ ни нашей тройки, ни сосѣдскихъ четырехъ лошадей.

Прихожу я къ дядѣ, совсѣмъ съ ногъ смялся, говорю: „тутъ, дядюшка, что нибудь не ладно! Не спроста наши лошади пропали, увели ихъ гололобые проклятые“. Пришли къ дядѣ и тѣ четверо сосѣдей, у которыхъ по одной лошаденкѣ увели; стоимъ мы кучей у воротъ, да толкуемъ, что намъ стать дѣлать, а мнѣ, правду сказать, ничто и въ голову не лѣзетъ: чуетъ только мое сердечушко, что увели нашихъ трехъ лошадушекъ въ самую страдную порушку, что нечѣмъ пашню поднять, обсятаться, что придется съ семьей голодать. Тѣмъ временемъ ѣдетъ изъ забытого золотого пріиска писарь нашъ Кузьма Кузьмичъ. „Что вы“, кричитъ, „ребята, въ кучу собравши, дѣлаете? Бога въ васъ нѣтъ братцы, что въ страдную пору задумали праздновать, да объ вздорѣ толковать“. — „Не о вздорѣ собрались мы Кузьма Кузьмичъ, говорю я, толковать, а горе горезать“. „Что такое, спрашиваешь, а я ему: такъ и такъ моль говорю, коней нашихъ увели.“ „А какіе такіе твои кони“. „А вотъ говорю гнѣденькій, да буланый, да вороненькій, да сосѣдскихъ четыре бѣленькихъ“. „Э! братъ, говоритъ, знаю я, гдѣ они. Ъхаль я, вишь ты, вече-

ромъ изъ забытаго пріиска, да въ Голодаевкѣ на ночь у пріятеля кабатчика остался. Затолковались мы съ нимъ за самоваромъ, да за полночь и засидѣлись, вдругъ, слышимъ собаки залаяли, чуть не со всей деревни сбѣжались, да такой гвалтъ подняли,—что бѣда! Выскочили мы на улицу, а мимо то насъ, что вихорь, на семи лошадахъ какіе то проскакали. Только мы и видѣли; поѣзжай, братъ, въ ту сторону, авось, больше моего узнаешь“. А на чемъ поѣдешь, какъ лошадей то нѣтъ? Я, было, къ тѣмъ сосѣдямъ, у которыхъ по лошади пропало; прошу, чтобы дали мнѣ своихъ лошадей въ погоню: такъ нѣтъ, всѣ они другъ за дружку хоронятся отъ дѣла отлыниваютъ! Имъ и, вѣстимо, горюшка мало, потому по одной лошади то пропало, да и то лядащей, а чужое горе никому не похмѣлье!.. Изъ чужой деревни надо мной одинъ мужикъ сжалился: далъ мнѣ на пять дней лошадь и богатую лошадь. Поѣхалъ я вдвоемъ съ сосѣдскимъ сыномъ, Петрованомъ; въ Голодаевку пріѣхали, тамъ поспрашали, все какъ есть развѣдали, дальше поѣхали. Гонимъ, что есть духу, верстъ съ 200 гнали. пріѣхали тожъ въ деревню, спрашиваемъ:—Проѣзжали ли тутъ татары?—Какъ-же, говорятъ, на семи лошадахъ проѣзжали. Мы еще ихъ спрашивали: куда, молъ, братцы, ѣдете, бойко гоните? А они отвѣтъ держатъ: „на свадьбу, молъ, поспѣшаемъ“. Покатили мы дальше, по дорогѣ поѣхали, и въ трехъ деревняхъ намъ объ татарахъ сказывали, а въ четвертой ихъ и слѣдъ простылъ: никто объ нихъ и не слыживалъ. Вотъ и смекнули мы, что они съ дороги-то въ сторону куда-нибудь стрекача дали, вернулись назадъ, по проселку поѣхали и опять на ихъ слѣдъ наткнулись. Шестеро сутокъ мы съ Петрованомъ ѣздили—гоняли, такъ что его конь ужъ и на ноги припадать сталъ. Пріѣдемъ въ село, станемъ о татарахъ спрашивать, намъ говорятъ, что они часовъ за шесть до насъ тамъ были, да уже давненько уѣхали. Вотъ и стало меня раздумье братъ: ношуся я, молъ, добрый молодець, за разбойниками, шестеро сутокъ, а догнать ихъ мнѣ не въ моту; денегъ у меня всего два рубля (да хвастать передъ тобой баринъ, не хочу и тѣ послѣдніе изъ дому увезъ). ѣзжу я на чужой, на дорогой лошади: а ну, какъ я ни своихъ коней не отыщу, ни чужой лошади хозяину не верну, потому заморю—вѣдь, придется тогда къ нему со всей семьей въ кабалу итти“. И говорю я Петровану: твой конь на ноги припадать сталъ, тебѣ за мной не уѣхать, да я и чужой лошади не хочу заморить, не хочу зломъ за добро платить, свою семью губить; а возьми-ка ты моего коня, да вернись съ нямъ домой. Снеси отъ меня поклонъ дядѣ съ теткой и женѣ поклонъ, чтобъ джо не убивались по мнѣ, а моя судьба есть порѣшенная—я своихъ коней искать пойду: либо ихъ найду, либо голову сложу, потому уже лучше

одинъ конецъ: вѣдь, намъ безъ лошадей и такъ по міру придется итти, такъ лучше сраму не пережить.

И шель я, шель, добрый молодець, ни близко, ни далеко, а добрель до границы округа Олекминскаго; указали мнѣ тутъ, что они по дорогѣ къ Нохтуйску погнали; и я туда уже свернулъ. Долго ходилъ я. Кругомъ меня добрые люди стали поговаривать: „Что, молъ, ты любезный человѣкъ, здѣсь бродишь? Не твое здѣсь мѣсто, на самомъ тебѣ зипунишко оборванный, а ты говоришь, будо тройки своей отыскиваешь. Ужъ ты это не басни ли пишешь? Видимое ли дѣло, чтобы за тройкой пѣшкомъ кто гоняться вздумалъ, да въ чужой бы округъ безъ погонной, да безъ явочной пустился за 800 верстъ отъ дому“. Одно слово, говорятъ, не попадайся въ сердитый часть старостѣ. Я имъ говорю: Ничего вашъ староста сдѣлать мнѣ не можетъ, потому я по слѣду иду. А самъ себѣ думаю: а ну, какъ и въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ староста привяжется, да къ засѣдателю за бродягу представить: отклеваться мнѣ отъ старосты нечѣмъ, а засѣдатель, если меня и отпустить черезъ нѣсколько дней, такъ ужъ слѣдъ то у меня тогда совсѣмъ изъ виду уйдетъ.

И такая-то на меня ужась напала, какъ я на чужой сторонѣ очутился—и холодный, и голодный, и безденежный, и безпомощный, какъ добрые люди меня за бродягу сочли, что я присѣлъ на дорогѣ да облился горькими слезами. И надумалъ я итти къ горному исправнику, что по близности жилъ на приискѣ, объяснить ему все дѣло, просить его помощи—заступничества. Пришелъ къ горному исправнику, да хвастать не стану—баринъ, чтобы добрый, а просто, какъ увидѣлъ его, такъ у меня и ноги подкосились, потому—передъ властью: вѣдь, онъ воленъ казнить, воленъ и миловать. Бухнулъ я ему въ ноги, да только и могъ выговорить: пощади, господинъ, заставъ за себя Богу молиться! Видно, онъ былъ человѣкъ степенный, потому поднялъ меня, сталь спрашивать... Сказалъ я ему, что въ погонѣ за злодѣями, деньгами истратился, не взялъ съ собой никакого вида, потому за этимъ ходить было мнѣ нельзя, не потерявъ слѣда. Сталь я просить себѣ записи охранной отъ его милости. И далъ онъ мнѣ—человѣку черному, неграмотному записъ, тамъ и имя мое проставилъ и прозванье, да отъ себя прибавилъ, чтобы во всемъ его районѣ мнѣ отъ приискаго начальства помощь подана была.

И сталь онъ потомъ отъ меня вывѣдывать: „а какія такія твои лошади мастью? А вотъ говорю: пѣгая, да буланая, да вороненькая, да сосѣдскихъ четыре бѣленькихъ.

— Э! братъ, да не на твоихъ ли лошадяхъ дня три назадъ мимо моей квартиры татары проѣзжали? Коли такъ, я и татарь тѣхъ знаю и тебѣ могу ихъ назвать, гдѣ и гнѣздо ихнее, только

тебѣ туда, особливо одному, и соваться не совѣтую; не сносить тебѣ будетъ головы на плечахъ“.

— Ваше благородіе, сказалъ я ему, посуди ты самъ, куда я безъ лошадей поѣду, куда дѣнусь? Ужъ либо я голову сложу, либо лошадей найду. Лучше умереть, чѣмъ по міру ходить, а женку да дѣтокъ добрые люди не оставятъ.

— Ну, твоя воля, братецъ, ступай; только притонъ ихній—не близкое дѣло, верстъ до него 300 будетъ.

Написалъ онъ на запискѣ имена воровъ, что мимо его ѣхали; рассказалъ мнѣ дорогу къ ихнему притону и отпустилъ отъ себя. Я отъ его милости взялъ записку, поклонился ему до сырой земли, вышелъ на дворъ, и стало у меня на сердцѣ словно полегче. Опять пустился въ путь дороженьку; шелъ, шелъ, безъ усталости шелъ, словно кто меня сзади стягомъ погонялъ: бывало, идешь, идешь, вотъ ужъ ноги-то и приставать стануть, совсѣмъ почитай итти отказываются, а я сойду къ водѣ, войду въ нее по колѣно, да такъ-то и постужу ноги; а тамъ опять въ дорогу. Сталь я такимъ родомъ къ Мачинской деревнѣ подходить. Кого не спрошу о дорогѣ къ тому татарскому притону, всякъ только головой покачаетъ да скажетъ: „не ходи, добрый человѣкъ, въ тѣ мѣста, коли хочешь живъ домой вернуться! Пронюхаютъ гололобые, что ты по ихъ слѣду идешь—не слобровать тебѣ будетъ: пришибутъ да забросятъ въ такое мѣсто, откуда и вранъ костей не вынесетъ“. А меня, вѣришь ли, баринъ, и страхъ-то не беретъ! Словно я какой стальной па ту пору сталь; людей слушаю, а самъ себѣ думаю: лучше самъ пропаду, чѣмъ конямъ кормильцамъ пропадать у гололобыхъ! Ужъ чего бы кажется: одинъ богатый золотопромышленникъ, у котораго я на пріискѣ ночевалъ, тоже меня уговаривалъ: „не ходи, братъ, въ эти мѣста; я—не тебѣ чета, а какъ въ прошломъ году сталь доискиваться своихъ лошадей у этихъ воровъ—татаръ, такъ они моего пріиска чуть не сожгли. Онъ же мнѣ и три рубля на дорогу пожаловалъ“.

А я все шелъ, да шелъ. Только вотъ ужъ какъ у меня послѣднія копѣйки изъ рукъ вышли, да пришлось по людямъ христорадничать, тутъ меня бодрость покидать стала. Да я же въ ту пору и на сторонку-то пришелъ нелюдимую—все тайга, да и тайга какая—не нашей чета. Все острова дремучія, непроходимыя, гдѣ одному развѣ медвѣдю таежному привольно живется. И точно, коли тутъ убьютъ да бросятъ, никому не сыскать будетъ моихъ косточекъ, растаскаютъ ихъ звѣри хищные, не оплачутъ жена съ дѣтками. Да такъ-то мнѣ сгрустилось, такой на меня страхъ напалъ, что я сѣлъ на дорогѣ, и задумался. И домой то тянетъ и къ лошадушкамъ-то тянетъ,—просто такъ въ головѣ все помутилось, что

Оз. Байкаль. Мысь Малай Крутая Губа.
(Le lac Baïkal. Le cap nommé „Petit golfe“).

Видъ Томской скаковой сесѣдки.
(Vue du pavillon des courses à Tomsk).

кажется бы руки на себя и наложилъ, кабы не вздумалось дьявола молитвой отогнать.

Сталъ я молиться и долго молился, припадаючи къ сырой землѣ, а только и могъ вымолвить: „Господи, что мнѣ стать дѣлать, пошли мнѣ, темному грѣшнику, свое наставленіе“! Потомъ всталъ, пошелъ и сталъ ждать отъ Бога наставленія.

Вижу идетъ мнѣ баба на встрѣчу. Я къ ней: тетушка, говорю, вотъ молю такъ и такъ; рассказываю ей: куда иду, — чего ищу. А она-то мнѣ: „глупое ты, родимый, затѣяль: воротись ка ты къ женѣ съ дѣтками, коли жизнь тебѣ мила дорога“. Нѣтъ, думаю, это мнѣ наставленіе не отъ Бога посылается! Поплелся дальше и прибрелъ на ночь въ деревню. Пустилъ меня одинъ старикъ къ себѣ ночевать, сталъ меня спрашивать, откуда бреду и куда иду—я и рассказалъ ему всю подноготную, а потомъ сталъ на судьбу свою жалиться. Онъ какъ посмотрѣлъ на меня, такъ и закачалъ головой: „Ахъ вы, говорить, люди нонѣшше-вчерашние, маловѣры безпутные! За дѣломъ ты идешь, своего добра ищешь, да еще убиваешься, что деньжонками истратился, платьишкомъ пообносился. Да имя-то Христово, вѣдь, и для насъ дано! Проси во имя Его: нигдѣ тебѣ въ кускѣ отказу не будетъ. Да и статочное ли дѣло тебѣ домой возвращаться, когда ты 1000 верстъ прошелъ и, почитаю, до самаго ихняго разбойничьяго притона дошелъ“.

Вотъ это-то и есть наставленіе мнѣ отъ Бога! подумалъ я.

Накормилъ онъ меня, напоилъ и дорогу мнѣ указалъ. За тою деревнею вошелъ я въ Якуты. Много тамъ ихъ живетъ: мужики то, знаешь, смыслятъ по русски, а бабы да дѣти хоть-бы слово знали. И шелъ я Якутами дня два по тайгѣ. Вотъ иду разъ по тайгѣ; глушь кругомъ, мохъ да тайга; сталъ подходить къ просвѣтнкѣ, и вижу на полянкѣ въ тайгѣ телѣги стоятъ, а межъ телѣгъ огни горять, а у огня татары сидятъ и промежъ себя на своемъ поганомъ языкѣ стрекочутъ. И много ихъ тутъ было: семей съ 30. Вижу я тоже, за телѣгами рѣчка бѣжить; за рѣчкою кони на лугу пасутся, и одинъ татаринъ на сосѣдскомъ конѣ около нихъ развѣзжаетъ. Меня какъ словно ошпарило, какъ я лошадь знакомую увидалъ; не знаю, какъ я на него не бросился, какъ его съ коня не сорвалъ, ногами не истопталъ, какъ со злобы своей головушки не сгубилъ! Однако же, сдержалъ я себя, да по кустовнягѣ прочь отъ татаръ поползъ; берегомъ рѣчки съ версту ползъ и изъ тайги выползъ. Вижу на рѣчкѣ рыбаки морды встряхиваетъ. Я къ нему, да прямо въ ноги и повалился: „братъ, говорю, не выдай меня собакамъ на съѣденіе! Ограбили меня, послѣднее добро у меня злодѣи-татары отняли; я своего добра искать пришелъ; не продай меня имъ, а помоги въ бѣдѣ—тебя за это Господь награ-

дять“. Онъ мнѣ въ отвѣтъ говорить: „ты не смотри, чужой человекъ, на то, что я якутъ; на мнѣ всячески хрестъ есть, и я тебя, русскаго, на татарина не промѣняю“.

Я ему всё разсказалъ, а тамъ говорю: покажи ты мнѣ бродъ въ этой рѣчкѣ; я пойду къ нимъ по тому берегу, да и посмотрю, точно ли моя тройка между ихъ лошадьми есть. Онъ показалъ мнѣ бродъ, и раздѣлся, все какъ есть платье у него оставилъ, чтобы на той сторонѣ меня нагого нельзя было распознать, русскій-ли я, якутъ-ли, и побрелъ на ту сторону. Не прошелъ я и полу-версты по берегу, какъ на свою тройку и наткнулся. Ходятъ, вижу, мои родненькія лошадушки, травку пощипываютъ, а на самихъ—взглянуть страшно: бока словно двѣ доски, еле ноги переставляютъ. Ударился я о землю, чуть не завопилъ съ радости, ихъ увидавши, чуть не сталъ причитывать по бабѣму. Вотъ, думаю, и видишь васъ, родненькихъ моихъ, а не возьмешь!.. А самага-то въ ретивое такъ и колетъ, такъ оно и ноетъ: видно, кровью обливается. Поглядѣлъ я, поглядѣлъ на нихъ да и побѣжалъ назадъ къ рыбаку. „Дядюшка, веди меня въ свой улусъ къ старостѣ“!

Ужъ вечерѣло; солнышко за дѣсь сѣсть собиралось: работы въ поляхъ къ концу подходили. Я всю правду старостѣ разсказалъ, сталъ его помощи молить: „не погуби, говорю, съ женою, съ малыми дѣтками, не заставь по міру ягги отъ разбойниковъ“. А народъ-то съ работъ подоспѣлъ, такъ я, то къ тому, то къ другому—всѣхъ помочь прошу; кажется, такому вотъ мальчугану, и тому въ ноги кланился. А староста мнѣ говоритъ въ отвѣтъ: „я помогу тебѣ, братъ, небось, только вотъ спосылаю еще въ два улуса, что подъ моимъ началомъ состоятъ“. Ты, я говорю, дѣлай, какъ знаешь, а дай мнѣ караулъ изъ десяти человекъ, побойчѣе да попроворнѣе, чтобы до вашего прихода могли мы лошадей моихъ оберечь отъ татаръ. Онъ мнѣ далъ десять человекъ, и мы тотчасъ, по стягу въ руки, узды съ собой захватили, да въ поле; какъ къ своей тройкѣ я подошелъ, такъ ее тотчасъ оброталъ, привязалъ къ кусту, карауломъ оставилъ и жду якутовъ. А тѣмъ временемъ и повѣсти кто-то татаръ, что до ихъ коней я съ якутами добираюсь. И пошли свисты по тайгѣ: видимъ мы, что бѣгутъ издали на насъ татары, кричатъ что-то по своему, стягами машутъ. А съ другой-то стороны якуты бѣгутъ отъ броду, около насъ въ кучу скопляются. Набѣжали татары, стали на насъ со стягами бросаться, а мы, было, сначала только ихъ стяги отбиваемъ, стягъ со стягомъ сплетается, никому вреда не дѣлается. Такъ нѣтъ-же: стали они норовать, какъ-бы насъ побольше донять: троимъ якутамъ по головѣ стягомъ попали, такъ ихъ съ ногъ и срѣзало. Вотъ и разгнѣвались наши якуты, на татаръ ударили:

какъ зачали ихъ молотить, такъ такая завязалась головица, что бѣда! Со стягами, вѣдь—шутка плоха!

Плохо пришлось татарамъ:—побѣжали злодѣи въ лѣсъ, а якуты за ними. Я въ ту пору со страху, что изъ-за меня убивство произойдетъ, взялъ лошадей своихъ, да въ улусъ къ старостѣ и поѣхалъ. Съ тревоги-то меня даже дрожь проняла такая, что я забрался на печку, да тамъ и лежу. Вотъ пришелъ староста и сталъ что-то съ женою по своему обо мнѣ говорить; Я и говорю ему: „что вы при мнѣ говорите! по своему! это не хорошо, я вашего языка не могу понимать. Вѣрно вы обо мнѣ говорите?“ „Объ тебѣ, говоримъ мы, чужой человекъ, „что вотъ какая изъ за тебя головица вышла, что намъ за тебя отвѣчать придется, а тебѣ и горюшка мало—взялъ да ушелъ, и вся недолга. „Худо же вы обо мнѣ думаете, а я вамъ скажу, что кабы вы меня и гнали отъ лошадушекъ моихъ, такъ я бы не пошелъ, пока ихъ не достану, пока во мнѣ капля крови останется. А вы со мной, что хотите, то и дѣлайте.

Повезли меня въ инородческую волость вѣстѣ съ десятью татарами, что связать успѣли наканунѣ. Тамъ голова съ писмоводителемъ надумали меня къ засѣдателю стправить за 80 верстѣ. „Братцы, говорю я имъ, заставьте за себя Богу молить: у меня поле не засѣяно, а вы меня хотите къ засѣдателю посылать, дѣло затягивать. Лучше я вамъ своихъ лошадушекъ оставлю, а меня вы домой отпустите: я вамъ оттуда свидѣтельство привезу, что лошади точно мои, да денегъ изъ дому захвачу васъ благодарить, да старостѣ за прокормленіе лошадей заплачу.

Понравился имъ мой отвѣтъ, отпустили меня домой, еще и на дорогу дали. Дошелъ я до пароходной пристани, да потомъ съ Громовскимъ пароходомъ домой прѣхалъ. А дома-то ужъ обо мнѣ живомъ и думать забыли: бабы давно причитывали, самъ дядя голову повѣсилъ.

Прихожу, ко мнѣ все бросились съ распросами. „Нѣтъ, говорю, прежде напой, накорми, потомъ о дѣлѣ спроси“. Вотъ ужъ какъ отдохнулъ я маленько, такъ и сказала имъ, что лошадей нашелъ, что за ними ѣхать надобно. Все такъ и ахнули.

Собрались мы „съ послѣдними крохами“—кое-что заложили, кое-что распродали, запаслись бумагами отъ засѣдателя нашего да отъ волостного правленія и поѣхали лошадушекъ выручать. Охъ, да ужъ лучше и не вспоминать, баринъ, что та выручка стоила! Вотъ ужъ годъ прошелъ, а все я отъ того приключенья оправиться не могу.

П. Кузьминъ.

Олекминскъ.

Къ вопросу о народномъ кредитѣ *).

Первоначальная организація народнаго кредита въ Россіи выразилась въ основаніи ссудосберегательныхъ товариществъ Шульце-Деличевскаго типа; первое изъ нихъ было основано въ 1865 г., если не считать ссудныхъ товариществъ, основанныхъ нѣмецкими мастеровыми въ Ригѣ—въ 1862 г. и въ Одессѣ и Митавѣ—въ 1863 г. Первыми основателями русскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ были Лушининъ и Колюпановъ, которые, ознакомившись съ организаціей кредитныхъ товариществъ Шульце-Делича въ Германіи, устроили по этому образцу первое русское ссудосберегательное товарищество въ селѣ Доровашовѣ Ветлужскаго уѣзда Костромской губ. Приктика убѣдила однако очень скоро какъ Колюпанова, такъ и еще одного изъ руководителей этого движенія, Яковлева, въ невозможности разсчитывать на самодѣятельность тамъ, гдѣ нѣтъ ни матеріальныхъ средствъ, ни самага первоначальнаго образованія. Но изъ этого положенія руководители движенія видѣли выходъ въ матеріальной поддержкѣ государства или земствъ и, наконецъ, просто въ участіи интеллигенціи. Уже въ 1869 г. Яковлевъ писалъ:

„Есть и такія положенія, въ которыхъ не можетъ быть и рѣчи о самодѣятельности или объ отвѣтственности за свое положеніе, гдѣ безъ помощи извнѣ невозможно движеніе. Массы, къ сожалѣнію, находятся еще въ этомъ положеніи. Не придавая поэтому такого исключительнаго значенія принципу самодѣятельности, не считая возможнымъ разсчитывать на одну частную инициативу, мы должны искать такихъ учрежденій, которыя могли-бы провести кредитъ въ тѣ слои общества, гдѣ нѣтъ самодѣятельности, какъ по рѣшительному отсутствію матеріальныхъ средствъ, такъ и по недостатку развитія. Въ этомъ случаѣ остается одинъ способъ—это вмѣшательство либо государства, либо земства, либо, наконецъ, просто образованнаго класса“.

(Яковлевъ. „Очеркъ народнаго кредита“. 1869 г.).

Почти то-же высказываетъ и Колюпаневъ въ сборникѣ „Недѣли“—„Русскіе общественные вопросы“ за 1872 г.: „Учрежденіе ссудныхъ товариществъ и сельско-производительныхъ ассоціацій при неразвитости крестьянскаго населенія требуетъ инициативы со стороны сочувствующихъ этому движенію людей изъ образованнаго меньшинства“.

На то-же указываетъ извѣстный статистикъ Орловъ, на московскомъ съѣздѣ представителей ссудосберегательныхъ това-

*) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужила статья Прокоповича: „Ссудосберегательныя Товарищества“. Народное Хоз. 1901 г. Іюнь.

рищество и князь А. И. Васильчиковъ въ своемъ докладѣ И. В. Экономическому Обществу въ 1873 г. Послѣдній, между прочимъ, указывая на неразвитость крестьянскаго населенія, приводитъ въ примѣръ товарищество изъ 188 человекъ, изъ которыхъ только двое были грамотны и ни одинъ не зналъ 4-хъ правилъ ариѳметики. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣло итти не могло.

Такимъ образомъ, практика сблизила первыя попытки организаціи народнаго кредита съ другимъ нѣмецкимъ движеніемъ, противопоставлявшимъ началамъ самопомощи—помощь государства и заставила признать непригодность для русской жизни Шульце-Деличевскихъ принциповъ самопомощи и самостоятельности, какъ исключительныхъ основъ подобныхъ товариществъ. Надо, впрочемъ, оговориться, что товарищества этого типа плохо развивались именно въ деревнѣ и оказались гораздо болѣе жизненнымъ учрежденіемъ въ городѣ, что, какъ извѣстно, наблюдалось и въ Германіи и вызвало тамъ къ жизни сельскія Райфэйзеловскія кассы.

Уже въ 1872 г. Государственному банку было дано разрѣшеніе открывать кредитъ ссудосберегательнымъ товариществамъ въ пятикратномъ размѣрѣ противъ ихъ паеваго капитала и тогда-же, пользуясь этимъ правомъ, государственный банкъ могъ-бы довести свои ссуды мелкимъ кредитнымъ учрежденіямъ до десятковъ милліоновъ рублей; кредитъ этотъ, однако, никогда не превышалъ 1.500 000 р., въ серединѣ-же 80-хъ годовъ онъ упалъ до 800 тыс. руб., а въ 1899 г. (по XXV-му отчету Комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ) равнялся всего 247 тыс. руб. Гораздо болѣе существенную помощь въ дѣлѣ организаціи мелкаго народнаго кредита оказали земства, первыми изъ которыхъ (въ 69 г.) откликнулись Новгородское губернское и Псковское уѣздное. Затѣмъ, послѣдовалъ рядъ съѣздовъ представителей ссудосберегательныхъ товариществъ въ Псковѣ— въ 1875 г., 79, 84, 94 и 96 г.г. въ Смоленскѣ—въ 1876 г., Москвѣ— 76 г. (2 съѣзда) и 98 г., Мелитополѣ (Таврич. губ.) въ 79 г. и Перми—1900 г.

Главная помощь земствъ выразилась, конечно, въ выдачѣ товариществамъ ссудъ. По сводной таблицѣ В. Н. Хяatroва, приложенной къ книгѣ П. А. Соколовскаго „Дѣятельность земствъ по устройству ссудосберегательныхъ товариществъ“, помощь эта выразилась слѣдующимъ образомъ:

Года.	Всего открыто товариществ.	Получило первоначальную сумму отъ займа.	Въ %.	Года.	Всего открыто товариществ.	Получило первоначальную сумму отъ займа.	Въ %.
1870	8	5	63	1879	36	7	19
1871	27	14	52	1880	70	23	33
1872	62	33	53	1881	60	11	18
1873	165	96	58	1882	56	14	25
1874	124	65	52	1883	38	9	24
1875	125	60	48	1884	24	2	8
1876	157	38	24	1885	16	2	13
1877	149	29	19	1886	22	1	4
1878	69	12	17	1887	18	1	6

Какъ видно изъ этой таблицы, учредительская дѣятельность земствъ начинаетъ падать съ 1878 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ и интересъ русскаго общества къ дѣлу организаціи народнаго кредита.

Что-же помѣшало развитію этихъ товариществъ и почему въ обществѣ исчезла вѣра въ это дѣло?

Одной изъ самыхъ важныхъ причинъ, мѣшавшихъ развитію дѣла, былъ, какъ уже указывалось выше, низкій уровень народнаго образованія, затѣмъ отсутствіе денегъ въ деревнѣ и, наконецъ, неспособность крестьянина коммерчески отнестись къ ссудѣ. По свидѣтельству многихъ земствъ, имѣя возможность занять деньги, крестьянинъ, у котораго такая масса неудовлетворенныхъ нуждъ, рѣдко удерживается отъ займа, а получивъ его и израсходовавъ незамѣтнымъ образомъ на хозяйство, онъ только влѣзаетъ въ долгъ, не получивъ на эти занятія деньги никакого прироста. Все это причины, конечно, неустраняемыя никакими уставами и никакою организаціей товариществъ.

Впрочемъ, послѣдняя причина,—это неумѣнье съ толкомъ воспользоваться ссудой, сказывается гораздо ярче не въ свободныхъ товариществахъ, а въ товариществахъ общественно-принудительнаго характера, въ составъ которыхъ включаются на основаніи мірскаго приговора всѣ домохозяева, приписанные къ данной волости или сельскому обществу, не сообразуясь съ ихъ желаніемъ пользоваться кредитомъ.

По словамъ Колупанова, общинный способъ распредѣленія занятыхъ суммъ „совершенно уничтожаетъ основную задачу кредита. По существующимъ обычаямъ, истекающимъ изъ самой сущности поземельной общины и потому непреложнымъ и не-

предотвратимымъ. крестьяне все полученное на волость или на общину дѣлятъ по-ровну*. *)

Понятно, что при такомъ дѣленіи, ссуды совсѣмъ не соразмѣрны съ потребностями и употребить ихъ съ, наибольшей возможной выгодой крестьянину, еще труднѣе, чѣмъ обыкновенно.

Но кромѣ этихъ причинъ, зависящихъ отъ всего склада жизни, есть и другія, прямо вытекающія изъ самаго устава и, слѣдовательно, устранимыя лучшей организаціей дѣла. Къ такимъ причинамъ относится прежде всего противообщинный характеръ обычныхъ ссудосберегательныхъ товариществъ. Не обладая недостаткомъ, присущимъ тѣмъ товариществамъ, которыя составлены по мірскимъ приговорамъ на общинныхъ началахъ—нивеллировкой кредита.—они впадаютъ въ противоположную крайность. Кредитомъ могутъ въ нихъ пользоваться не только не всѣ, но почти исключительно богатое меньшинство; бѣдняки въ эти товарищества не попадаютъ, богатымъ-же, само собой разумѣется, помощь или ненужна, или нужна гораздо меньше.

Тотъ фактъ, что товарищества не удовлетворяютъ потребности въ кредитѣ бѣдныхъ хозяевъ, удостовѣряется многими изъ земствъ: вологодскимъ, новоржевскимъ, воронежскимъ, казанскимъ, полтавскимъ, хотимскимъ и московскимъ уѣздными земствами.

Именно этотъ фактъ вызвалъ въ обществѣ агитацію сторонниковъ русской общины противъ всего движенія въ пользу ссудосберегательныхъ товариществъ. Но мало того, что ссудосберегательныя товарищества этого типа сносятъ своей поддержкой болѣе самостоятельныхъ элементовъ деревни—раздѣленію крестьянства, они еще увлекаютъ крестьянское хозяйство въ капиталистическій оборотъ, такъ какъ именно въ такихъ хозяйствахъ ссуды скорѣе оборачиваются и приносятъ болѣе доходъ, чѣмъ въ хозяйствахъ натуральномъ. А это, въ свою очередь, вызвало противодействие устройству товариществъ со стороны сторонниковъ русской общины.

Что мѣшало бѣднякамъ пользоваться ссудами этихъ товариществъ—это необходимость внесенія пая для участія въ товариществѣ. Такимъ образомъ, противообщинный характеръ этихъ кредитныхъ учреждений сводится къ одному изъ недостатковъ устава—необходимости паевого взноса.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы занять 20—30 руб., приходится имѣть 25-и рубл. пай; понятно, что бѣдняки или совсѣмъ не пользуются ссудами товариществъ или, занявъ подъ большіе проценты на день—два 25 р., дѣлаются пайщиками, но вмѣсто

*) Колыпановъ. „Практическое руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ“.

20-и имѣють 45 руб. долга и фиктивное сбереженіе въ 25 руб.

Съ другой стороны дивидендъ распредѣляется по паямъ и паи часто берутся не для полученія ссудъ, а для пользованія дивидендомъ, и капиталъ товарищества такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы служить бѣднѣйшей части населенія, эксплуатируется богатымъ меньшинствомъ.

Другой недостатокъ устава товариществъ—это краткосрочность ссудъ, на что уже давно указывалось въ литературѣ.

Слѣдовательно, кромѣ причинъ, обусловленныхъ самой жизнью, какъ недостатокъ элементарнаго образованія и развитія въ народѣ, отсутствіе денегъ въ деревнѣ (недостатокъ денегъ могъ бы быть выполненъ помощью государствен. банка и земства, но 1-й сдѣлалъ, какъ мы видѣли, въ этомъ отношеніи очень мало, а помощь послѣдняго упала вмѣстѣ съ исчезновеніемъ интереса къ дѣлу въ обществѣ и земствѣ), неумѣнье коммерчески воспользоваться ссудой,—есть еще и недостатки вполне устранимые постановкой дѣла. Это—обязательность паевого капитала и вытекающій отсюда протпвуобщинный характеръ товариществъ и во вторыхъ—краткосрочность ссудъ.

Именно эти-то недостатки организація и устраняются положеніемъ о кредитныхъ товариществахъ 1-го іюня 95-го г. Такъ, этимъ положеніемъ совершенно уничтожается паявой капиталъ, а срокъ ссуды продолженъ до 5 лѣтъ. Полученіе ссудъ обставлено, правда, новыми затрудненіями—личнымъ обязательствомъ или залогомъ недвижимаго имущества, но практика и раньше привела къ тому, что большинство товариществъ выдавало ссуды, сообразуясь съ кредитоспособностью своихъ членовъ. Положеніе 95-го года пытается даже бороться съ неумѣніемъ крестьянъ воспользоваться ссудой и 2-й пунктъ положенія гласитъ, что ссуды изъ товариществъ могутъ получаться лишь „для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей“; но надѣяться на хорошіе результаты административнаго предписанія въ этой области, конечно, трудно. Въ общемъ, про кредитныя товарищества по положенію 1895 г. надо сказать, что они гораздо болѣе приспособлены къ нуждамъ и особенностямъ сельскаго населенія, а по разнообразію допускаемыхъ имъ типовъ кредитныхъ учрежденій и по широкой постановкѣ разрѣшаемыхъ имъ операцій, оно можетъ равняться съ лучшими изъ законодательствъ этого рода въ Зап. Европѣ.

Поэтому особенно непростительно равнодушіе какъ земствъ, такъ и частной инициативы къ дѣлу развитія народнаго кредита, тѣмъ болѣе, что потребность мелкаго кредита сказывается на каждомъ шагѣ и начинается сознаваться и самими крестьянами. Такъ недавно (по сообщенію „Русск. Вѣд.“) кре-

стьяне Краснопольской волости, Шадринскаго уѣзда обращались въ губернскую управу съ ходатайствомъ объ учрежденіи у нихъ кредитнаго товарищества. Мотивомъ этого ходатайства выставлена необходимость пользоваться въ весеннее время ссудами у частныхъ лицъ изъ 10—20% за 3 мѣсяца, при чемъ теряется еще процентовъ 10 при возвратѣ ссуды не деньгами, а работой. Всякому извѣстно, однако, что эти займы обычное явленіе крестьянской жизни и совсѣмъ не составляютъ какой нибудь особенности Шадринскаго уѣзда. Никакое улучшеніе въ постановкѣ народнаго хозяйства невозможно безъ этого кредита, а между тѣмъ—въ дѣлѣ народнаго кредита не дѣлается ничего или почти ничего.

За послѣднее время замѣчается, правда, нѣкоторое оживленіе—съ іюля 1899 г. по сент. 1900 г. разрѣшено правительствомъ 93 ссудосберегательныхъ товариществъ, но изъ нихъ 47 приходится на Царство Польское и Сѣверо-Западный край; 14—на Кавказъ и 9 на Прибалтійскія губ., такъ что на коренную Россію приходится всего только—23 (XXV-й отчетъ комитета о сельскихъ ссудосбер. и промышленныхъ товариществахъ).

И что значать эти 23 лишніе кассы на всю центральную Россію, когда, напримѣръ, въ Германіи за послѣднее 5-тилѣтіе кредитныхъ учрежденій подобнаго типа возникало по 1000 и болѣе въ годъ и это въ то время, какъ тамъ уже имѣется около 10.000 народныхъ банковъ и сельскихъ ссудныхъ кассъ, тогда какъ въ Россіи всего 703 ссудосберегательныхъ и около 40 кредитныхъ товариществъ. Можно съ увѣренностью сказать, что частная инициатива сыграла большую роль въ дѣлѣ организаціи народнаго кредита въ Зап. Европѣ. Въ Германіи, Франціи, Италіи устроителями кредитныхъ учрежденій были большею частью люди самаго скромнаго общественнаго положенія—сельскіе учителя, священники, иногда ремесленники, крестьяне или чиновники. Единственной силой этихъ дѣятелей была сила убѣжденія и вѣра въ свое дѣло.

Между прочимъ, и въ Москвѣ на послѣднемъ съѣздѣ представителей ссудосберегательныхъ товариществъ однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ оказался писарь, мало отличавшійся и по образованію и по достатку отъ крестьянъ, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. Ему удалось устроить въ округѣ болѣе 10-и ссудосберегательныхъ товариществъ и всѣ они находятся въ прекрасномъ положеніи.

Еще одинъ доводъ въ пользу созданія подобнаго товарищества. Можно было бы избрать другой путь организаціи народнаго кредита, а именно: созданіе центрального кредитнаго учрежденія, которое имѣло-бы, конечно, и большія средства, и большую власть. Но въ этомъ направленіи уже имѣются весьма по-

учительные опыты В. Европы. Таковы—французский „Земледельческий кредит“ и бельгийская „Центральная касса“. Оба эти учреждения, потерпѣли полную неудачу. Первое погибло послѣ непродолжительнаго существованія, второе выродилось въ ссудное учрежденіе для крупныхъ землевладѣльцевъ. Причиной этихъ неудачъ была трудность какъ раздавать изъ центра ссуды земледѣльцамъ и кустарямъ, такъ и слѣдить за употребленіемъ этихъ ссудъ. Является потребность въ мѣстныхъ отдѣленіяхъ центральнаго учрежденія, но чиновники, конечно, никогда не замѣнятъ мѣстныхъ дѣятелей, знакомыхъ и съ жителями, и съ условіями мѣстной жизни. Бельгийская касса попробовала въ виду этого неудобства организовать учетныя конторы изъ мѣстныхъ лицъ. Послѣднія (т. е. лица) подъ личной имущественной отвѣтственностью должны были давать заключеніе о кредитоспособности просящихъ ссуды, но, въ большинствѣ случаевъ, не нашлось охотниковъ на такую отвѣтственную роль и изъ всѣхъ подобныхъ центральныхъ учреждений достигли успѣха только тѣ, которыя, какъ прусская касса, опирались на уже прочно сложившіеся и окрѣпшіе самостоятельные мелкіе банки или кассы. Это значеніе мелкихъ кредитныхъ учреждений особенно ярко выступаетъ при сравненіи организаціи народнаго кредита въ Германіи и во Франціи.

По закону 31 марта 1899 г. во Франціи былъ предназначенъ большой капиталъ для подобныхъ операций, а именно 40 милл. франк. Изъ банка окружныя кассы должны были выдавать ссуды черезъ мѣстныя кассы и, однако, за весь 1900 г. образовалось всего 9 окружныхъ кассъ, къ которымъ примкнуло 87 мѣстныхъ. Ссудъ было выдано за годъ на сумму—612.250 фр. Къ 15-му маю 1901 г. сумма ссудъ хотя и достигла уже 1.261.550 фр., но и эта цифра поразительно мала по сравненію съ операциями прусской центральной кассы, которая уже на второмъ году своей дѣятельности имѣла до 6 000 мѣстныхъ кассъ и оборота до 2.000 милліоновъ марокъ. Такая огромная разница въ дѣятельности одинаковыхъ по роду дѣла учреждений можетъ быть объяснена исключительно разницей ихъ организаціи—громаднымъ развитіемъ мѣстныхъ банковъ въ Германіи и ничтожнымъ количествомъ ихъ во Франціи. Отсюда ясно, что и для созданія крупныхъ учреждений народнаго кредита, необходимы мѣстныя кредитныя товарищества и, слѣдовательно, организаціи мелкаго народнаго кредита необходима не только для нуждъ настоящаго, но и какъ основа будущихъ болѣе грандіозныхъ учреждений на этомъ поприщѣ. Сомнѣваться же въ томъ, что въ настоящее время этотъ кредитъ необходимъ, трудно въ виду несомнѣннаго упадка крестьянскаго хозяйства. Хроническія голодовки, массовые уходы на заработки, всемъ извѣстное деревен-

ское кулачество и проч., и проч., все это указываетъ, на неотложную необходимость коренныхъ измѣненій и улучшеній крестьянскаго хозяйства, а между тѣмъ—никакія улучшенія невозможны безъ дешеваго кредита.

Слѣдовательно, работа по организаціи народнаго кредита необходима, а вмѣстѣ съ тѣмъ она вполне возможна при существующихъ условіяхъ.

М. З.

Изъ прошлой жизни города Енисейска.

(Замѣтки наъ записной книжки). *)

Переворотъ, совершающійся подъ вліяніемъ извѣстныхъ экономическихъ условій, одинаково приложимъ какъ къ частному человеку, такъ и къ цѣлому обществу и государству. Такую именно метаморфозу пережили и переживаетъ городъ Енисейскъ, сыгравшій въ исторіи Сибири видную и замѣтную роль, начиная съ 40 годовъ прошлаго столѣтія.

Несомнѣнно, что горожане его, а также и окружное населеніе видѣли лучшіе дни во времена сильнаго разгара золотопромышленности, когда городъ служилъ резиденціей богатыхъ золотопромышленниковъ, средоточіемъ присковскихъ рабочихъ, оживившихъ торговлю и вносившихъ въ жизнь веселое раздолье. Но нельзя отрицать и того факта, что въ обществѣ чувствовался матеріальный достатокъ и помимо золотопромышленнаго воздѣйствія, зато жилось тогда въ Енисейскѣ несравненно лучше, привольнѣе, дышалось легче,—было-ли послѣднее обстоятельство слѣдствіемъ упрощенной формы общежитія или благодаря особому складу характера тогдашняго населенія,—не могу сказать; но что жилось лучше — фактъ положительный. — Правда, образованіе въ то время стояло на низшей точкѣ развитія, но это былъ общій удѣлъ тогдашняго времени, когда и Россія-то еще только начинала пробуждаться отъ спячки и жить на европейскій ладъ; объ азіатской-же окраинѣ нашей нечего было и говорить: она была еще полна суевѣрій и предразсудковъ; право *Пестелей*, *Лоскутовыхъ* и *Трескиныхъ*, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, давало себя знать... Этимъ, однако, населеніе не смущалось, не смущалось оно и тѣмъ, что по уѣзду бродили настоящія шайки разбойниковъ,

*) Даемъ мѣсто этой статьѣ, какъ содержащей нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о бытѣ присковскихъ рабочихъ въ былое время.

наводившія на всѣхъ только, впрочемъ, временную панику своими до нельзя звѣрскими похождениями.

Многимъ старожиламъ Енисейской губерніи, вѣроятно, памятна шайка такихъ разбойниковъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго въ уголовной хроникѣ бандита Поликарпа Погорѣлова, заклеяннаго троекратнымъ побѣгомъ изъ каторги, *съмѣшано* (выражаясь на тюремномъ жаргонѣ) на эшафотъ и за стѣнами тюрьмы не одну сотню здоровыхъ плетей.

На видъ это былъ мужчина выше средняго роста, лѣтъ 35—40, съ темнорусыми волосами, худощавый, не производившій никакого особаго впечатлѣнія, со взглядомъ, не выражавшимъ ничего и смотрѣвшимъ на все какъ будто безучастно. Въ сущности это былъ отчаянный негодяй, магически повелѣвавшій цѣлой бандой бѣглокаторжниковъ и острожниковъ, при имени котораго по тѣлу бѣгали мурашки. Отличительной чертой его шайки было то, что въ ней принимали участіе нѣсколько женщинъ.—Днемъ онѣ ходили по обывательскимъ квартирамъ, высматривая расположеіе комнатъ, вывѣдывая о средствахъ жильцевъ и проникая къ нимъ подъ предлогомъ найма въ качествѣ нянекъ, стряпокъ и прачекъ. Вечеромъ-же онѣ подъ подолами одежды несли ломики, коловороты и другія орудія для совершенія преступленій; въ то-же время мужская половина шайки была вооружена кинжалами, ножами и револьверами.—Прежде чѣмъ шайка принималась за свою специальную работу, она, обыкновенно, часовъ въ девять вечера вваливалась въ какое-нибудь торговое заведеніе. преимущественно -- питейное, гдѣ, расположившись какъ у себя дома, требовала вина и закусокъ, за которыя послѣ Погорѣловъ расплачивался фальшивой ассигнаціей, предупреждая, что она фальшивая. Перепуганный сидѣлецъ давалъ и бралъ все бессознательно, лишь бы какъ нибудь отдѣлаться благополучно отъ страшныхъ гостей. Спустя нѣсколько часовъ по выходѣ шайки Погорѣлова изъ заведенія, гдѣ-нибудь въ городѣ обязательно раздавались крики: „карауль!“ „грабятъ!“ „ртжутъ!“—Это работала Погорѣловская причина, потѣшаясь раздѣвающимъ случайнаго пѣшехода...

Въ этихъ грабежахъ, впрочемъ, ничего не было удивительнаго. Наружная охрана города въ то блаженное время находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Полицейскій будочникъ, обходя днемъ свой околодокъ, только и занимался тѣмъ, что имѣвшуюся при немъ трехъсаженную палку переставлялъ отъ одного дома къ другому, что означало, что домовладѣльцу, къ дому котораго приставлена была палка, настала очередь караулить участокъ. Не желая оплачивать каждый разъ карауль, домовладѣлецъ высылалъ въ карауль болѣею частью дѣтей отъ 10 до 15 лѣтнаго возраста, рѣдко върослую прислугу и еще

рѣже выходилъ самъ по лѣности. Въ лунную ночь дѣти—караульные чѣмъ нибудь забавлялись, а въ темную прятались по задворкамъ.—Только около 70 годовъ эта импровизированная охрана была замѣнена денежною повиностью. Но къ тому-же времени исчезъ безслѣдно и Поликарнъ Погорѣловъ. Шайка-же его отчасти была переловлена, отчасти скрылась въ тайгѣ.

Сѣверная и южная тайга, въ нѣдрахъ которой копались нѣсколько тысячъ человѣкъ, добывая благородный металлъ для обогащенія нѣсколькихъ заѣзжихъ въ Сибирь авантюристовъ, представляла изъ себя нѣчто сказочное. Здѣсь на пространствахъ сотенъ тысячъ квадратныхъ верстъ, то среди густаго непроходимого лѣса, то между скалистыми горами, то въ котловинахъ, одиноко ютились золотые пріиска. Далѣе, въ сторонѣ горныхъ тропинокъ или на распутѣ таежныхъ дорогъ, также съ виду сиротливо, жались къ лѣсной чащѣ зимовья, служившія въ качествѣ попутныхъ станцій для ночлежныхъ остановокъ проѣзжающихъ на пріиска золотопромышленниковъ, служавшихъ чиновъ горнаго вѣдомства и возчиковъ, транспортировавшихъ кладъ на пріиска.—Въ этой глухой тайгѣ, при помощи зимовщиковъ и виѣ ихъ, совершались иногда возмутительныя кровавыя драмы, о которыхъ хотя знали многіе, но которыя проходили безслѣдно для авторовъ ихъ...

Но познакомимъ читателей съ жизнью пріисковыхъ рабочихъ того времени.

Осеннею порою на пріискахъ идетъ невообразимая сутолока. Прежде всего спѣшно оканчиваются расчеты съ рабочими, потомъ идетъ отправка въ резиденцію конюховъ, лошадей и разнаго упряжнаго инвентаря. Кто скорѣе рвется домой, кто плачетъ, разставаясь съ насиженными мѣстами, съ обманутыми надеждами; кто смѣется, радуясь удачѣ, а кто оставляетъ пріискъ просто по инерціи, въ силу стадности.

Пойдемъ за рабочими.

Со всѣхъ пріисковъ партія рабочихъ стекается или на лѣвой сторонѣ противъ городского перевоза, или на Стрѣлкѣ. Сотая часть ихъ озабоченно пробирается на родину—въ села и деревни дальнихъ уѣздовъ, куда приходятъ уже по зимней порошѣ, чтобы порадовать семью, закупить обновки, поправить хозяйство и ждать новой наемки. Масса напираетъ въ городъ Енисейскъ, чтобы погулять во всю ивановскую и вознаградить себя сторипей за тотъ каторжный трудъ, который приходилось переживать во время пріисковой операціи, работая тяжелымъ заступомъ въ разрѣзахъ, стоя по колѣно въ водѣ, не досыпая, питаясь всякой тухлятиной. За дѣйствительными рабочими въ хвостѣ плетется не мало „лодырей“, которые весь операціонный сезонъ или отлеживались въ больницѣ, или находились въ

бѣгахъ, не имѣя возможности отработать даже за пропитуемую и промотанную одежду, взятую изъ промысловыхъ амбаровъ, а также и взятые при наемкѣ крупныя задатки и разныя харчевыя заборы.—Эти трутни, болынею частью, вертятся около богатышскихъ прискателей, питаются ихъ подачками, а подъ часъ и собирая ихъ до чиста.

Чтобы сохранить деньги у рабочихъ,—существовалъ порядокъ пересылки заработанныхъ ими денегъ непосредственно въ подлежащія волостныя правленія, которыя были обязаны выдавать деньги только по приходѣ ихъ владѣльца въ волость, на мѣсто родины. Но на практикѣ это распоряженіе не приносило пользы рабочему. Бѣдный труженникъ получалъ свои кровныя денежки только послѣ усиленныхъ хлопотъ и хожденій и съ разными вычетами. Почему въ заключеніе всѣхъ этихъ мытарствъ отъ денегъ иногда оставались одни „рожки да ножки“. Къ счастью, мѣра эта примѣнялась слабо и, кажется, вскорѣ же была отмѣнена.

И такъ, партія рабочихъ переправляется на трехъ карбахъ и высаживается на берегъ, версты три выше Енисейска. Здѣсь ихъ ожидаетъ сильный нарядъ полиціи, который, выровнявъ всѣхъ рабочихъ въ фронтную линію, приступаетъ къ тщательному обыску съ цѣлю обнаруженія хищническаго золота и для удостовѣренія личности каждаго, согласно письменнымъ видамъ.

Между тѣмъ, какъ съ одной стороны совершается осмотръ рабочихъ, съ другой стороны, тутъ-же, происходитъ настоящее вавилонское столпотвореніе отъ шума и гама.—На широкой прогалинѣ, образовавшейся отъ значительнаго спада воды, толкается около 150—200 человѣкъ горожанъ съ лошадьми, телѣгами и барачными принадлежностями—Пока нѣтъ прискателей, жители занимаются кто варевомъ на кострѣ, кто поетъ пѣсни и играетъ на гармоникѣ, кто откалываетъ камаринскій, кто просто спитъ или лежитъ въ раскинутой палаткѣ или подъ опрокинутой телѣгой,—въ общемъ всѣ настроены весело и радужно.—Переполохъ поднимается, когда завидятся приближающіеся карбазы съ рабочими: съ поспѣшностью приготавливаются подводы съ сергунцами, палатки складываются, костры гасятся, пища бросается...

По мѣрѣ освобожденія партій отъ полицейскаго осмотра, рабочіе обступаютъ со всѣхъ сторонъ прибывшими обывателями, которые изо всѣхъ силъ стараются зазвать къ себѣ на квартиру рабочихъ.

— Къ намъ, ко мнѣ, голубчики!—У насъ, у меня-ли что не припасено для васъ: и жирныя щи съ говядиной, и каша съ масломъ, и жареное съ картошкой, и всего-то за полтину въ сутки!

— Эй, ребята! лучше ко мнѣ: у меня вамъ будетъ не жизнь, а масляница; — пища что ни на есть самая лучшая — пряженники, шаньги и даже пельмени въ новинку...

Третьи, въ особенности женская половина, запросто отнимаютъ котомки у рабочихъ, усаживаютъ ихъ въ телѣгу и везутъ къ себѣ на квартиру.

И такъ до наступенія сумерекъ, когда карбаза останавливаютъ перевозку до утра.

Рабочій, давно не отвѣдывавшій свѣжаго кусочка, при одномъ перечисленіи кушаньевъ, замираетъ отъ удовольствія, и радъ итти на харчи безъ разбора къ кому попало.

Въ городѣ настоящій венеціанскій карнавалъ. По улицамъ и въ особенности въ извѣстныхъ предмѣстьяхъ, въ чертѣ, гдѣ живутъ милья, но надшія созданія, то и дѣло пестрѣютъ бобровыя шапки, плисовые поддевки и шаровары, кунгурскіе сапоги и трехъяршинные гарусные шарфы, украшающіе прискаателей-рабочихъ. Рабочій гуляетъ во всю ивановскую, — во всю ширь русской природы, онъ кричитъ на-пропалую, пока не очнется отъ назойливыхъ приставаній квартирохозяина.

— „Пора, пора, дружище, — пристааетъ хозяинъ, видя, что рабочий остается только при своихъ злыдняхъ, что въ карманѣ — вошь на арканѣ, да блоха на цѣпи: — пора... Мнѣ бы ничего, да самъ видишь — семья, расходъ большой, а заработковъ совсѣмъ пѣтъ, хоть кошель надѣвай“.

Рабочій начинаетъ протирать глаза и удивленно осматривается кругомъ: на столѣ, залитомъ виномъ и красной наливкой, стоитъ бутылка съ отбитымъ горлышкомъ, кое-гдѣ валяются кусочки замоченнаго хлѣба, въ чайномъ блюдѣ объѣдки грибовъ или кислой капуста, далѣе — хвостъ отъ соленой рыбы и крошки луку; самъ онъ на полу около грязной котомки; ни новаго азяма, ни бобровой шапки, ни плисовыхъ шароваръ съ поддевкой и ничего такого, что напоминало бы ему атрибуты магазина съ присковымъ товаромъ, въ которыхъ онъ первые дни ухарски щеголялъ... Словомъ, ни денегъ, ни товара!..

Онъ силится припомнить и уяснить себѣ событія послѣднихъ дней, но ничего не выходитъ, а только черезъ хмельный туманъ чудится ему самая грандіозная кутерьма въ обществѣ удалой Машки Конюхъ, полуштофовъ, музыкантовъ, конфетъ и какого-то „лихомандрика“...

Пошарившись по карманамъ и не найдя тамъ искомаго, рабочий начинаетъ сердиться.

— Можетъ, и пора; да, вѣдь, у меня, почитай, ста три рублевъ было, неужто прогулялъ?!

— А какъ думаешь? Вѣстимо, прогулялъ: недѣли три съ компаніей, да съ извозчиками, попробуй-ка: колодезь и тотъ исчерпается. Вонъ у меня семья...

— Ну ты къ чертямъ съ семьей твоей поганой! Ограбили вы меня, подлецы,—вотъ что!

Запахло скандаломъ; но противники чувствовали необходимость идти на взаимные компромиссы. Съ одной стороны—квартирохозяинъ, заработавъ отъ рабочаго нѣсколько десятковъ рублей на винѣ, закускахъ и прислугѣ не хуже всякой гостиницы, вовсе не желалъ прибѣгать къ содѣйствию полиціи, рискуя потерять эти заработки; рабочій же зналъ по опыту, что послѣдствія, во всякомъ случаѣ, будутъ не въ его пользу.

Замѣтивъ переизмѣну въ поведеніи рабочаго, квартирохозяинъ начинаетъ смѣхомъ поддѣзжать на турусахъ, приглашая рабочаго опохмелиться и закусить икоркой; но прискаатель весь ушелъ въ себя. Обшаривъ котомку и найдя въ ней чайную деревянную китайскую чашечку, деревянную ложку, черный съ сальнымъ нагаромъ желѣзный котелокъ и топоръ, усложивается. Собравъ всѣ свои пожитки, прискаатель незамѣтно проскальзываетъ задними ходами въ огородъ и въ густомъ высококомъ репейникѣ принимается за выемку топорница пзъ топора, что удается не безъ труда. Топорище, затѣмъ, осторожно раскалывается и изъ его искусно сдѣланной пустоты высыпается золотинокъ 20—30 золота, т. е. *находка 60—90 руб. чистотомомъ*. Опять живъ, Иваха! Въ головѣ опять начинается колобродить Машка Копюхъ, лихомандрикъ съ полуштофами и мордобитіе...

— „Нѣтъ, шабашъ! полуштофъ, другой—и до дому: пора и честь знать; а то не ровень часъ: останешься безъ рубашки, а тамъ—къ кому пойдешь, кому скажешь,—Храмушка далеко живетъ!“ При послѣднихъ словахъ, рабочій даже не безъ искренней горечи вздыхаетъ.

Храмушка, о которой рабочій внезапно вспомнилъ и, искренно пожалѣвъ, вздохнулъ, дѣйствительно пользовалась большой популярностью среди присковыхъ рабочихъ. Имя Храмушки сдѣлалось повсюду нарицательнымъ и вошло въ поговорку: „къ кому пойдешь, кому скажешь, —Храмушка далеко живетъ“. Въ былое время Храмушка (была такая благодѣтельная женщина), обладая значительными денежными средствами, употребляла ихъ почти всѣ на нужды рабочихъ: заболѣеть-ли рабочій, арестованъ-ли, задолженъ-ли въ контору, нечѣмъ-ли дойти до города или мѣста жительства, нужна-ли ему иная помощь или заступничество,—вездѣ сказывалось материнское соболѣзнованіе, щедрая рука, вѣское и вліятельное слово Храмушки. Рабочіе, въ свою очередь, не оставались въ долгу. Какъ только рабочій мало, мало заработалъ,—сейчасъ же несеть долгъ Храмушкѣ, да еще прикинетъ рублей пять лишнихъ, безъ всякаго письменнаго обязательства и напоминанія со стороны Храмушки.

.

Съ теченіемъ времени въ золотопромышленномъ мірѣ произошли рѣзкія перемѣны: Асташевы, Григоровы, Безобразовы, Хотимскіе, Голубковы, Соловьевы и проч. развѣхались жуировать по столицамъ и на ихъ мѣсто появились мелкіе предприниматели изъ бывшихъ конюховъ, спиртоносовъ и другихъ лицъ, неизвѣстныхъ и темныхъ происхожденій—съ нажимомъ, прижимомъ и выжимомъ. Традиціонный рабочій стараго закала разбрелся по роднымъ угламъ доживать вѣкъ на полатяхъ, а вмѣсто него появились пріисекители другаго склада и какъ бы въ противовѣсъ нажиму, прижиму и выжиму—обладали не столько принадлежаніемъ къ работѣ, сколько *норовитостью* и *смалкой*. При такомъ измѣнчивомъ направленіи Храмуникѣ нечего было дѣлать, и силою обстоятельствъ она была выброшена за бортъ въ бездну нужды и горя, обманутая и обнищавая. На Савостьяновскомъ енисейскомъ кладбищѣ неизвѣстно даже гдѣ прикорнулись ея старыя кости, потому что и могила-то ея затерялась безъ имени, отчества и фамиліи...

Въ концѣ зимы или весной шла оживленная наемка на пріисека рабочихъ. Панимали ихъ въ Томской, Тобольской и Нижегородской губерніяхъ: задатки давали хорошіе—отъ 50 до 100 руб.; рабочіе пьянствовали съ сельчанами, деревенскими бабами и ребятишками, дрались еще больше, пока ихъ съ помощью десятскихъ и сотскихъ не собирали въ кучу, клали въ розвальни и отправляли въ путь. Партія рабочихъ, нанятая на сѣверные пріисека, обязательно слѣдовала чрезъ Енисейскъ, гдѣ для нихъ дѣлалась дневка и платилось на постоянныхъ дворахъ за каждаго рабочаго на хозяйскихъ харчахъ 50 коп. въ сутки, что давало содержателямъ дворовъ значительную наживу... Кромѣ этихъ содержателей, наживались еще сидѣльцы питейныхъ заведеній, потому что прохожденіе весенней партіи ни чуть не походило на осеннюю. Тутъ народъ былъ все голый, чалый и драный. Пока ихъ доводили до станка, они двадцать разъ успѣвали пропивать бродни, сапоги, шубы и рукавицы. Въ городѣ они творили страшныя безобразія, а мѣстами—настоящій погромъ. Особенно дурную славу въ этомъ отношеніи имѣли нижегородцы, тоболяки, а изъ томскихъ—уртамцы (Уртамской волости), а также жители Кольонской и Богородской волостей. Послѣ ухода ихъ въ нѣсколькихъ домахъ оставалась разбитая посуда, поломанные столы и стулья, побитыя фізіономіи и обнаруживалось много кражъ...

Во время управленія Восточною Сибирью генераль-губернатора Синельникова и этого прохожденія рабочихъ не стало...

А. О. Тонконоговъ.

Душа.

(Фантастическая новелла).

День гаснулъ...

Дрожаніе лучи солнца постепенно тонули въ надвигавшихся сумеркахъ и замирали одинъ за другимъ. Съ пространства повѣяло прохладою; насыщенный теплотою воздухъ начиналъ свѣжѣть и мириады звѣздъ, пронизывая своимъ блѣднымъ свѣтомъ поднявшійся съ земли прозрачный туманъ, бросали тусклый свѣтъ на вселенную.

Онѣ мерцали и гасли, какъ и человѣческія жизни.

Въ это время по міру бродила душа. Осторожно касаясь земли, она двигалась медленно и сама съ собою разговаривала. Легкій вѣтерокъ, обвѣвая ей лицо, скользилъ по ея одѣянію и, шевеля его, уносился въ обширную, безконечную даль.

— Стой!—вдругъ услышала она сзади чей-то голосъ.

Душа вздрогнула, обернулась и широко раскрыла глаза.

Передъ ней стоялъ высокій свѣдой, немного сторбленный странникъ. Вѣтхая одежда на немъ, мѣстами разорванная, едва прикрывала его грязное тѣло, черезъ плечо свѣшивалась холщевая сумка, наполненная чѣмъ-то, а въ рукахъ была толстая кривая палка.

Но, не смотря на это, отъ него вѣяло бодростью и свѣжестью.

— Что вамъ нужно?—измѣривъ его глазами, спросила душа.

— Ты я вижу блуждаешь, пойдемъ вмѣстѣ я укажу тебѣ дорогу,—хриплымъ глухимъ голосомъ отвѣтилъ странникъ.

— Миѣ, дорогу?—удивилась душа. Миѣ некуда итти.

Странникъ вскинулъ головою и сдвинулъ брови.

— Это почему? Кто ты?—недоумѣвая, поспѣшно спросить онъ.

Душа улыбнулась и снова измѣрила его глазами.

— Я все, понимаешь, я все!—сказала она потомъ, видя его удивленіе.

Странникъ молчалъ.

Сильный порывъ вѣтра, внезапно пронесшійся, вздулъ на нихъ одѣянія и прервалъ ихъ бесѣду. Когда-же все стихло, душа, подойдя ближе къ страннику, положила свою руку на его плечо и мягко проговорила:

— Да, я все! Я должна управлять всѣмъ міромъ, но меня изгнали.

— О, ты говоришь вздоръ!—громко перебили ее странникъ и добавивъ—скажи: кто-же ты?

— Я?.. я душа!—не сводя съ него глазъ, отвѣтила она.

Странникъ мгновенно присѣлъ и, ухватившись рукою за голову, громко расхохотался. Но сейчасъ же спохватился, сморщить лобъ и на минуту задумался.

— Объясни, я старъ, я рѣшительно ничего не понимаю!— сказала онъ, обратившись къ душѣ.

— Изволь.

Они отошли въ сторону и сѣли на камень.

— Было время, начала душа, когда я царствовала. Это было давно, это было въ тѣ времена, когда... ну, словомъ, давно. Но время шло, мѣръ старѣлъ, поколѣнья смѣнялись поколѣзьями, отжившее замѣнялось новымъ, нарождались новыя вѣянія, формировались другія идеи и многое многое...

Душа остановилась, перевела дыханье и продолжала:

— Я, все-таки, царствовала, но царство мое на моихъ-же глазахъ распадалось, разрушалось и подгнивало. Бездна интересовъ, какъ искры, окружили людей и, тѣсня ихъ, вызывали на борьбу, борьбу упорную, такъ какъ многие измѣнили мнѣ. Вѣрные мнѣ— боролись съ невѣрными.. Я ободряла первыхъ, укоряла вторыхъ, но ничего не помогло. Настало другое время... Часъ мой пробить. Ко мнѣ явились люди, связали меня, сказали; „ты намъ не нужна“ и заложили.

— Кому?— встревожился странникъ.

— Чорту.

Странникъ вздрогнулъ и нѣсколько отодвинулся назадъ...

Затѣмъ, они встали и пошли...

Звѣзды ярче блистали въ голубой дали. Тѣни широко расползлись и ночь тихая, ясная ночь окутывала мѣръ.

— Ты не удивляйся, — продолжала рассказывать на-ходу свою исторію душа Чортъ взялъ меня, отдалъ имъ лицемѣріе и обманъ и отпустилъ со словами: „проваливай, ты мнѣ тоже не нужна“. И я ушла... Но куда мнѣ итти?

— Куда итти? — переспросилъ странникъ и остановился.

Старческое лицо его омрачилось печалью. Перебирая костлявыми пальцами складки морщинъ на лбу, онъ, видимо, соображалъ и обдумывалъ совѣтъ. Душа стояла неподвижно.

— Нѣтъ, я ничего не могу сказать, — послѣ нѣкоторой паузы, разставляя руки, съ горечью сказалъ онъ.

Съ этими словами странникъ подхватилъ свою собесѣдницу за руку и увлекая ее впередъ, прошепталъ:

— Пойдемъ

Душа повиновалась.

Долго они шли молча, погруженные каждый въ свои мысли, унылые и печальные. Время отъ времени вѣтеръ заставлялъ ихъ останавливаться, тогда они только переглядывались и снова продолжали путь. Равнодушная, безмятежная природа своею див-

ною красюю безконечно разстилалась передъ ними и, казалось, ободряла ихъ. Когда они спустились съ высокой горы, ихъ встрѣтила тѣнь.

— Путникамъ почтеніе!—сказала она и подошла къ нимъ. Странникъ взглянулъ на нее, нахмурилъ брови и проговорилъ.

— Скажи мнѣ, можешь-ли пріютить душу?

Тѣнь выпрямилась, стиснувъ губы.

— Говори,—повторилъ странникъ.

— Что за вопросъ, зачѣмъ она мнѣ!—процѣдила тѣнь. Развѣ, продолжала она, ты не знаешь, что теперь все переоцѣнено. Мірѣ превратился въ торгъ, въ немъ все должно имѣть цѣнность. Душа-же не имѣетъ цѣнности, она мѣшаетъ лгать, лицемерить, мѣнять шкуру, торговать совѣстью, черное превращать въ бѣлое, перелицовывать честь, сдирать кожу и многое другое. Ты понимаешь?

— Да.

— Такъ знай-же, что она только тяготитъ людей. И потому ее изгнали.

Сказавъ это, тѣнь расширилась и разоилась въ воздухѣ. Въ это время поднялась страшная буря и сильный потокъ вихри, подхвативъ душу и странника, унесъ ихъ испуганныхъ далеко въ пространство. Но вдругъ, мгновенно все стихло, они спустились на землю и очутились среди людей.

Здѣсь былъ весь міръ.

Море головъ волновалось, толкалось, тѣснилось и адній шумъ стоялъ въ воздухѣ. Душа, поднявъ руку къверху, воскликнула.

— Господа, я къ вамъ!

Люди испуганно переглянулись и съ ужасными воплями: ай душа! бросились во все стороны. Произошло величайшее смятеніе. Казалось, не только люди, но и земля дрожала...

— Гони ее!—неистово кричалъ Мамона.

Рѣзкій голосъ его былъ слышенъ всеѣмъ.

И безчисленное множество лицемѣровъ съ дикою яростью набросились на душу. Воздухъ дрожалъ, земля стонала и падъ всеѣмъ этимъ стоялъ невѣроятный гулъ..

Вскорѣ однако ужасное смятеніе прекратилось. Мамона радостно ободрялъ людей, а странникъ искалъ душу...

Но, увы, не нашелъ ее.

Она, обиженная, оскорбленная, исчезла. И странникъ вновь отправился искать ее по міру.

Найдетъ-ли?

Похороны крестьянина.

Тусклыми огнями
Сельскій храмъ горитъ;
Въ воздухѣ печально
Колоколь звучитъ.

* *

Кто-то громко плачетъ —
И жалобно поютъ:
Ребятишекъ-сиротъ
За руки ведутъ.

* *

Нашъ бѣднякъ печальный
Свой окончилъ путь,
И въ гробу сосновомъ
Можетъ отдохнуть.

* *

Долго пронадеялся
Горе-мужечокъ
Силой напорвался, —
Вытерпѣть не смогъ.

* *

Осталась Матрена
Съ кучею ребятъ...
Тутъ и поразмысли.
Гдѣ найти-бы кладъ?

* *

Старшему-то сыну
Лишь восьмой годокъ.
То-ли не помощникъ
Матери сынокъ!

* *

Но ребенокъ этотъ
Впрямь большимъ глядитъ:
Годъ уже подходитъ,
Какъ онъ боронитъ.

* *

Хлѣбецъ есть не даромъ
Крошка-мужичекъ:
Знаетъ у родимой
Онъ шестой ротокъ.

* *

Самъ Господь помощникъ
Горькой сиротѣ; —
Люди-жъ не помогутъ
Матери въ бѣдѣ!

Е. Круглихина.

ВЪ БЫЛЫЕ ДНИ.

(Сцены изъ сибирской жизни въ 3-хъ картинахъ. — Окончаніе,
см. кн. 9 и 10 тск. года).

Картина 3-я.

Богато меблированная комната. Налѣво диванъ, столъ, коверъ, кресла,—у задней стѣны стулья: направо большое стѣнное зеркало.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Леночка (при поднятіи занавѣса сидитъ съ книжкой въ рукахъ на диванѣ, передъ ней на столѣ тетрадка). Занятная книжка! Счастливица, право, эта Липочка! У нея все есть: и лошади, и прислуга, и книги. Она—какую хочетъ—такую книгу и выпишетъ. Ей все можно. А у насъ? Попробуйка-ка о чемъ нибудь попросить,—такъ воркотни не оберешься... На что тебѣ, да на что... (Копируетъ мать)... „Дѣвушка должна читать только божественное, а свѣтское ни-ни-ни. До добра эти свѣтскія книги никогда не доведутъ!.. Отъ нихъ умъ за разумъ зайти можетъ!“ (Шорывисто вставая). Ну, и дѣлали-бы такъ, держали бы подъ замкомъ, чтобъ ничего, кромѣ божественнаго, въ руки не попадало... Такъ и на это у нихъ ума не хватаетъ,—а тутъ вотъ мучаешься... Попадется книжка, разбудитъ, расшевелитъ тебя, захочется что-нибудь хорошее начать,—а тебѣ ушатъ холодной воды вмѣсто привѣта... (Подходить къ окну). Вишь какой и не кланяется, отвернулся... Ну да это къ лучшему—свататься не придется больше... (Подумавъ). А, вѣдь, выйти замужъ за маіора—можно совѣмъ самостоятельной быть... Можно тогда, что хочешь дѣлать.. Фу, какую, однако, я глупость придумала... Изломать, исковеркать жизнь, жить для того, чтобъ быть самостоятельной, да развѣ тогда также думать и чувствовать будешь,—нѣтъ, никогда!.. (Беретъ тетрадку). Однако, что же я дѣло бросила... Надо заучить эту глупѣишую, непонятную миѣ рѣчь и подсказывать ее папашѣ.—суфлеромъ на его праздники быть... (Ходитъ и учить) „Благодарю и приемлю, и не мало глаголю“... (Входятъ Троегубовъ и Лукерья).

ЯВЛЕНИЕ 2.

Леночка, Троегубовъ и Лукерья (входятъ вмѣстѣ).

Троегубовъ (съ пирогами въ рукахъ). И никогда ты этого не смѣй у меня дѣлать,—слышишь.. Чтобъ я не слыхалъ никогда объ этомъ...

Лукерья. Да, вѣдь, бѣдный,—ихъ на кухню-то сотни шлеяются,—иной разъ откажешь, иной, коли надоѣдать стануть,—ну и подашь...

Троегубовъ. Свое и подавай, а мое—не смѣй... Развѣ ты мнѣ добро наживала, а?

Лукерья. Извѣстно не я... Да, вѣдь, пирогу-то этому грошъ цѣна...

Троегубовъ. (Горячась). Тому грошъ, этому грошъ,—вотъ тебѣ и 2 гроша.. А тысяча человекъ тысяча грошей... Ну ка сочти, дура, сколько это выйдетъ, а?

Лукерья. Чего мнѣ считать,—не мое добро-то...

Троегубовъ. Ну, вотъ то-то-же и есть... Не твое—такъ и не смѣй трогать... Стунай, положи въ селышцу. (Отдастъ Лукерьѣ пирога, она уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 3.

Троегубовъ и Леночка.

Троегубовъ. Вотъ дура—то!.. Да они меня по міру пустиять!

Леночка. Что такое, папаша?

Троегубовъ. Да какъ-же... Иду сейчасъ по двору, подхожу къ кухнѣ, а оттуда пищій—здоровенный такой мужичина—выползаеть... Видно, высмотрѣть—гдѣ плохо лежитъ—приходить.. А въ рукахъ у него пирогъ. Я его и цапъ! Да вотъ Лушкку и распекъ. Не смѣй хозяйскимъ добромъ распоряжаться...

Леночка. Ну—стояло вамъ, папаша, изъ какого-нибудь пирога исторію затѣвать..

Троегубовъ. Какъ не стояло?.. Да, вѣдь, эго мое добро-то.. Сегодня пироги полетятъ, а тамъ—подъ шумокъ—и поцѣпнѣе что вынесуть... Нѣтъ-съ, пока я живъ,—этого не дозволю. (Идетъ къ зеркалу, раскрываетъ коробку и достаетъ оттуда знакъ городского головы). Вотъ она. не велика штука, а 75 рубльиковъ стоитъ, да и то по случаю... Вездѣ денежки плывуть, вездѣ. Теперь, куда ни повернись, всякому чорту подай да подай. (Надѣваетъ знакъ),

Леночка. (Садится). А зачѣмъ вамъ, папаша, хочется всего этого?

Троегубовъ. Какъ зачѣмъ?.. А вотъ зачѣмъ... (запнулся). Первое дѣло.. Все могу поворотить по своему... На Савку—давно на него зубы грызу—налогъ набавляю... Второе—у Соломошки мѣсто отберу, лавку снести заставлю... Будетъ, поплутовать, — надо и честь знать... Потомъ, знаешь, для своей торговли пользительно будетъ.. Ты, вѣдь, ничего не понимаешь, а то и не спрашивала-бы... Вошь тотъ-то голова—возлѣ всѣхъ присутст-

венныхъ мѣсть кабаки заводиль,—и ничего, никто ни одного слова, потому голова,—вотъ и я также буду...

Леночка. Вы, папаша, какъ будете головой, школы начните строить, пріюты для дѣтей... Объ васъ въ газетахъ писать будутъ и вы прославитесь на весь міръ...

Троегубовъ. (Тронуть, мечтательно). Да, это необходимая статья... Школы, прісты... Да что школы—я церковь трехъ-этажную выстрою,—вотъ что...

Леночка. Церковь—это само собой, папаша,—но намъ школы тоже необходимы...

Троегубовъ. И школы, и церкви—все это магоментально сострипаю. (Пауза).

Леночка. (Наивно). А правда, папаша, что головы всегда на вороныхъ ѣздить должны?

Троегубовъ. Какой это осель сказалъ?

Леночка. Да вы сами на дняхъ мамашѣ говорили: есть, говорили, слухъ, что я нынче прокачусь на вороныхъ...

Троегубовъ. Тыфу! какія ты глупости говоришь... Да, вѣдь, это критика одна,—мораль наводятъ... На вороныхъ проѣхаль—значить, не выбрали...

Леночка. Значить, это худо, а я думала—хорошо.

Троегубовъ. Ну, чего ужъ тутъ хорошаго, одинъ конфузъ. (Кладетъ въ коробку знакъ, садится). А ну-ка давай, подолбимъ эту самую рѣчь... Ты мнѣ, ежели что запинаться стану, такъ подскажи, поближе возлѣ меня будь ужоткомъ... А то памяти-то у меня ни на волосъ... Магоментально все забуду... Эхъ, кабы молодость,—вотъ въ тѣ поры сварганили-бы... То есть я тебѣ скажу, Леночка, ужасная у меня была память... Ежели кто гривну, либо пятакъ не додасть,—такъ, повѣришь-ли, черезъ 10 лѣтъ признаю, да на улицѣ остановлю,—подай! Теперь не то...

Леночка. (Беретъ тетрадку, раскрываетъ ее). Ну, такъ снова, что-ли?

Троегубовъ. Давай снова...

Леночка. (Читаетъ). „Благодарю и пріемлю, и не мало глаголю“...

Троегубовъ. (Перебивая). Пстой, пстой, не трещи... Ну-ка сызнава...

Леночка. „Благодарю“...

Троегубовъ. Бла—адарю...

Леночка. „И пріемлю“.

Троегубовъ. Благодарю и пріемлю... Ну, какого тамъ еще рожна говорить-то надо? Не помню, что-то...

Леночка. „И не мало глаголю“...

Троегубовъ. Ну, ладно: „и не мало глаголю“... Пстой! а что это означаетъ, растолкуй ка ты мнѣ, ты, вѣдь, у меня ученая...

Леночка. Да я тутъ что-то и сама ничего не пойму?

Троегубовъ. Ну хоть маленько-то понимаешь...

Леночка. (Подумавъ). Благодарю—это благодарю и есть...

Троегубовъ. Да мнѣ за что ихъ благодарить-то? Они будутъ у меня пить—ѣсть, а я ихъ-же и благодарю... Это не порядокъ!

Леночка. Нѣтъ, панаша, вы будете благодарить гостей за избраніе васъ въ городскіе головы,—вотъ за что.

Троегубовъ. Ага, теперь понялъ... Ну дальше.

Леночка. Пріемлю—значитъ принимаю...

Троегубовъ. Конечно, принимаю, не отказываться-же стать, когда такую уйму денегъ въ эти выборы просадилъ...

Леночка. „И ни мало глаголю“... (Задумалась). Глаголю-говорю, а вотъ зачѣмъ тутъ „ни мало“—этого я никакъ не пойму...

Троегубовъ. Ну—это я самъ пойму... Не мало глаголю, значитъ, поменьше говорить надо.. Такъ оно городскому головѣ и слѣдоватъ.. Языкомъ болтай, значитъ, поменьше, а дѣла дѣлай побольше. (Вздыхнувъ). Умный человекъ нашъ батюшка... Вотъ проповѣди у него еще лучше... Слушаешь, слушаешь—аж одурь возьметъ, а раскусить—ни Боже мой.. Потому сказано: не мечите бисера свиньямъ, онъ и не мечетъ.. (Зѣвнувъ). Вотъ и я не стану бисера метать,—на что онъ свиньямъ..

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣже и Пискаревъ (со шпагой).

Пискаревъ. (Входя). Ну-съ, вотъ и я, Данило Кузьмичъ... По всему городу то есть выбѣгаль... Фу, усталъ даже. (Подаетъ шпагу, здоровается) Получите-съ... (Вытираетъ лицо платкомъ, садится).

Троегубовъ. (Любуясь шпагой). Спасибо, спасибо, Николай Николаевичъ, угодилъ ты мнѣ. Въ долгу у тебя не останемся. Да какая славная сабля-то... Вишь и балаболка прицѣплена, и орель... Все какъ слѣдоватъ...

Леночка. (Разочарованно). А я думала вы, панаша, настоящую саблю, какъ у маюра и у исправника, будете носить...

Пискаревъ. У нихъ шанки, Елена Даниловна, а у насъ, у гражданскихъ, шпаги...

Леночка. А какъ-же тотъ городской голова не шпагу, а саблю носить... Я его на перевозѣ сама видѣла съ саблей...

Пискаревъ. Это онъ такъ, въ поле шанку бралъ, въ родѣ какъ замѣсто топора, а то ему шанку носить не полагалось...

Леночка. И вы, Николай Николаевичъ, можете шпагу надѣть?

Пискаревъ. (Нерѣшительно). Вотъ получу мѣсто помощника бухгалтера—и шпага будетъ, а теперь.. м-м-м.. безъ темляка могу-съ..

Леночка. А скоро вы это мѣсто получите..

Пискаревъ. А вотъ умереть Адамъ Осипычъ, и я получу..

Леночка. (Оживленно). Ахъ, надѣньте, Николай Николаевичъ, когданибудь шпагу хоть безъ темляка—и пойдемъ гулять.. (Всело смѣется). Вотъ маіоръ съ кикиморой взбѣсятся-то..

Троегубовъ. (Важно). Да и прохоровскія дѣвки магоментально съ ума сойдуть.. Потому у тебя кавалеръ со шпагой, а у нихъ все приказчики. (Глядя на Пискарева). Спасибо, Николай Николаевичъ, спасибо.. Я тебя не забуду.. Веди себя только хорошенько, а казначей-то ужъ мнѣ обѣщать, что ты къ новому году помощникомъ булгактера будешь.. Адамъ-то Осипычъ къ тому времени окачурится, онъ и теперь еле-еле дышитъ въ тѣлѣ..

Пискаревъ. (Обрадованный). Неужели? И вамъ казначей обѣщать, а онъ не забудетъ?

Троегубовъ. Ну, какъ-же онъ забудетъ,—вѣдь, я городскимъ головой буду..

Леночка. Ну, нѣтъ, коли обѣщаль, такъ это дѣло выгорить. Я теперь Липочкѣ покоя не дамъ.. Ужъ я ее упрощу, чтобъ вамъ мѣсто дали..

Пискаревъ. (Расцвѣлъ). Благодарю васъ, Елена Даниловна, такъ я вамъ благодаренъ, что и высказать не могу..

Троегубовъ. Ну—объ этомъ опосля. (Вставая) Дѣла-то у меня сегодня хоть отбавляй.. Я, Леночка, пойду пока мундиръ примѣрять, а какъ одѣнусь совсѣмъ—ты ко мнѣ приходи—мы эту рѣчь и еще продолбимъ.. Я мало—мало и теперь уже въ нее викиъ,—вчера, вѣдь, до 12 часовъ ночи ты меня пилила, да третьяго дня сколько. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 5.

Пискаревъ и Леночка.

Леночка. Ну-съ, вы все изволили сдѣлать, что вамъ было приказано?

Пискаревъ. Рэли сдать въ переписку, рамы для декораций заказалъ, а рисовать будетъ Шилкинъ.. Тутъ сосланный одинъ..

Леночка. А на почтѣ были?.. Справлялись—нѣтъ-ли посылки на мое имя?..

Пискаревъ. Нѣтъ, не получена еще.. Это фонарь-то ждете?..

Леночка. Какая досада.. Въ воскресенье Софья Петровна читаетъ „Полтавскую битву“, а иллюстрацій нѣтъ.. Досада какая, а все вы..

Пискаревъ. Да я-то причемъ?..

Леночка. Я хотѣла телеграфомъ выписать, а вы почтой..

Пискаревъ. Почтой вѣрнѣе, да и дешевле.. Но позвольте мнѣ сказать вамъ хоть одно слово не объ этихъ дѣлахъ..

Леночка. Успѣется... А вы съ какой это стати мнѣ нынче при кикиморѣ руку такъ сдавили, что я чуть не вскрикнула, а?

Пискаревъ. Отъ полноты чувствъ—какъ пьяный сдѣлался...

Леночка. (Передразнивая). Какъ пьяный сдѣлался... Вотъ ужь кислятина-то,—чуть что и размякъ, расчувствовался... Чтoby у меня этого въ другой разъ не было... Слышите?!

Пискаревъ. Ну, полноте, я хочу дѣло говорить...

Леночка. У васъ все дѣло... Ну-съ, говорите только скорѣе... Мнѣ некогда, суфлировать папашѣ надо... (Садится).

Пискаревъ. (Таинственно) Маіоръ вашему папашѣ письмом прислать, дерзкое, грубое... О васъ говоритъ гадко...

Леночка. (Спокойно). Папаша меня знаетъ. Мнѣ это не интересно... Что дальше?

Пискаревъ. Нѣтъ, вы погодите... Жалуется на Степана Данилыча, просить его примѣрно наказать...

Леночка. (Нетерпѣливо). Вы все только эту ерунду говорить будете, и больше ничего?..

Пискаревъ. Да нѣтъ-же... Погодите... Дайте ужь досказать... Ну-съ, я былъ у вашего папаша въ кабинетѣ... О шнагъ и о мундирѣ говорили... Онъ ко мнѣ былъ очень добръ и очень ласковъ...

Леночка. Подмазываться стали, поздравляю...

Пискаревъ. И вовсе не подмазывался я... Погодите... Ну-съ, сидимъ,—сидимъ мы,—вдругъ Данило Кузьмичъ и даетъ мнѣ маіорово письмо. На, говоритъ, прочти... Леночкѣ, говорить, нельзя дать.. потому, можетъ, пакость какая—вѣдь, маіоръ-то ой--ой... такую антимонію разведеть, что со стыда сгорѣть можно... Ну—я прочиталь... Дерзкое письмишко... Пишетъ, что видѣль, какъ я васъ обнималь...

Леночка. (Испуганно). Не можетъ этого быть... (Гнѣвно) Какая гадость, какая низость... Вѣдь, это же ложь...

Пискаревъ. Я все объяснилъ, какъ было... Сказали, что тутъ былъ Степанъ Данилычъ...

Леночка. (Наклоняется къ столу). Какой скверный человекъ.. Теперь анонимными письмами насъ завалять.. Боже мой!.. и зачѣмъ это все здѣсь такъ гадко, грязно..

Пискаревъ. (Беретъ Леночку за руку). Не печальтесь... Я сумѣль росписать этого маіора какъ слѣдуетъ... Папаша вашъ поддепомъ его выругать...

Леночка. А потомъ?

Пискаревъ. Потомъ--вотъ въ этомъ-то и дѣло... Потомъ вашъ папаша говорить: только бы мнѣ, говорить, головой быть, а ужь я этого маіора дойму—съ казенной квартиры выдворю, потому что домъ городу принадлежить... Осердился на него сильно вашъ родитель.. Ему, говорить, не Леночкину красоту

нужно было, а то, что у нея отенъ городской голова, чтобъ разныя поставки повыгоднѣе дѣлать... А затѣмъ вашъ батюшка сильно опечалился...

Леночка. Съ чего же это?

Пискаревъ. Значить, есть съ чего... Послѣ и говорить... Бываетъ говорить, что и корабли ломаются... А вдругъ, говорить, меня на воронныхъ прокатятъ... Тогда иди, мирись съ маіоромъ, потому что онъ важная птица и всякаго простого купчишку прижать можетъ... Только я, говорить, Леночку, ему не отдамъ... Ну я обрадовался, а онъ это замѣтилъ и говорить: съ казначействомъ у меня дѣлъ всегда много.. Получишь, говорить, мѣсто помощника бухгалтера—приходи и сватай Леночку,—бери ее...

Леночка. (Вскакивая). Бери, точно я шпага какая... Это даже обидно... Вы, г. Пискаревъ, совсѣмъ забываться стали...

Пискаревъ. (Смущенъ). Но, вѣдь, я думаль...

Леночка. Все вы ерунду думаете, ни одного путнаго слова не придумали. Въ головѣ чушь, а онъ свататься хочеть...

Пискаревъ. Но что же вы сердитесь-то?

Леночка. И онъ еще спрашиваетъ! Да вы развѣ знаете, что я пойду за васъ замужъ... Кто это вамъ сказалъ?..

Пискаревъ. Но, вѣдь, вы говорили, что любите меня...

Леночка. Мало-ли, что я говорила... Можетъ быть, я пошутила... А онъ ужъ и радъ, расчувствовался...

Пискаревъ. (Отходить въ сторону, ищетъ фуражку, грустить).

Леночка. (Украдкой поглядывая на него). Вы что это ищите-то?

Пискаревъ. (Разсѣянно). Такъ-съ, что ужъ мнѣ тутъ искать!.. (Беретъ фуражку).

Леночка. (Подходя къ нему, отнимаетъ фуражку). И не выдумывайте! скоро гости съ выборовъ прїѣдутъ, а онъ удираеть... Развѣ это хорошо? А еще чиновникъ, шпагу скоро надѣнетъ... Съ маіоромъ на дуэли драться хотѣлъ..

Пискаревъ. Не смѣйтесь ужъ... И такъ у меня сердце болить...

Леночка. (Шутливо). По комъ?

Пискаревъ. Ни по комъ... Прощайте!

Леночка. (Беретъ его за руку и сажаетъ къ столу). Вотъ такъ, а я вотъ сюда. (Садится). Ну-ка, сказывайте, по комъ у васъ сердце-то заболѣло?

Пискаревъ. (Грустно). Мнѣ не до шутокъ-съ...

Леночка. (Ему въ тонъ). Стрѣлится буду.. (Вдругъ заглядываетъ ему въ глаза). Эхъ, вы Егорій храбрый... раскисъ, расчувствовался... Положите фуражку-то...

Пискаревъ. (Сердито). Чтожь вы изводите-то меня...

Леночка. А... а, дерзости... Ну—хорошо.. Извольте сейчас же идти домой, да не забудьте, что завтра у насъ первая репетиция... Мы выходимъ въ первомъ дѣйствии.

Пискаревъ. (Въ отчаяннiи). Да бросьте вы, ради Бога, все эти шуточки... Не до нихъ мнѣ...

Леночка. (Серьезно). Не брошу, пока вы со своими чувствами приставать будете... не люблю я этого... По моему—любвишь, такъ и молчи себѣ...

Пискаревъ. А вы меня любите?

Леночка. (Разводя руками наивно). Я, вѣдь, и молчу? (Взглядываютъ другъ на друга и весело смѣются. Пискаревъ швыряетъ фуражку).

(Входитъ Липочка и Казначей).

ЯВЛЕНИЕ 6.

Тѣже, Липочка (разодѣта), Казначей и Сквалыгина.

Липочка. (Ведя подъ руку и усаживая Казначей). Вотъ гдѣ весело-то! сейчасъ видно, что молодые люди собрались... Здравствуй, Леночка, здравствуйте, Николай Николаичъ. (Казначей здоровается молча, садится, беретъ со стола книгу и все время читаетъ ее, машинально перелистывая).

Сквалыгина. (Цѣлуя Леночку). Солнышко мое красное... Нишь, какъ щечки-то у тебя разгорѣлись. (Ехидно, озираясь). И съ чего-бы это? кажись, печи не шибко топлены, а на дворѣ вода въ кадочкахъ сегодня застыла...

Казначей. Да, да, да... Теперь ужъ скоро все переимѣнится... Барометръ то и дѣло падаетъ, да и въ календарѣ значится...

Сквалыг. Да ужъ и время. Не до новаго года цветы лазоревы цвѣсти будутъ, пора имъ и завинуть. (Разсматриванъ комнату) Какъ у васъ хорошо тутъ, да просторно-то... Вотъ житье-то, умирать не надо... И какъ все наладили живо, къ одному торжеству и въ головы выбираютъ, и новоселье... А мамаша здорова-ли?

Леночка. Ничего, она тамъ, все въ кухнѣ возится...

Сквалыг. Всегда тамъ возится... Тамъ и здоровье все свое ухлонала. (Съла). Охъ, тяжелая ей жиять выпала, тяжелая...

Липочка. И совѣмъ нисколько не тяжелая... Что развѣ она не можетъ экономку нанять? Конечно, можетъ... А такъ вотъ, хотеть и хлопочеть...

Сквалыг. Денежки мужнины бережетъ... Въ старинку-то все такъ: мужъ наживаетъ, а жена зажимаетъ...

Липочка. И совѣмъ этого ненужно...

Сквалыг. Да, по нонѣшнему, конечно, не нужно; нонче вонъ все на вонъ таранты пошло... Раньше дѣти родителей замѣняли и въ кухнѣ и вездѣ...

Липочка. Ну, если вы на Леночку намекаете, то я съ вами не согласна. Не можетъ-же Леночка въ кухнѣ сидѣть..

Сквалыг. А что за важность... Коли за бла—ароднаго замужь-не выйдеть, такъ и въ кухнѣ насидится. А бла—ародные-то нонче все блаародныхъ берутъ, антилегенцію. Кунечество-то тоже не всякое за бла—ародныхъ съѣдетъ..

Леночка. Ну, понла писать губернія.. Анна Панкратовна, что это вы злитесь-то? Право, смѣшно даже..

Пискаревъ. И въ самомъ дѣлѣ, чего это вы злитесь-то; точно маіоръ на васъ жениться думаетъ.

Сквалыг. (Вскипѣла). Что-о?.. Что вы мнѣ маіора-то поддергиваете... Онъ бла—ародный человѣкъ... не кому иному чета... Захотѣла-бы—такъ и посватался-бы. (Всѣ смѣются) И нечего тутъ смѣяться... Старики-же берутъ себѣ молодыхъ, никто надъ ними не смѣется, а мы съ маіоромъ, какъ вы не смѣитесь, извѣстно, подъ парю...

Пискаревъ. (Вполголоса). Оба сизогривые. (Громко). Я, Анна Панкратовна, съ удовольствіемъ шаферомъ у васъ буду, съ удовольствіемъ..

Сквалыг. Ладно, подтрунивай, подтрунивай, я, вѣдь, хопъ и не шибко обидчива, да все казначею пожаловаться сумѣю..

Липочка. Вы лучше мнѣ на него пожалуйте, а я ужъ его примѣрно накажу..

Пискаревъ. Отъ васъ всякое наказаніе снесу съ удовольствіемъ (кланяется).

Липочка. Ишь ты какой любезникъ, а я и не знала... Леночка—напой-ка ты меня чайкомъ, смерть пить хочется..

Леночка. (Идя къ дверямъ). Сейчасъ, сейчасъ..

Сквалыг. (Вѣря ее подъ руку). И я съ вами, и я..

Липочка. (Вставая и отстраняя Сквалыгину). Пѣтъ, Анна Панкратовна, вы здѣсь кавалеровъ займите, а мы съ Леночкой хозяйничать поидемъ. (Береть Леночку подъ руку). У меня къ тебѣ дѣло есть, секретное дѣло..

Леночка. А я тебя объ одномъ молодомъ человѣкѣ притной наружности попросить хочу. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Казначей, Сквалыгина и Пискаревъ.

Сквалыг. А вы чтожь это, молодой человѣкъ, не сядете.. Вырости, что-ли хотите..

Пискаревъ. Да, вырости хочу, но еще больше хочу, чтобы вы обо мнѣ не заботились (кланяется). Будьте при мѣстѣ..

Сквалыг. Не плюй въ колодезь—пригодится водницы напиться..

Пискаревъ. (Кланяясь). Ну уже извините, послѣ маіора пить не буду...

Сквалыг. Ахъ, Боже мой, какое несчастье.. Да маіоръ-то о васъ и думать забылъ.. невидаль какая.. Въ прошлое воскресенье другую глядѣть вѣздили.. вдова—красивая такая и молодая.. Маіоръ-то вечеръ для нея дѣлалъ.. Всю ночь горнисты въ саду марши играли, да пѣсенниковъ приводилъ...

Пискаревъ. Вотъ и прекрасно. (Казначей). Осмѣлюсь, Казиміръ Антонычъ, спросить васъ.. не обезпокою...

Казначей. (Отрываясь отъ книги). Нѣтъ, что скажете?..

Пискаревъ. Адамъ Осиповичъ скоро выздоровѣютъ?..

Казначей. Не выздоровѣтъ...

Пискаревъ. Значить, помрутъ-съ?..

Казначей. Помрутъ...

Пискаревъ. Только поди не скоро?

Казначей. Къ новому году...

Пискаревъ. А ежели не помрутъ?.. можетъ, поправиться могутъ?

Казначей. Не могутъ...

Пискаревъ. А хорошаго доктора пригласить?..

Казначей. Не могутъ...

Пискаревъ. А на вольный воздухъ поѣхать?

Казначей. Не могутъ и баста. (Опять беретъ книгу).

Сквалыг. Вотъ попугай-то, прости меня Господи...

Пискаревъ (Сквалыгиной). А возлѣ этого попугая и вы кормитесь, и правительство пользу имѣтъ. (Входитъ Степанъ).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣже и Степанъ (разодѣтъ).

Степанъ. А, вотъ, вы гдѣ собрались. (Здоровается). Чего же вы въ залу-то не идете... Тамъ ужъ народъ собрался... Батюшка пріѣхалъ съ матушкой... стряпчій,—много... Того гляди и съ выборовъ прикатыть...

Пискаревъ. Чего мнѣ тамъ дѣлать, я въ карты не играю, вино пить не люблю...

Степанъ. А вы бы такъ проились.. Гости-то больно занятные.. Все вотъ вродѣ этихъ самыхъ. (Показываетъ на Сквалыгину и Казначей).

Сквалыг. Что-жъ вы во мнѣ занятнаго-то нашли?

Степанъ. Да все... Чего хочешь—того просишь... Гдѣ это вы наколку-то такую сногшибательную добыли.. Вызвонили, поди, не иначе...

Сквалыг. Вызвонили? Какъ это такъ вызвонили... Что я нищая, что-ли? Фу, какой неучъ!

Казначей. (Вдругъ). А гдѣ мои ключи. (Безпокойно вертится).

Пискаревъ. Ключи, вѣроятно, у вашей супруги... хотите я къ ней схожу и принесу...

Казначей. Да, да, да... Ключи должны быть у меня.. Безъ нихъ я какъ безъ рукъ... Принесите, да се-то сюда зовите.. Чего она тамъ запропастилась...

Степанъ. (Тихо Пискареву). Вотъ-бы у него эти ключи ахнуть?

Пискаревъ. На что?

Степанъ. Чудакъ-рыбакъ, а еще чиновникъ! (Громко). Идите ужъ, коли Богъ убилъ. (Пискаревъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 9.

Тѣже, безъ Пискарева.

Степанъ. (Повертывается на одной ножкѣ). .Лихо мы вчера. Анна Панкратовна, время провели...

Сквалыг. Не рассказывайте, ужъ знаю..

Степанъ. Кто же вамъ это указалъ-то?

Сквалыг. Весь городъ говорить...

Степанъ. Полно звонить-то... Никто не знаетъ... Тамъ, кромѣ меня, да Сереги Киричева, никого и не было... А я трезвѣ его былъ...

Сквалыг. Оно и видать.. А зачѣмъ къ помощнику исправника затесался?

Степанъ. Кто я? Не можетъ быть!

Сквалыг. Затесался, а тебя въ шею.. Не помнишь?

Степанъ. Хошь зарѣжь.. Матушка, Анна Панкратовна, пойдемте въ столовую, расскажите мнѣ какъ дѣло было, а то вѣдь бѣда... Надо заранѣе все замазать, а мнѣ сегодня время нѣтъ,—молодцевъ поить велѣно,—цѣлый сарай для нихъ отвели, сегодня во всю гуляемъ.. Пойдемъ, расскажи... (Идутъ въ среднюю дверь, оттуда входитъ Исправникъ).

ЯВЛЕНИЕ 10.

Тѣже и Исправникъ (съ портфелемъ).

Исправникъ. (Здороваясь). Здравствуйте.. (Степану). Идите, Степанъ Данилычъ, и позовите папашу.. Скажите: дѣло у меня къ нему экстренное... (Степанъ и Сквалыгина уходятъ). А, здравствуйте, Казимиръ Антонычъ, какъ поживаете?

Казначей. Да вотъ ключи потерялъ... Бѣда коли не найдется... Подъ судъ еще упекутъ...

Исправникъ. Э, полноте... Ключи у вашей супруги, она всегда ихъ въ боковомъ карманѣ носитъ...

Казначей. А вы почему знаете...

Исправникъ. Мы—полиція, мы все знаемъ... Къ тому и приставлены. Теперь случись—пропади у васъ ключи,—мы сейчасъ къ вашей супругѣ съ обыскомъ, и пойдемъ...

Казначей. Да! Это очень хорошо... очень... (Углубляется въ книгу. Исправникъ идетъ налѣво авансены, вынимаетъ изъ портфеля дѣло).

Исправникъ. (Про себя). Дѣло у этого мерзавца Ахметджани едва выручилъ.. Бестія — шельмецъ... Я, говоритъ, продалъ ему и сжегъ другое дѣло, а это, подлинное, на всякій случай оставилъ.. Каковъ мерзавецъ!.. Каковъ мерзавецъ!.. Хотѣлъ, значить, постепенно Данилу Кузьмича доить... Но нѣтъ, шалишь... Мы и сами подонть то сумѣемъ.. Теперь ужъ я съ Данилки не 600 рубликовъ, а полторы тысячи сгрѣю... Сто рублей этому Ахмедкѣ на голые зубы, а тутъ—остальные на всякій случай поберегу... Липочкѣ на спектакль четвертную подпишу, — пусть подобрѣе будетъ.. Ну, Данила, ты сѣрѣ, а я, пріятель, сѣдъ... За 600—1½ тысячи отвалишь,—и меньше ни гроша. (Входитъ Троегубовъ, взволнованный).

ЯВЛЕНИЕ 11.

Троегубовъ, Казначей, и Исправникъ.

Троегубовъ (быстро подходя къ Исправнику.) Что случилось,—прокатили, что-ли, говори скорѣе...

Исправникъ Нѣтъ, не прокатили... выбрали...

Троегубовъ. (Облегченно вздохнувъ) Слава тебѣ, Создателю.. ты посиди тутъ, а я магоментально пойду, форму надѣну.. Я живо все на себя насдѣваю...

Испр. (Удерживая Троегубова.) Погоди... Все дѣло можетъ погибнуть, если ты сейчасъ заартачишься...

Троег. (Упавшимъ голосомъ.) Что еще, доконай ужъ, не мучь!..

Испр. Не доканать я тебя пришелъ. Данило Кузьмичъ, а спасти... (Подаетъ ему дѣло.) На, смотри, что это такое...

Троег. (Разбирая по складамъ.) Дѣ-ло... по обвиненію купца Троегубова въ убійствѣ... (Вздрогнулъ, выронилъ дѣло. Исправникъ поднялъ его.) Такъ, значить, тотъ армяшка мнѣ фальшивое дѣло продалъ... (Въ изнеможении опустился на стулъ).

Исправникъ. Не понимаю, чего ты волнуешься... Ну да, Ахметджани тебя надулъ, продалъ тебѣ простыя бумаги, а теперь это настоящее дѣло хочетъ пустить въ ходъ...

Троег. Погибъ!.. За что-же, за что-же.. Или я вамъ всѣмъ, подлецамъ, денегъ мало нереплатилъ... Такъ возьмите, все возь-

мите... нищимъ сдѣлайте,—но поскорѣе, не мучьте меня, Господи съ вами...

Исправникъ. (Тряхнувъ головой.) Ты совсѣмъ понимать разучился, Данило Кузмичъ... Какъ въ головы попалъ, совсѣмъ у тебя ума не стало... Сообрази ты, что это передъ тобой...

Троег. Вижу, дѣло, мое дѣло..

Исправн. Такъ и бери его...

Троег. (Приходя въ себя) Такъ ты, что-ли, вырвалъ его у этого армяшки, такъ мнѣ теперь его сжечь можно...

Исправн. Ну, конечно, бери и жги... (Троег. схватываетъ дѣло и хочетъ бѣжать.) Нѣтъ, погоди минуту... Ахметжани не даромъ мнѣ его отдалъ, нѣтъ!... Я обѣщаль ему за него 1½ тысячи...

Троег. Такъ тебѣ съ меня эти 1½ тысячи получить хочется... говори скорѣе... Душа сгорѣла...

Исправн. Да, и получить сейчасъ-же...

Троег. (Поспѣшно.) Постой тутъ (Подбѣгаетъ къ лѣвой двери) Эй, Николай, Николай Николаичъ, иди скорѣе сюда. (Пискаревъ останавливается на порогѣ) Нѣтъ, нѣтъ, сюда иди, сюда! (Тащитъ его за руку.) Вотъ смотри это дѣло, хорошенько смотри... есть-ли тутъ печати, подписи, все осмотри и, если ты ошибешься (на ухо Пискареву), не видать тебѣ моей Леночки... (Пискаревъ, удивленный, рассматриваетъ внимательно дѣло.)

Исправникъ. (Тихо.) На что ты свидѣтеля-то привелъ, не вышло бы чего..

Троег. (Желчно.) Нѣтъ, будетъ вамъ меня сосать, будетъ... Ужъ теперь фальшивое за настоящее не приму... Дочь свою родную вотъ этому писарю отдамъ, а ужъ больше вы меня не проведете... Давно бы мнѣ противъ васъ—вашего-же брата чиновника выставить надо... (Подходить къ Пискареву, смотреть въ дѣло.) Ну, что настоящія бумаги, да?

Пискаревъ. Все какъ слѣдуетъ... пронумеровано, припечатано и прошнуровано... Бумаги всѣ настоящія съ подписями и за надлежащими помѣтками... (Закрываетъ дѣло.)

Троег. (Схватывая дѣло) А о чемъ это дѣло—пусть ни одна душа въ мірѣ не знаетъ, иначе все расхвыряю, всѣхъ выгоню, нищимъ буду... Понялъ? иди! (Пискаревъ, наклонивъ голову, уходитъ налѣво.) На, исправникъ, на тебѣ не 1½ тысячи па тебѣ 1500 рублей и не поминай меня лихою... (Отдаетъ ему деньги и, пряча дѣло, уходитъ быстрой походкой на лѣво-же.)

ЯВЛЕНІЕ 12.

Исправникъ и Казначей.

Исправникъ. (Прячетъ деньги.) Фу, умаялся я съ нимъ совсѣмъ. (Садится) Скоро-ли это выпивка у нихъ будетъ; (Смотритъ на часы.) Выбора кончаются... (Встаетъ, подходит къ

Казначеем.) А мало, чортъ восьми, я взялъ съ него... Продешевилъ.. Ну, да, и то сказать: съ лихой собаки хоть шерсти клокъ. (Садится.) А мы тутъ съ Данилой Кузьмичемъ планы разсматривали... Постройку новую заводить хочеть, такъ на утверждение въ губернію посылали... Теперь получено... Все утвердили... Казначей. Да-а, утвердили.. это очень, очень хорошо... (Входятъ Липочка, Леночка и Сквалыгина).

ЯВЛЕНІЕ 13.

Исправникъ, Казначей, Липочка, Леночка и Сквалыгина.

Исправникъ. (Выходя имъ навстрѣчу, здоровается.) Олимпиада Петровна, Елена Даниловна, Анна Понкратовна!

Сквалыг. Поди, умаялись.. Я видѣла, ваши кони все время возлѣ управы стояли, почитай съ самаго утра. (Всѣ усѣлись.)

Исправникъ. Измаялся... и не говорите...

Сквалыг. Наши гласные хоть кого изведутъ...

Исправн. Исторія, я вамъ доложу! Я съ ними чуть голову не потерялъ... Видали вы стадо барановъ, вотъ они самые и баллотировали.. Тутъ камнемъ будь—и то лоннешь.. Шумъ, гамъ, гвалтъ, своя своихъ не познаша.. Ренсковые велѣлъ запереть,—не тутъ-то было... Съ собой принесли и давай угощаться... Да еще хорошо, слава Богу, что не дрались, безъ этого обошлось... Нѣтъ, кабы не Данилу Кузьмича въ головы провести надо было, ни за что бы самъ не присутствовалъ, помощника бы послалъ.. (Мѣняя тонъ.) А что у нихъ все тамъ готово?

Сквалыг. Какъ-же, какъ-же, мундиръ надѣваетъ, а Фекла Ивановна сейчасъ только изъ кухни къ себѣ прошла... Цельмени стряпали... умаялась, бѣдная...

Исправн. А я, знаете-ли, къ маіору сейчасъ заѣзжалъ,—звалъ его, такъ и слышать не хочеть.. Ужь больно разгнѣвался онъ на Степана Данилыча.. Нога, говоритъ, моя у нихъ не будетъ...

Сквалыг. Ничего,—можетъ, и обомнется,—вѣдь, они, эти военные, сердиты, да отходчивы..

Липочка. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Ты, Леночка, не принимай его... онъ такой страшный... Я такъ и думала тогда, что маіоръ сейчасъ-же на пикникъ солдатъ приведетъ и на барабанъ Степана Данилыча въ солдаты забрѣеть.. Онъ такой страшный... (Входятъ гласные.)

ЯВЛЕНІЕ 14.

Тѣже и гости.

Исправн. Проходите, господа, проходите, присаживайтесь. (Гости понемногу усаживаются на стульяхъ вдоль задней стѣны.)

Данила Кузьмичъ сейчасъ явится... Онъ тамъ съ батюшкой постройку осматривать ходили... (Подходя къ гостямъ ближе.) Вы, господа, станете вотъ тутъ (показываетъ направо), голова выйдетъ отсюда (показываетъ налево.) Вы его и поздравьте... Это не мое, а ваше дѣло.. Вотъ вы, Егоръ Федоровичъ, и поздравьте... отъ лица всѣхъ, вообще... вы, вѣдь, у насъ извѣстный ораторъ...

Егоръ Федоровичъ. (Застѣнчиво.) Каки мы ораторы... такъ, мало-мало...

Испр. А все про свои дѣлишки поорать-то не прочь... (Сѣлъ) Въ думѣ-то кто больше васъ ораторствуетъ..

Егоръ Федоровичъ. Это, дѣйствиительно, а только все у насъ какъ-то здря выходитъ... Мы то толкуемъ про попа, а управа все про Ерему ладить... Такъ, канитель одна...

Исправн. Однако, вамъ лавки недавно выстроили...

Егоръ Федоровичъ. Почему не такъ-съ... За свое удовольствие мы всегда похлопочемъ... Лавка намъ каждому нужна, а постройте ее—средствъ, достатковъ нѣту... да застрахуйте ее, да то да другое... А построили на счетъ города—вотъ намъ и лафа...

Исправникъ. (Сквалыгиной.) Ну-ка, Анна Панкратовна, сослужите намъ службу вѣрную, сходите за Данилой Кузьмичемъ, зовите его сюда... Скажите, гласные, молъ съ поздравкой пришли, дожидаются... (Сквалыгина уходитъ налево.) У меня ужъ въ горлѣ пересохло... (Липочкѣ.) А я вашу кухарку на три дня въ катажку засадила...

Типочка. (Леночкѣ.) Да, представь себѣ, Леночка, Аксинья-то у меня совѣмъ отъ рукъ отбилась.. Грубить, нынче все печенье въ уголь сожгла,—вотъ я ее въ полицію и справадила.

Исправникъ. Если хотите, я ее и еще на три дня засажу...

Липочка. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно... Вѣдь, я безъ нея—какъ безъ рукъ... Вѣдь, Аксинья единственная порядочная кухарка во всемъ городѣ... Я ей очень, очень дорожу...

Леночка. И тебѣ не жаль, что Аксинья въ полицію?

Липочка. Кто что посѣялъ, то и пожни... Это къ нея же пользѣ...

Леночка. Ну, нѣтъ, я со своей кухаркой, никогда-бы такъ не поступила... Тамъ такъ гадко... тамъ и поколотить могутъ..

Исправникъ. (Обиженно.) Позвольте, Елена Даниловна... Въ моей полиціи этого никогда не бываетъ..

Леночка. Рассказывайте: конечно, при васъ, можетъ быть, и не поколотятъ, а, вѣдь, вы тамъ не всегда...

Исправникъ. И безъ меня не поколотятъ, клянусь честью...

Леночка. Напрасно клянетесь.. А давно-ли нашего приказчика изъ полиціи въ больницу отправили.. Едва отводились...

Исправникъ. Вольно-же ему было головой о телѣгу биться.. Никто не виновать.. (Въ это время вбѣгаетъ Степанъ, схватываетъ знакъ городского головы и, побрякивая имъ, быстро скрывается налѣво.) Вы вотъ спросите-ка Степана Данилыча, онъ наши порядки больно хорошо изучилъ...

Липочка. (Досадливо.) Фу, какъ это невѣжливо съ вашей стороны, Михаилъ Григорьевичъ... я этого отъ васъ не ожидала...

Исправникъ. Извините... (Раздраженно) Я терпѣть не могу, когда мою полицію трогаютъ... Простите, но въ подобныхъ случаяхъ я никому не спущу... Пока я здѣсь, я этого не могу допускать...

Липочка. Чего-жь вы сердитесь-то, здѣсь все свои люди, и не этакія, поди, исторіи про вашу полицію слыхали..

Исправникъ. Вы этого не поймете-съ... Честь мундира... Я сегодня, изволите-ли видѣть, какъ чортъ утомился и мнѣ всѣ эти разговоры одно огорченіе... (Входятъ Троегубовъ, Ѳекла Ивановна, Сквалыгина и Пискаревъ. Всѣ встаютъ. Взаимно раскланиваются.)

ЯВЛЕНИЕ 15.

Троегубовъ и Ѳекла Ивановна (стоятъ рядомъ), Леночка (сзади Троегуובה), Пискаревъ (дальше у дверей); Сквалыгина (подходить къ Казначею и Липочкѣ (они стоятъ), Исправникъ справа; гости группируются.

Егоръ Федоровичъ. (Откашлялся) Имѣемъ честь поздравить васъ, достопочтеннѣйшій Данило Кузьмичъ, съ избраніемъ въ городскіе головы... Желаемъ вамъ отъ всей души всего лучшаго, много лѣтъ здравствовать, а городу нашему процвѣтанія во славу Божію, рости умственно и физически. (Гласные кланяются. Троегубовъ, Ѳекла Ивановна и Сквалыгина тоже) Просимъ покорнѣйше не отказать... всѣ мы, вообще... (опять кланяются)

Троег. (Въ волненіи.) Благодарю васъ, господа... гмъ... благодарю, можно сказать, отъ души... обрадованъ несказанно... (откашливается.)

Леночка. (Шепчетъ ему незамѣтно.) Благодарю и приѣмлю. .

Троег. Благодарю и приѣмлю (Леночка опять шепчетъ) и не мало глаголю... (гласные вздыхаютъ.) Городское хозяйство нашего богоспасаемаго града (Исправникъ смотритъ на часы) находится, такъ сказать, въ первомъ стадѣ (Леночка шепчетъ), такъ сказать, въ первомъ стадѣ первобытнаго своего состоянія и развитія (Въ этотъ моментъ раздается учащенный звонъ ко-

локола и слышенъ гуль голосовъ. Всѣ въ смятеніи брасаются къ окну, говорятъ одновременно.)

{ Казначей. Ахъ, Боже мой... Пожаръ!.. Ключи! ключи!..
 { Липочка. Гдѣ? не близко-ли, намъ домой надо...
 { Сквалыг. Батюшки, не на моей-ли квартирѣ... пойти узнать (Выскальзываетъ.)

Исправникъ. (Отходя отъ окна) Не беспокойтесь, господа, это не пожаръ. Это дворникъ Данилы Кузьмича звать въ колоколь, которымъ рабочихъ связываютъ на обѣдъ... Успокойтесь...

Троег. Что это значить?... Въ такую минуту...

Липочка. Ахъ, Боже, мой, какіе здѣсь дикари!.. Мой Казиміръ чуть сознанія не лишился. (Наклонилась къ Казначею, который безсильно опустился на диванъ: махаетъ въ лицо ему платкомъ.) Вѣдь, онъ скоростижно умереть можетъ...

Фекла Ивановна. (На стулѣ.) Ой, батюшки... ровно у меня въ нутрѣ-то оборвалось что... Ой-ой! (Охаеть.)

ЯВЛЕНИЕ 16.

Тѣже и Сквалыгина (быстро входя)

Сквалыгина. (Впопыхахъ.) Успокойтесь, успокойтесь, господа... Все это Степанъ Данилычъ выдумаль... Собралъ приказчиковъ, перепоялъ ихъ, приказалъ себя качать и колокольный звонъ этотъ устроилъ... (Всѣ хохочутъ).. Я, говорить, тоже теперь шишка, качай меня, ребята... (Звонъ усиливается.)

Исправникъ. (Весело.) Господа, что-же мы то зѣваемъ... Эхъ вы, дали себя предупредить... Качать Данилу Кузьмича...

Леночка. (Быстро.) Да, вѣдь, онъ рѣчь еще не кончилъ...

Исправникъ. Ну, какія тамъ еще рѣчи... Выбрали и слава Богу.. Качай его, ребята... (Гласные съ Исправникомъ во главѣ подхватываютъ Троегубова и качаютъ его при общихъ крикахъ „ура“!)

Картина: Гласные и Исправникъ качаютъ Троегубова; Фекла Ивановна полулежитъ на стулѣ; возлѣ нея хлопочетъ Сквалыгина; Липочка отмахиваетъ Казначею платкомъ; Пискаревъ тихо говоритъ съ Леночкой.

(ЗАНАВѢСЬ).

Сибирякъ.

Въ прошлой, 10-й, книжкѣ „Сибирскаго Наблюдателя“, въ сценахъ „Въ былые дни“, сдѣланъ крупный пропускъ на стр. 78. Послѣ словъ Исправника: „*Аметжами разыскать надо.. Я знаю—дѣло у него*“,—слѣдуютъ далѣе слова Исправника-же: „Отобрать и тогда не 600, а тысячу съ Данилки сдеру. Умиѣе впередъ будетъ, выучу, какъ порядочныхъ людей обманывать. (Любуется Липочкой. Подбодрился. Крутить усы). Хороша, чортъ ее побери. И такая кралочка досталась такой размазѣ, фу! глаза—какъ небо голубое.. сама—бѣлая, румяная, да развѣ ей такую жизнь вести надо.. Гмъ! (дѣлаетъ шагъ впередъ) Ко мнѣ она очень благосклонна. У меня всей полиціи наказано—всевозможное содѣйствіе ей оказывать.. (Пауза) Фу, какъ сильно бьется сердце.. Не надо было коньякъ съ водкой мѣшать.. Послѣ водки ничего не надо пить, а то такая композиція поидетъ, что три дня какъ обалдѣлый ходишь.. Фу! (дѣлаетъ еще шагъ впередъ, слегка пошатывается) Не вытерплю. Разъ въ жизни—и больше никогда. Фу! (шагнувъ) не услышать. Одинъ только разъ—и больше ни-ни-ни! (Подкрадывается къ Липочкѣ, закладываетъ руки за спину, наклоняется, чтобы поцѣловать Липочку, но, пошатнувшись, вмѣсто нея, цѣлуетъ Казначая въ голову. Тотъ вскакиваетъ, толкаетъ Исправника и оба она падаютъ. Исправникъ, однако, быстро встаетъ и помогаетъ встать и Казначею“.

Далѣе идетъ, какъ напечатано на стр. 78 въ 10-й кн. „С. Н“.

Изъ записной книжки.

Все тѣ-же думы и стремленья,
Какъ и въ прошедшіе года,
И тѣ-же горе и мученья,
И трудъ тяжелый, и нужда.

* * *

И призракъ, что въ дали туманной
Въ храмъ свѣта открывалъ намъ дверь
Въ пору весны благоуханной,
Недостижимъ онъ и теперь.

* * *

И только кончивъ съ міромъ счеты,
Предъ тѣмъ, какъ Парка нить порветъ,
Поймешь, что тщетны всѣ заботы,
Чтобъ передѣлать жизни ходъ!

Всеголовъ Сибирскій

Какъ Россiянка переселилась въ Сибирь.

(Изъ исторiи одного переселенiя).

Прежде, чѣмъ познакомить читателей съ тѣмъ, какъ Россiянка переселилась въ Сибирь, мы считаемъ необходимымъ поразсказать кое-что о житьѣ-бытьѣ обывателей Россiянки у себя на родинѣ.

Россiянка—это одна изъ тѣхъ довольно многочисленныхъ сель и весей обширной матушки-Россiи, которыя въ литературѣ нашей болѣе извѣстны подъ именемъ „Погорѣловокъ, Захудаловокъ“ и т. д. Это та деревня, гдѣ кусокъ чернаго хлѣба добывается цѣною самаго тяжелаго труда, цѣною многозаботнаго дня, гдѣ нужда прочно свила себѣ гнѣзда и гдѣ нѣтъ выхода изъ подневольнаго экономическаго существованiя. Въ эпоху освободительныхъ реформъ, когда могучiя слова манифеста 19-го февраля пролили радостный свѣтъ добра въ темную область крѣпостничества, когда загорѣлась заря новой жизни для освобожденнаго народа, Россiянка вмѣстѣ со всѣми селами и деревнями Руси, получивъ свободу, получила и землю. Земли, доставшiяся Россiянкѣ въ надѣль, были землями очень слабыми: ни пахатей урожайныхъ, ни покосовъ съ травою, ни лѣсовъ хорошихъ не вошло въ черту надѣла, да и вытянулись-то эти земли узкою полоскою среди земель владѣльца, такъ что вполне создавалось то положенiе, которое писателемъ нашимъ названо: „некуда курицы выпустить“. Всего на всего отведено было Россiянкамъ по четыре десятины земли на каждую ревизскую душу. Правда, когда отводили имъ надѣлы, находились добрые люди, которые совѣтовали Россiянкамъ брать больше земли, такъ какъ и помѣщикъ на это соглашался. Не послушались тогда Россiянцы добрыхъ совѣтовъ, и пожелали остаться на казенной нормѣ. „Куда земля дѣнется, не хватитъ—еще прирѣжутъ“, твердили они въ одинъ голосъ. И худо вышло, что не послушались тогда Россiянцы добрыхъ совѣтовъ, и не брали земли больше. Спусти десятковъ лѣтъ послѣ надѣленiя, въ Россiянѣ уже началъ ощущаться недостатокомъ въ землѣ, въ особенности въ покосѣ и лѣсѣ. По мѣрѣ-же того, какъ уходили годы, земельное утѣсненiе принимало все болѣе и болѣе острую форму. И вотъ чрезъ сорокъ почти лѣтъ четырехъ-десятинный дуневой надѣль превратился въ двухъ-десятинный, а для иныхъ и того меньше, были и такiе, на которыхъ земли совсѣмъ не приходилось.

И пошли эти послѣднiе батрачить въ помѣщичьи экономiи, потянули на заводы и фабрики, отправились въ городъ искать заработковъ. Тѣ-же, у которыхъ было хоть сколько-нибудь

землицы, да былъ домишко хоть худенькій, да скотинка самая бѣдная, крѣпко держались дѣдовскихъ могилъ, но какое житье ихъ было, читатель узнаеть дальше.

Три узенькихъ полоски, шириною не болѣе сажени и длиною около 2½ верстъ каждая, составляли тутъ поля Россіянскаго обывателя (озимое, яровое и паров.), не болѣе полудесятины сѣнокоса маленькими клочками въ нѣсколькихъ мѣстахъ и притомъ сѣнокоса съ выродившеюся травою дополняли остальные полевая земли, маленький огородишко, маленькая усадьба, вотъ и всѣ владѣнія земледѣльца изъ Россіянки. Ну, на чемъ тутъ разгуляться, на чемъ работать. При такомъ ничтожномъ землевладѣніи полное отсутствіе лѣса дополняло печальную картину этого карликоваго хозяйства. По неволѣ закабалили себя Россіяны къ сосѣдямъ — землевладѣльцамъ. Лѣсинка-ли на постройку надо, дровецъ-ли, сѣнокосу-ли, нахоты-ли, все идутъ Россіяны просить у землевладѣльца — сосѣда. А тутъ приближается пора платить подати, опять къ тому-же сосѣду, либо къ міроѣду, что въ кабачкѣ, или въ лавочкѣ сидитъ, съ покорной просьбой деньгами снабдить, обращается россиянецъ. Придетъ страдная пора — сѣнокосъ и жатва, обыватель Россіянки день изо дня шатается на чужихъ поляхъ, на чужихъ лугахъ — это онъ отработываетъ сѣнокосъ, дрова и землю, взятую у землевладѣльца въ аренду. И только тогда, когда гужемъ потянутся обозы съ хлѣбомъ въ помѣщичьи сараи, когда сѣновалы землевладѣльца наполнены уже душистою травою, принимается россиянецъ за свои поля, за свои луга. И работаетъ онъ лихо, работаетъ безъ усталы, безъ отдыха, а придетъ осень — хлѣба едва ли хватить на продовольствіе, для рогатаго скота припасена одна только солома, для лошаденки — солома пополамъ съ сѣномъ.

Тяжелыя условія экономическаго разстройства, полная зависимость Россіянцемъ отъ воли землевладѣльца, отъ воли кулаковъ и міроѣдовъ все болѣе и болѣе наталкивали Россіянцевъ на мысль о переселеніи, о неизбѣжной необходимости добыть землицы, добыть во что-бы то ни стало, добыть хоть гдѣ-нибудь. Мысль эта все глубже и глубже западала въ головы Россіянцевъ, а тутъ какъ разъ и однопоселенцы безземельные изъ заработковъ вернулись въ родную деревню. Толкаясь постоянно среди чужихъ людей по чужимъ мѣстамъ, много слышали эти отрѣзанные ломти Россіянки про Сибирь, про сибирское приволье, про богатыя урожайныя земли, о разныхъ льготахъ и разныхъ привилегіяхъ для переселенцевъ. Исполняя тяжелую работу на фабрикахъ и заводахъ, таская тяжести на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходныхъ пристаняхъ, ютятся въ землянкахъ, ночуя на нарахъ въ фабричныхъ и заводскихъ сараяхъ, эти вырванные изъ земледѣльческой среды, оторванные отъ сохи, бороны и косы

сыны Россіянки въ тихомолку мечтали о томъ, какъ и они будутъ хозяевами, какъ у нихъ будетъ свой домишко, своя скотинка, но только не въ Россіянкѣ, а тамъ, гдѣ-то далеко, за высокими Ураломъ. Мѣста эти давно уже сдѣлались завѣтною мечтою ихъ, мысли эти не давали имъ покоя. И вотъ, придя въ Россіянку, они всей душой отдались этой мечтѣ, и рѣшили во что-бы то ни стало перебраться за Ураль и поселиться тамъ. Горячіе рассказы про Сибирь подѣйствовали и па тѣхъ Россіянцевъ, которые, хотя на заработки и не ходили, но едва, едва перебивались на своемъ ничтожномъ хозяйствѣ. Число охотниковъ переселиться въ Сибирь росло все больше и больше. И рѣшили они все покинуть родную Россіянку и искать лучшей доли въ странѣ, которая хотя и обильна землею, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сурова и далека.

Настала глубокая осень, въ воздухѣ носились уже предвѣстники зимы, порою падали на землю снѣжныя кристаллики, вода лѣниво двигалась въ рѣкѣ; работы на поляхъ уже закончились и сильные удары цѣповъ вѣщали сбывателю, что сельскій хозяинъ начинаетъ подводить итоги своихъ заботъ, трудной тяжелой весны, страднаго лѣта и осени. Въ это самое время отправили Россіянки въ волость выбранныхъ людей узнавать про порядки переселенія въ Сибирь. Въ волости этимъ людямъ объяснили, что для того, чтобы имѣть право переселенія, необходимо получить разрѣшеніе высшаго губернскаго начальства; каждая семья, желающая переселиться, должна обладать извѣстными матеріальными средствами и т. д. Что-же касается свободныхъ земель въ Сибири, то таковыя тамъ, дѣйствительно, имѣются, но, опять таки, нужно ихъ искать имъ-же самимъ. Что раньше, чѣмъ переселиться всемъ имъ вмѣстѣ съ семьями, они должны отправить въ Сибирь прежде ходаковъ, что ходаки эти должны выбрать для нихъ земли и приписаться къ этимъ землямъ (переселенческіе участки), и только послѣ всего этого они могутъ двинуться въ Сибирь съ семьями и со всемъ своимъ скарбомъ.

Узнавши все это, Россіянцы выбрали ходаковъ по одному на нѣсколько семей и уполномочили ихъ хлопотать о разрѣшеніи отправиться въ Сибирь для выбора переселенческихъ участковъ, въ тоже самое время въ губернской городъ черезъ волостное правленіе было отправлено не одно прошеніе отъ Россіянцевъ о разрѣшеніи на переселеніе. Съ того момента, какъ Россіянцы начали хлопотать о разрѣшеніи, для нихъ настали дни томительныхъ ожиданій, на свое хозяйство они начали смотрѣть, какъ на что-то временное, перестали заботиться объ арендѣ сѣнокозовъ у землевладѣльца, перестали заботиться о починкѣ постоень, о скотинѣ и прочее.

Пришла зима, и только въ самомъ концѣ зимы пришло разрѣшеніе изъ губерніи на переселеніе въ Сибирь, но только не всѣмъ, нѣкоторымъ было отказано. Къ тому же времени и ходаки выхлопотали себѣ надлежащее разрѣшеніе и бумаги для льготнаго проѣзда и друг. Съ первыми весенними днями Россіянки собирали деньги на дорогу ходакамъ, а ходаки собирались въ далекій путь. Въ одно теплое весеннее утро по улицамъ Россіянки прошли ходаки на ближайшую желѣзнодорожную станцію. Что-то привезутъ они, думали Россіянки, провожавшіе ходаковъ? Объ этомъ мы узнаемъ въ слѣдующей книжкѣ.

Ю. О. Горбатовскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія о С. Я. Надсонѣ.

(Продолженіе, — см. кв. 9—10 т. г.).

Помню одинъ разговоръ съ Надсономъ по поводу поэзіи.

Мы разговаривали однажды съ Надсономъ о томъ, что стоитъ выше стихи или проза.

С. Я. говорилъ, что и то и другое можетъ быть одинаково хорошо и, между прочимъ, восторженно воскликнулъ:

— „Вотъ Гоголь, напримѣръ: за одну страницу его прозы— я отдамъ съ охотой всѣ мои стихотворенія“.

.

Каждый изъ юнкеровъ обязанъ былъ по очереди дежурить по ротѣ. Обыкновенно, былъ 1 дежурный изъ старшаго класса и въ помощь ему 2 дневальныхъ изъ младшаго.

Ночью всѣ трое мѣнялись и спали по очереди. Каждый изъ насъ тяготился дежурствомъ. Надсонъ же, наоборотъ, былъ радъ, когда дежурилъ, и часто просиживалъ всю ночь и не будилъ очередныхъ товарищей. Происходило это потому, что С. Я. писалъ свои произведенія, большей частью, по ночамъ.

Ложась спать, у него всегда наготовѣ былъ огарокъ свѣчки и спички.

Часто ночью проснется поэтъ, положитъ немного, тогда зажигаетъ свѣчку и принимается писать. Бывало, и такъ, что, погасивъ свѣчу, Надсонъ черезъ нѣсколько минутъ зажигалъ ее вновь, и это повторялось по 2 и 3 раза въ ночь.

Все училище обѣдало въ одной общей столовой. Кухней по четвертямъ года завѣдывали по очереди ротные командиры, но это завѣдываніе ограничивалось только разчетомъ съ нашими поставщиками и тѣмъ, что разъ въ день ротный командиръ зайдетъ на кухню заглянуть, что тамъ дѣлается.

Вся отвѣтственность ложилась на юнкера, выбраннаго товарищами изъ той роты, командиръ которой завѣдывалъ кухней. Этотъ завѣдывающій назывался „старшимъ артельщикомъ“; кромѣ того, изъ каждой роты было по 2 младшихъ артельщика, одинъ отъ старшаго курса и одинъ отъ младшаго. Обязанность младшихъ артельщиковъ заключалась въ томъ, чтобы своевременно сообщить на кухню, сколько человѣкъ будетъ сегодня обѣдать и сколько вечеромъ пить чай. (Еще утромъ тѣ изъ юнкеровъ, которые уйдутъ въ отпускъ до обѣда и которые уйдутъ послѣ обѣда и не будутъ пить вечерняго чая—обязаны были объ этомъ заявить дежурному по ротѣ юнкеру. Такимъ образомъ, число обѣдающихъ каждый день было различно).

Тѣ-же младшіе артельщики обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ обѣдающіе получили все то, что имъ полагалось, и служителя не таскали изъ кухни ничего лишняго.

Артельщики обѣдали послѣ ухода изъ столовой всѣхъ юнкеровъ и являлись въ столовую минутъ за 10 до прихода юнкеровъ.

Хотя я былъ на младшемъ курсѣ, но былъ выбранъ ротой въ старшіе артельщики.

Отказываться не полагалось.

Я началъ съ того, что уговорилъ Надсона быть младшимъ артельщикомъ—онъ согласился. И вотъ мы вмѣстѣ съ С. Я. принялись преобразовывать нашъ столъ. Обыкновенно, по субботамъ ротный командиръ, завѣдывающій кухней, представлялъ баталіонному командиру составленное старшимъ артельщикомъ росписаніе завтраковъ и обѣдовъ на будущую недѣлю.

По одобреніи начальствомъ росписаніе отдавалось въ приказъ по училищу и измѣнить его уже не полагалось.

Въ первую же субботу я пригласилъ Надсона помочь мнѣ составить росписаніе. Оно было составлено по новому: вводилось нѣсколько новыхъ и дорогихъ блюдъ, булки были увеличены на 2 лота, введены пироги къ завтраку и т. д.

подавая росписаніе капитану О—му, я ждалъ, что будетъ гроза и она дѣйствительно была. Просмотрѣвъ меню обѣдовъ и завтраковъ, капитанъ заложилъ большой палецъ правой руки за бортъ сюртука, замоталъ остальными пальцами и сталъ кричать, говоря, что я сонель съ ума.

— При такомъ хозяйствѣ у насъ будетъ передержка отпускаемыхъ суммъ, а нужно дѣлать такъ, чтобы была экономія.

Извольте передѣлать росписаніе; если-же не умѣете, то перепишите какое-нибудь старое.

Я увѣрялъ, что сдѣлалъ самыя точныя вычисленія и что ни по кухнѣ, ни по лекарнѣ передержки не будетъ, хотя, правда, не обѣщалъ и экономіи. Когда же командиръ не хотѣлъ меня слушать и, все-таки, настаивалъ на перемѣнѣ росписанія, говоря, что я обязанъ его слушать, я, выведенный изъ себя, довольно рѣзко объявилъ:

— Я обязанъ васъ слушать господинъ капитанъ тамъ, гдѣ касается дѣло моей службы. Въ данномъ случаѣ я выбранъ товарищами и защищаю ихъ интересы. Другаго росписанія я составлять не буду; если это не можетъ быть утверждено, то предложите выбрать другаго артельщика.

— Хорошо, отвѣчалъ ошеломленный моей дерзостью капитанъ, я пропущу ваше росписаніе на первый разъ, но если будетъ передержка, то черезъ недѣлю будетъ на ваше мѣсто выбранъ другой.

Такимъ образомъ, наше съ Надсономъ росписаніе было объявлено въ приказѣ.

Необходимо было, во чтобы то ни стало, устроить такъ, чтобы не было передержки. Надсонъ былъ моимъ дѣятельнымъ помощникомъ.

Кухня состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ и въ одной изъ нихъ было огорожено небольшое мѣсто, которое называлось конторой старшаго артельщика.

Въ этой конурѣ мы и поселились.

Надсонъ былъ моимъ постояннымъ гостемъ и только изрѣдка ходилъ въ классъ, когда читалъ лекціи кто-нибудь изъ его любимыхъ преподавателей.

Недѣля прошла безъ передержки. Пришлось ротному командиру утверждать наши росписанія и на будущее время. Дѣло шло хорошо и всѣ были довольны.

Пробыли мы съ Надсономъ на кухнѣ три мѣсяца, пока завѣдываніе кухней не перешло къ другому ротному командиру. Хотя по истеченіи мѣсяца по правиламъ мы могли отказаться отъ артельничества, такъ какъ каждый мѣсяцъ бывали новыя выборы, но, будучи постоянно выбираемы, мы не отказывались, потому что на кухнѣ въ своей конторѣ намъ было очень хорошо.

Надсонъ постоянно ѣлъ бифштексы, очень мало прожаренныя, и пилъ молоко. Это отступлеше отъ правилъ я дѣлалъ съ общаго согласія товарищей, которые позволили мнѣ, какъ въ шутку выражались, „вогнать поэта въ тѣло“. Но не въ коня былъ кормъ. Надсонъ былъ бодрый, но не выглядѣлъ толще.

Изъ младшихъ артельщиковъ 3-ей роты былъ М. А. Россійскій. Здѣсь-то на кухнѣ Надсонъ впервые сошелся съ Россійскимъ. Здѣсь они вмѣстѣ переводили Гете. Вообще, кухонная контора была свидѣтельницей многихъ произведеній Надсона. Тамъ-же было написано юморическое произведеніе, увѣковѣчившее за нашимъ ротнымъ командиромъ прозвище „передержки“.

Была и обратная сторона медали — мы отстали отъ классныхъ занятій, но и эту бѣду мы старались поправить, просматривая лекціи по тетрадкамъ товарищей въ послѣобѣденное время.

Такъ прошло время до экзаменовъ.

Экзамены прошли благополучно; оставались только практическія работы на полѣ; они заключались въ съемкахъ мѣстности и въ рѣшеніи тактическихъ задачъ. Этими работами мы занимались подъ наблюденіемъ своихъ преподавателей.

Рѣшеніе тактическихъ задачъ занимало 2—3 дня и было скучно; надо было работать серьезно и въ присутствіи преподавателя. За то время съемокъ было чуть-ли не самое веселое время всего нашего пребыванія въ училищѣ. Одну съемку мы дѣлали сообща всѣмъ классомъ и подъ наблюденіемъ офицера — это была пробная съемка, а затѣмъ намъ назначались въ окрестностяхъ лагеря разные участки и каждый работалъ самостоятельно. Не возбранялось просить тотъ или другой участокъ и просьба эта почти всегда уважалась.

Мнѣ былъ назначенъ для съемки склонъ горы Дудергофъ, обращенный къ озеру.

Надсонъ выпросилъ себѣ участокъ рядомъ со мной и получилъ расположенную у горы деревню Кавилахты.

Обѣ съемки были сдѣланы мной, а Надсонъ почти все время провелъ на Дудергофѣ. Было время переселенія столичныхъ жителей на дачи. Какъ извѣстно, на Дудергофѣ масса очень красивыхъ дачъ; не обходилось безъ того, чтобы красивая дача не имѣла и красивыхъ обитательницъ и какъ только Надсонъ таковую встрѣчалъ, то заводилъ съ нею знакомство.

Предлогъ былъ всегда одинъ и тотъ-же: просьба осмотрѣть снаружи и измѣрить дачу для нанесенія ея на планъ. Хотя обитатели дачъ хорошо знали, что эти просьбы только предлогъ для знакомства, но, по большей части, очень охотно ихъ заводили и часто такъ оригинально начатыя знакомства продолжались все лѣто.

Надъ Надсономъ подсмѣивались, что онъ на дачахъ выискиваетъ сюжеты для своихъ твореній.

Нѣкоторые удивлялись, что С. Я. находитъ удовольствіе проводить время съ прекраснымъ поломъ.

У насъ, почему-то, считали Надсона безнадежно влюбленнымъ и потому разочарованнымъ въ женщинахъ. Я никогда не

заговаривалъ на эту тему, самъ Надсонъ тоже объ этомъ мнѣ не говорилъ, и потому ничего положительнаго по этому поводу сказать не могу.

„Нѣтъ дыму безъ огня“, говоритъ, пословица, и я думаю, что что-нибудь да было въ этомъ родѣ.

Слухъ шелъ отъ товарищей Надсона по корпусу и иногда приходилось замѣчать, что С. Я., будучи какъ казалось въ очень хорошемъ расположеніи духа, становился грустенъ, когда рѣчь заходила о семейной жизни и ея радостяхъ. Чему нужно было приписать эти приступы грусти, безнадежной-ли любви или грустному семейному положенію самого поэта - трудно было сказать и тѣмъ болѣе рѣшить.

Надсонъ очень любилъ природу и время, проведенное имъ на Дудергофѣ, онъ раздѣлилъ на два періода.

— Иногда я жилъ среди людей, но больше времени проводилъ съ природой—она много много выше людей; въ ней нѣтъ лжи. нѣтъ пороковъ—она и ласкать умѣетъ лучше людей.

И дѣйствительно, случалось, что я заставалъ Надсона забравшимся куда-нибудь въ глубь лѣса. Лежитъ ноэтъ на спинѣ, подложивъ руки подъ голову, и смотритъ на клочки неба, просвѣчивающіе чрезъ густую листву Дудергофскаго лѣса.

— Иди сюда, послушай какъ поютъ птички и какъ вѣтерокъ перешептывается съ листьями деревьевъ. Такъ бы, кажется, и лежалъ тутъ всю жизнь. И слова С. Я. сопровождались глубокимъ вздохомъ.

Особенно любилъ Надсонъ одно мѣсто на Дудергофѣ, гдѣ изъ горы билъ ключъ холодной и чистой воды. Мѣсто было глухое и очень красивое. Къ роднику тогда еще не было проведено дорожекъ, не всѣ знали этотъ ключъ и потому тамъ можно было сидѣть, рассчитывая на то, что никто тебя не потревожитъ.

Любилъ Надсонъ и воду. Лагерь нашъ былъ расположенъ на берегу Дудергофскаго озера. Часть берега принадлежала намъ. На этомъ берегу была устроена училищная купальня, къ которой была привязана лодка „Ласточка“. Ласточка была собственностью нашего командира капитана О... .. и была отдана подъ мое наблюденіе. У меня хранился ключъ отъ замка, который примыкалась лодка, и на меня же была возложена обязанность подобрать экипажъ для Ласточки. Подборъ экипажа оказался удаченъ. Насъ было 5 человекъ одинаково хорошихъ гребцовъ. Одинъ изъ насъ садился на руль, а четверо гребло. Когда вѣзять съ нами капитанъ О., то онъ былъ рулевымъ, а одинъ изъ насъ запаснымъ гребцомъ. Лодка ходила и подъ парусами, что было не совѣмъ безопасно, ибо Ласточка была очень узка—скорѣй ее можно было назвать полугичкой,

чѣмъ лодкой, но это, всетаки, не мѣшало намъ ѣздить и подъ парусами, такъ какъ, всѣ мы были хорошими пловцами и не боялись опрокинуться.

Для упражненія и навыка дружно грести намъ было позволено пользоваться лодкой во все свободное отъ занятій время и мы широко пользовались этимъ разрѣшеніемъ.

Я упросилъ капитана О—а принять Надсона юнгой въ нашъ экипажъ.

Любя С. Я., О—въ тотчасъ согласился и поэтъ былъ зачисленъ въ экипажъ Ласточки; его обязанность была сидѣть на носу и зредупреждать объ опасности и близости берега—это было необходимо при ходѣ подъ парусами, ибо за парусами не было видно, что дѣлается впереди, и можно было наскочить на какую-нибудь лодку, которыхъ на озерѣ было много.

Надсонъ былъ хорошій пловецъ и воды не боялся.

Однажды у насъ были саперныя работы. Рыли мы на берегу озера, подъ наблюденіемъ сапернаго офицера, разные земляныя укрѣпленія. Поглядѣть пришелъ на работы капитанъ О—въ. На озерѣ былъ боковой вѣтеръ, такъ что ѣздить подъ парусами, вдоль озера, было одинаково удобно въ оба конца. Не утерпѣлъ О—въ и, подозвавъ меня, велѣлъ передать экипажу, чтобы незамѣтнымъ образомъ удрали съ работъ и собрались у купальни. Сказано—сдѣлано. Черезъ 10 минутъ Ласточка летѣла на всѣхъ парусахъ, прыгая съ волны на волну и накрепко такъ, что чуть не захватывала бортомъ воду. Вѣтеръ оказался силенъ для нашего маденькаго судна и мы должны были всѣ сѣсть на подвѣтренную сторону, чтобы, по возможности, сохранить равновѣсіе. Но вотъ, на поворотѣ, рванулъ вѣтеръ и мачта сломалась у основанія. Парусъ упалъ въ воду. Съ берега казалось, какъ намъ потомъ рассказывали, что лодка перевернулась, ибо волны подымались выше лодки: ее по временамъ, стоящимъ на берегу, не было видно и вдругъ исчезаетъ и парусъ, ну, значить, перевернулась Ласточка. На берегу смятеніе—хотятъ ѣхать на помощь, но чрезъ мгновеніе Ласточка опять на виду, хотя безъ паруса; ее увидѣли и успокоились. Мы же, злополучные моряки, собравъ мокрый парусъ, на веслахъ пришли къ берегу.

Надсонъ потомъ признавался, что во время этой прогулки трусилъ, что сердце ушло у него въ пятки и онъ хотѣлъ снимать сапоги, чтобы въ случаѣ крушенія легче плыть и что не сдѣлалъ этого только потому, что боялся насмѣшки. Въ утѣшеніе поэта и я признался, что тоже не особенно охотно подвергся бы ваннѣ.

Берега озера, особенно со стороны Дудергофа, заросли густымъ и высокимъ камышемъ. Мѣстами камышъ оставлялъ свободные и извилистые проходы.

Г. Омскъ. Берегъ р. Оми.
(Le bord de la rivière Omi, dans la ville d'Omsk).

Якуты на праздникъ у своего тайона (головы).
(Jakoutes invités à une fête chez leur maire).

Забравшись въ эти закоулки, лодка скрывалась отъ любопытныхъ взоровъ.

Много разъ втроемъ, Надсонъ, Россійскій и я, забирались на лодкѣ въ самыя укромныя мѣста. Я читалъ какую-нибудь книгу, а Надсонъ съ Россійскимъ, обыкновенно, что-нибудь вмѣстѣ переводили или читали другъ другу, кто что написалъ.

Случалось, что приставъ къ противоположному берегу, мы шли на Дудергофъ гулять. Утомившись, мы отправлялись въ какую-нибудь ближайшую деревню къ чухнамъ пить молоко.

Освѣженные прекраснымъ холоднымъ молокомъ, мы тѣмъ же путемъ отправлялись домой.

Лагерная жизнь значительно отличалась отъ городской нашей жизни. Здѣсь по окончаніи съемокъ мы забывали о существованіи учебниковъ и начиналось наше строевое образованіе: безпрестанныя ученія, парады, смотры, стрѣльба, караулы, маневры и пр. и пр. Требования начальства были строги и улизнуть отъ занятій было трудно.

На время лагеря оба Петербургскія военныя училища—Павловское и Константиновское—составляли одинъ сводный баталіонъ и высшее начальство было общее. Если одно лѣто своднымъ баталіономъ командовалъ нашъ баталіонный командиръ, то изъ начальниковъ училищъ ѣздилъ въ лагерь начальникъ Константиновскаго училища. Другое лѣто начальство мѣнялось—былъ нашъ начальникъ училища и баталіонный командиръ Константиновскаго.

Въ это лѣто была очередь нашего баталіоннаго полковника Р—а и начальникъ Константиновскаго училища генералъ Ш—ъ.

II. Ивановъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Кузнѣцкій Алатау.

(Физико-географическій обзоръ, — см. кн. 5—7 и 9—10 т. г.).

Болѣе или менѣе полной картины геологическаго строенія Кондомо-Мрассо-Лебедскаго района мы не имѣемъ¹⁾ и можемъ привести только слѣдующія данныя, имѣющіяся у Реутовскаго въ его книгѣ „Золотопр. районъ Томск. горн. округа“, относящіяся только къ мѣстностямъ, гдѣ расположены золотыя прииска.

¹⁾ Нынѣ, лѣтомъ 1901 года, мѣстность эту изслѣдовалъ геологъ Томскаго университета проф. Зайцевъ, результаты его поѣздки еще не опубликованы. Работѣ, въ 80-хъ годахъ, детально изучалъ этотъ районъ Гельмгакеръ, но подробныхъ результатовъ своего труда, насколько намъ извѣстно, не опубликовалъ за исключеніемъ нѣсколькихъ статей въ заграничныхъ изданіяхъ. Извлеченіе изъ этихъ статей см. „Вѣст. Зол.“ 1892 г., № 15.

„Прісковый районъ двухъ большихъ рѣкъ Кондомы и Мрассы отличается, какъ и слѣдовало ожидать, сложнымъ геологическимъ строеніемъ. Здѣсь, кромѣ осадочныхъ породъ, такихъ, какъ известняки, кремнистые сланцы, кварцитъ, песчаники и проч., цѣлая группа породъ осадочныхъ метаморфическихъ, какъ глинисто-сланцевыя сланцы, доломиты и др. Въ этихъ, самаго разнообразнаго вида, породахъ легко прослѣдить всѣ виды метаморфизаціи, начиная съ образованія слюды, роговой обманки, хлорита, продолжая находженіемъ въ породѣ вкрапленостей и зеренъ кварца, включеніемъ металлическихъ примѣсей (сѣрн., магн. и мышьяк. колчедана) и оканчивая образованіемъ трещинъ и самихъ кварцевыхъ жилъ, нерѣдко также съ выдѣленіемъ сѣрнаго, мѣднаго и другихъ колчедановъ, заключающихъ въ себѣ серебро и золото“. ¹⁾

„Здѣсь россыпи расположены вблизи границъ сонрикосновенія массивныхъ породъ съ метаморфическими осадочными“ ²⁾.

Для части теченія Абакана отъ устья М. Абакана до границъ Алтайскаго гор. округа мы имѣемъ геологическую карту, составленную Реутовскимъ, и описаніе въ его книгѣ „Поиски на золото“ (Томскъ, 1894 года). Мы видимъ, что правый берегъ Абакана въ области золотыхъ прісковъ, по системамъ Кызасова, нижнихъ притоковъ Аны и Карасибы (лѣвый притокъ Чахана, который впадаетъ слѣва въ Джебашъ) состоитъ изъ массивныхъ и слоисто-кристаллическихъ породъ, тогда какъ на лѣвомъ появляются и осадочныя образованія. Эти осадочныя образованія въ видѣ краснаго песчаника (отнесеннаго Реутовскимъ предположительно къ девонской системѣ) появляются на лѣвомъ берегу Абакана по рѣкамъ Казасъ, Тозасъ и Ада; затѣмъ, постепенно отдаляются отъ теченія этой рѣки и уходятъ къ сѣверо—востоку, занимая все болѣе и болѣе широкое пространство по среднему теченію Матура, Таштыпа и верхнему Теи. Красный глинистый сланецъ и песчаникъ, вообще, характеренъ для восточнаго склона Алатау; онъ распространенъ по Абакану, Юсамъ, а также по Енисею; сѣверную границу его составляетъ р. Урюпъ ³⁾. Теченіе Абакана съ лѣваго берега послѣ того, какъ отъ него отошелъ красный песчаникъ, сопровождается главнымъ образомъ метаморфическими сланцами.

На правомъ берегу основною породою служитъ гранититъ, который можно наблюдать по восточную сторону Шамана въ почвѣ Прокопьевскаго пріиска (Молодыхъ и К⁰, по рч. Безы-

¹⁾ Золотовос. районъ, стр. 28.

²⁾ Тамъ-же. См также стр. 25—30, также вышеупом. извлеченія изъ статьи Гельмгакера и Крупскаго. — Мѣстор. жел. руды въ бассейнѣ Тельбеса. Вѣс. Зол. 1899 г. № 22.

³⁾ Дополя. къ Риттеру, 848 стр

мянкѣ, текущей въ Б. Анзасѣ—лѣвый притокъ Аны), отсюда къ Шаману эта порода переходитъ въ слюдяно-роговообманковый гнейсъ и въ порфиرويدъ, слагающій¹⁾ центральную часть Шамана, далѣе внизъ по теченію р. Кызаса слѣдуютъ видоизмѣненія того-же порфироида, принимающаго, наконецъ, такой видъ, что, взявъ его отдѣльно, не прослѣдивъ всѣ степени измѣненія, можно принять его за глинистый сланецъ¹⁾. Еще ниже по теченію Кызаса залегаетъ діоритъ и, наконецъ, известнякъ. Породы, непосредственно прилегающія къ правому берегу Абакана, неизвѣстны. По теченію Аны (въ районѣ золотыхъ приисковъ) залегаютъ метаморфическіе сланцы, составляющіе главную породу по теченію лѣвыхъ золотоносныхъ притоковъ, прерываясь только узкой полосой гранитовъ¹⁾ и порфировъ ближе къ теченію Аны. Правые притоки Аны протекаютъ по этимъ послѣднимъ породамъ (т. е. гранитамъ и порфирамъ), а въ вершинахъ по известнякамъ. На этихъ притокахъ нѣтъ приисковъ. За переваломъ, т. е. въ области лѣвыхъ притоковъ Кара-сибы, опять начинаются метаморфическіе сланцы и опять существуютъ золотыя росыпи. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ, что золото приурочено къ областямъ сильныхъ метаморфизаций, чѣмъ въ особенности отличается долина Кызаса.

Алатау весь покрытъ лѣсами. Это, преимущественно, типичная тайга, состоящая изъ пихтъ, кедровъ, елей, частью лиственныхъ деревьевъ. Сосны на Алатау мало, лиственницы—тоже. Преобладаніе пихты придаетъ лѣсу темный видъ и поэтому южныя части хребта, а также Салаирскій кряжъ, покрытые этимъ темнымъ чернымъ лѣсомъ, носятъ у жителей названіе „Черни“, тогда какъ Алтай называется „каменѣ“. Поэтому-то на Алатау сохранилось еще много звѣря и инородцы „промышляютъ“ его. Но съ каждымъ годомъ лѣса на Алатау уменьшаются. Съ самаго начала золотопромышленности лѣсъ вырубался на надобности приисковаго дѣла: жилия помѣщенія, машины, мосты для возки золотосодержащихъ песковъ, амбары и, наконецъ, дрова—все это поглощало массу лѣса, а кромѣ того—почти постоянно приходится „чистить площадь“ т. е. мѣсто залеганія золотоносныхъ песковъ для проведенія выработки. А затѣмъ—много поработалъ надъ уничтоженіемъ тайги огонь. Тайгу часто жгли нарочно, чтобы сдѣлать удобопроходимыми непролазно-грязныя дороги въ лѣсу. И, дѣйствительно, тамъ, гдѣ было болото, становилось сухо съ уничтоженіемъ лѣса. Но что за печальную картину представляютъ теперь горѣлые лѣса. Громадные

¹⁾ Реутовскій, Поиски на золото, стр. 53.

стволы вѣковыхъ деревьевъ, умерщвленныхъ пожаромъ, часто встрѣчаются на громадныхъ пространствахъ. Жалко смотрѣть на этихъ великолѣпныхъ погибшихъ гигантовъ, лишенныхъ коры и бѣлыхъ какъ свѣча, высоко вздымающихся изъ буйной алатаусской травы и какъ бы простирающихся къ небу свои обнаженные руки. Часто тайга загорается отъ незагашеннаго промышленникомъ или путникомъ костра, часто причиною воспламененія служатъ „палы“, пускаемые весною для уничтоженія прошлогодней сухой травы. Въ „Черни“ черневые татары, переходя постепенно отъ звѣроловнаго промысла къ земледѣлю, уже не такъ дорожатъ лѣсомъ, а съ другой стороны и самый процессъ исчезновенія лѣсовъ и звѣря заставляеть ихъ переходить къ земледѣльской культурѣ.

О непроходимости „Черни“ въ прежнее время свидѣтельствуеть тотъ фактъ, что въ 1764 году, когда былъ поднятъ вопросъ объ укрѣпленіи пограничныхъ мѣстностей между р. Бией и Енисеемъ, инженеръ Козьминъ составилъ топографическое описаніе этого промежутка и удостовѣрилъ о безполезности укрѣпленій, потому что, по словамъ Словцова, „твердыни Алтая и Сабина, какъ и непроходимые ихъ лѣса, служатъ естественными укрѣпленіями края“ ¹⁾ Вотъ это интересное описаніе у Словцова: „Отъ ф. Новиковскаго до ос. Саянскаго на Енисей стоящаго, нашлось по измѣренію 417 веръ Кое гдѣ живутъ ясачные татары, какъ въ дикой пустынѣ. Отъ Би толиятся то горы высокія и крутыя, то сплошные лѣса до р. Узасу. ²⁾ далѣ лѣсъ рѣдѣеть, поверхность земли становится ровнѣе и за р. Нанупою ³⁾ къ самому Енисею образуется сухая бесплодная степь. Множество ручьевъ, рѣчекъ и ключей, текущихъ съ горъ на сѣверъ, разрѣзываютъ эту площадь и, орошая густыя чащи, производять грязя, есть и болота небольшія. Почва, наводняемая протоками, способна для плодородія, есть и луга, которые можно умножить расчисткою. Лѣсъ: пихта, кедръ, береза, осина, ветла и за р. Пызасомъ, тополь и лиственница. Въ водахъ таймени, харіусы, кускучи, шуки, окуни, чебаки, пескозобы, но сига и язи только въ Таитыкѣ и Абаканѣ. Страна сія, въ стратегическомъ отношеніи не представляетъ надобности въ устройствѣ линіи по границѣ“ ⁴⁾

Алатау и Салаирскій кряжъ въ фитогеографическомъ отношеніи составляютъ одно цѣлое съ сѣверомъ Томской губерніи — Нарымскимъ краемъ, представляя формацию пихтово-еловыхъ лѣсовъ, составляющую членъ фациі хвойнаго лѣса, въ составъ которой

¹⁾ Словцовъ Исторія Сибири, т. II, стр. 66.

²⁾ Правый притокъ Мрассы, въ верховьяхъ.

³⁾ Можетъ быть Ненею, Нею, Ниня или Нинь — притокъ Уйбата.

⁴⁾ Словцовъ, Исторія Сибири, т. II, стр. 66.

кромѣ нихъ входитъ еще формация сосновыхъ лѣсовъ и формация торфяно-болотной растительности. ¹⁾ Боровъ, какъ было уже сказано, на Алатау почти нѣтъ, но торфяныя болота встречаются, хотя они есть преимущественно достояніе сѣверныхъ частей района этой формации, на Алатау же ей сопутствуютъ большею частью формации лугового типа, именно тѣ, которыя Крыловъ называетъ *таежными преріями*, т. е. высокотравныя заросли, которыя тѣмъ болѣе распространяются, чѣмъ менѣе остается тайги; эти преріи и береза и осина идутъ на смѣну тайгѣ, когда она погибаетъ, хотя по словамъ Крылова не надолго, потому что „береза и осина имѣютъ больше шансовъ быстрѣе овладѣвать новой территоріей, благодаря летучести сѣмянъ и быстротѣ роста; но недолговѣчность этихъ породъ не даетъ имъ возможности закрѣпить за собой захваченную территорию и современемъ онѣ снова вытѣсняются, хотя и медленно-растущими, но зато и болѣе долговѣчными и болѣе устойчивыми, хвойными породами. Такимъ образомъ, между тѣми и другими существуетъ какъ бы постоянный антагонизмъ“. ²⁾

Вездѣ, гдѣ сохранилась первобытная тайга, видъ горъ оправдываетъ мѣткое названіе „Чернь“. Одѣтыя остроконечными пихтами, горы имѣютъ совсѣмъ черный видъ, но полный какой-то дикой красоты и суроваго величія. Въ лѣтнее время верховая тропка, идущая по этому лѣсу, такъ стѣснена съ обѣихъ сторонъ стѣной стоящими деревьями, что только небо видать вверху, и гдѣ бы вы ни были въ глубокой-ли долинѣ или на вершинѣ высокаго „разлома“, ³⁾ вы не полобуетесь широкими горизонтами: тайга ровнимо таятъ отъ васъ свои панорамы, только изрѣдка гдѣ-нибудь на прогалинкѣ на крутомъ спускѣ взоръ вашъ вырвется изъ тѣсной клѣтки на широкій просторъ и увидитъ безконечный рядъ переплетающихся линій горъ, то покрытыхъ щетиной своихъ лѣсовъ и похожихъ на ошетинившихся звѣрей, то освобожденныхъ отъ этихъ лѣсовъ огнемъ или топоромъ, то несущихъ на себѣ дикія скалы, а то устремляющихся въ высь и достигающихъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ жизнь влачитъ жалкое существованіе или еще выше— гдѣ п вовсе нѣтъ жизни и начинается царство холоднаго и чистаго снѣга. Но на этой границѣ Алатау останавливается, вершины его не держаютъ подыматься выше, или, лучше сказать, всецѣльное время изгнало ихъ изъ этого царства водою, снѣгомъ, вѣтромъ, сточивши ихъ острые края и скалистые выступы и осыпавши ихъ собствен-

¹⁾ См. статьи Крылова въ сборникѣ „Науч. очерки Томск. края“: „Раст. Том. губ.“ и „Тайга съ ест.-ист. точки зрѣнія“

²⁾ Крыловъ „Растит. Томск. губ.“ стр. 17.

³⁾ Разломъ называется высокіе перевалы черезъ горы „разламывающіе“ дорогу на двѣ половинны—подъемъ и спускъ.

ными-же обломками. округливши ихъ очертанія. Срѣзанныя и округленныя вершины, осыпи съ пятнами снѣга — вогъ характерная форма алатаусскихъ гольцевъ. Въ древнее время, быть можетъ, это были болѣе могущественные колоссы, чѣмъ теперь, но теперь они, какъ старики, „растутъ въ землю“.—Темно и сыро даже въ лѣтній день въ глухой тайгѣ и царить въ ней глубокая тишина. Птицъ мало въ этомъ угрюмомъ царствѣ; изрѣдка прохлопаетъ крыльями рябчикъ, заунывно прокричитъ желна, да долбитъ въ лѣсу крѣпкимъ носомъ дятель; таинственную прелесть имѣетъ гулко звучащій въ тайгѣ голосъ кукушки. Пихты, висячія вѣтви которыхъ начинаются чуть не отъ земли, смѣняются иногда могучими, крѣпкими кедрами, осыпанными шишками въ урожайный годъ, иногда осинникомъ, состоящимъ изъ могучихъ деревьевъ, уносящихъ свои короны на громадную высоту; стволы этихъ осинъ прямы и бѣлы какъ свѣчка. Внизу у ногъ большихъ деревьевъ растутъ черемуха, рябина, калина, на скалистыхъ склонахъ лѣпится таволожникъ и ягодные кусты: малина, смородина. На прогалинахъ и въ долинахъ рѣкъ растутъ громадная трава — сочная, пышная и поражающая своими размѣрами — „таежныя преріи“. Въ этой травѣ невидно лошади, а нѣкоторые растенія выше и всадника, сидящаго на ней.

„Я не могъ довольно надивиться. говорить Щуровскій, описывая свою поѣздку по правымъ притокамъ Томи, роскошной растительной дѣятельности: *Conium*, *Aconitum* и др. выше чело-вѣка, сидящаго на лошади; и все это достигло такого необыкновеннаго развитія въ полтора мѣсяца, отъ половины мая до іюля! Здѣшняя флора, подобно другимъ своимъ сѣвернымъ сестрамъ, до того торопится развитіемъ, что, кажется, видишь, слышишь и осязаешь, какъ она растетъ“¹⁾.

Проѣзжая долиной рѣки, чистой, холодной и шумливой, вы видите то густой лѣсъ, то луга, то сухія и каменистыя мѣста, то топкія и болотистыя. Около утеса разсыпаны камни, оторвавшіеся отъ него; въ густомъ лѣсу — непросыхающіе мочаги и болота — то моховыя, то кочковатыя. Все разнообразіе растительности — смѣна пихтовыхъ лѣсовъ лиственными и лугами — слѣдствіе дѣятельности чело-вѣка, пришедшаго въ тайгу или за золотомъ или за другими продуктами природы. Теперь уже на чистыхъ мѣстахъ, на южныхъ склонахъ уваловъ часто встрѣтятся четырехугольныя пашни. Звѣроловъ инородецъ все болѣе переходитъ къ земледѣлю, потому что тайги стало меньше и звѣря тоже. Долины большихъ рѣкъ: низовья Кондомы, Лебедь, Мрасса, верховья Томи, Кія все болѣе заселяются и тайга

¹⁾ Щуровскій, Геолог. путеш. по Алтаю. Стр. 172—174.

еще ютится тамъ, куда человекъ не пришелъ: на вершинахъ горъ и хребтовъ, въ болѣе глухихъ отдаленныхъ и „недоступныхъ“ углахъ и глѣ еще не разыскали золота. Если безпощадное истребленіе тайги, съ одной стороны, подготавливаетъ землю подъ культуру хлѣбовъ, то, съ другой стороны, ведетъ къ измѣненію климатическихъ и почвенныхъ условій. Лѣса—питательные резервуары рѣкъ, конденсаторы атмосферной влаги—и что станеть съ Томью, если они исчезнутъ на Алатау?

М. Самохваловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Пятидесятилѣтіе Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

(Очеркъ). ¹⁾

17 ноября исполнилось ровно *пятьдесятъ лѣтъ* со дня открытія Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Пользуясь случаемъ, считаемъ долгомъ познакомить вкратцѣ нашихъ читателей съ полувѣковой дѣятельностью этого *перваго въ Сибири ученаго общества*, но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи возникновенія самаго Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

Отсутствіе Географическаго Общества ощущалось въ Россіи еще въ самомъ началѣ минувшаго столѣтія. Двадцатые и тридцатые годы дали богатый географическій матеріалъ, благодаря экспедиціямъ Литке и Врангеля на сѣверо-востокъ Сибири, пребыванію Рикорда на Камчаткѣ, кругосвѣтнымъ путешествіямъ русскихъ моряковъ, съемкамъ Берга, работамъ академика Бэра, геолога Гельмерсена и друг. Адмиралы Литке и Врангель и академикъ Бэръ, какъ наиболѣе видные дѣятели той географической эпохи, явились и инициаторами Географическаго Общества. Но осуществленіе идеи общества относится уже къ 40-мъ годамъ, когда академикъ Миддердофъ возвратился изъ своего

¹⁾ Матеріалами при составленіи настоящаго очерка послужили: „Очеркъ двадцати-пятилѣтней дѣятельности Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, Иркутскъ, 1876 г., „Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири“. Изд. В. П. Сукачева; „Старое время Сибирскаго Географическаго Общества“, статья Вагина въ „Сибирскомъ Сборникѣ“, изд. „Восточнаго Обзорнія“, „Заневскіи“ и „Извѣстія“ отдѣла и мелкіи газетныя статьи и записки.

знаменитаго путешествія на Таймырскій полуостровъ, въ Якутскую область и Приамурскій край, откуда онъ вывезъ богатый матеріаль. На обѣдѣ, данномъ въ честь знаменитаго путешественника, рѣшено было приступать къ выработкѣ устава географическаго общества. Рѣшѣнъ за тѣмъ въ кабинетѣ великаго князя Константина Николаевича и на квартирѣ Литке происходилъ рядъ совѣщаній, въ которыхъ принимали участіе: Литке, Врангель, Бэръ, Струве, Гельмерсенъ, Рикордъ, Бергъ, Арсеньевъ, Вронченко, Кеппенъ, Даль, Левшинъ, Муравьевъ, Перовскій, Чихачевъ и др. Эти лица и были учредителями Русскаго Географическаго Общества. Въ началѣ мая 1845 г. выработка устава была закончена и уставъ былъ представленъ министру внутреннихъ дѣлъ для доклада Государю Императору. Адмиралъ Литке при этомъ представилъ и докладную записку.

„Общество учреждается,—говорилъ онъ въ этой запискѣ,— для собранія и распространенія, какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами оной, возможно полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ: 1) въ отношеніи географическомъ, разумѣя подъ этимъ все, что принадлежитъ до землеописанія, мѣстности, физическихъ свойствъ природы и проч.; 2) въ отношеніи статистическомъ, понимая подъ этимъ словомъ не одинъ только подборъ бездушныхъ чиселъ, не одну количественную статистику, но и описательную или качественную, т. е. всѣ соизмѣримыя стіхія общественной жизни, и 3) въ отношеніи этнографическомъ, т. е. познаніе разныхъ племенъ, обитающихъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковѣднїя, какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ прежнемъ состояніи народовъ“...

6 августа 1845 г. временный уставъ общества былъ утвержденъ; изъ суммъ государственнаго казначейства ему была пожалована ежегодная субсидія въ 10.000 руб.; предсѣдателемъ общества съ Высочайшаго соизволенія былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ. 19 сентября того-же года происходило первое засѣданіе русскаго географическаго общества, на которомъ были произведены первые выборы 53-хъ дѣйствительныхъ членовъ.* 28-го декабря 1849 г. Русское Географическое Общество было наименовано Императорскимъ; въ этомъ-же году оно получило уставъ, управленіе и дѣленіе на отдѣленія: физической географіи, математической географіи, этнографіи и статистики.

Строительство Императорскаго Русскаго Географическаго Общества закончилось къ 1850 г. Въ виду того, что вся Россія того времени являлась новымъ міромъ, едва початымъ научными изысканіями, географическое общество поставило своею дѣлю—изученіе необъятнаго пространства нашей родины, а такъ-

же сопредѣльныхъ съ нею странъ Азіи. Такимъ образомъ, географическое общество явилось продолжателемъ тѣхъ русскихъ, которые еще въ XVI вѣкѣ начали свои изслѣдованія по направленію на Востокъ. Само собою разумѣется, что огромный районъ, намѣченный обществомъ для изученія, могъ быть обстоятельно обследованъ только при томъ условіи, если общество воспользуется научными силами, находящимися въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества. Географическое общество такъ и сдѣлало: оно рѣшило развить научную дѣятельность въ провинціи, чѣмъ внесло оживляющую струю въ захолустную жизнь окраинъ, въ томъ числѣ и Сибири.¹⁾

Сибирь, въ дѣлѣ изученія ея, во многомъ обязана ученымъ экспедиціямъ и экскурсіямъ, совершеннымъ въ разное время членами географическаго общества и на средства его. Чуть-ли не половина разнообразныхъ изданій общества посвящена именно сибиревѣдѣнію. Замѣчательно также, что значительная часть именъ, пользующихся почетною извѣстностью въ наукѣ, работали нѣкогда въ Сибири и содѣйствовали, а нѣкоторые и теперь продолжаютъ содѣйствовать всестороннему изученію нашей громадной окраины. Таковы имена П. И. Семенова, почтеннаго руководителя Географическаго общества, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Н. В. Пржевальскаго, Р. К. Маака, Гельмерсена, Венюкова, Полякова, Дыбовскаго, Годлевскаго, Чекановскаго, Шварца, Максимовича, Радде, Радлова (В. В.), Крапоткина, Федченка, Щуровскаго и мн. др.

Для привлеченія мѣстныхъ силъ къ научной работѣ, общество приступило къ открытію вспомогательныхъ отдѣловъ. Первымъ открытъ въ 1850 г. Кавказскій отдѣлъ, а затѣмъ, въ слѣдующемъ году Сибирскій, переименованный, съ открытіемъ Западно-Сибирскаго отдѣла, въ Восточно-Сибирскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Къ краткому обзору его полувѣковой дѣятельности мы и приступимъ.

Учрежденію Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества предшествовало учрежденіе при главномъ управленіи Восточной Сибири, по предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ, „Музея естественныхъ предметовъ.“ Распорядителемъ музея былъ избранъ инспекторъ иркутской губернской гимназіи В. И. Сѣдаковъ. Послѣдній ревностно взялся за дѣло: онъ составилъ руководство для собранія, препарированія, хра-

¹⁾ См. Рѣчь, произнесенную И. Н. Поповымъ въ Восточно-Сибирскомъ отдѣлѣ, по случаю 50-лѣтняго юбілея И. Р. Г. О., подъ заглавіемъ: „Географія и Императорское Русское Географическое Общество“. Сибирскій Сборникъ, изд. „Вост. Обзор.“
И. Г.

ненія и пересылки предметовъ, заготовлялъ всѣ нужные препараты и посуду, входилъ въ сношенія съ корреспондентами, отыскивая ихъ во всѣхъ углахъ Сибири. Плодомъ его усилій было созданіе музея, въ которомъ въ 1850 г. было уже собрано до 650 предметовъ по разнымъ отраслямъ естествознанія. Музей далъ значительный толчекъ къ развитію изслѣдованій нашей восточной окраины и способствовалъ возникновенію идеи объ учрежденіи такого общества, при помощи котораго изслѣдованія эти могли бы быть болѣе обширными и разнообразными, такъ какъ музей, все таки, преслѣдовалъ сравнительно узкія, чисто, если можно такъ выразиться, музейныя цѣли. Въ осуществленіи этой идеи принялъ горячее участіе тогдашній генераль-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ. Онъ остановился на мысли открыть въ Иркутскѣ филиальное отдѣленіе географическаго общества 6 іюня 1851 года было утверждено „Положеніе о Сибирскомъ отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго общества“. Побудительной причиной основанія этого отдѣла было сознаніе необходимости сосредоточить въ одномъ учрежденіи мѣстныя научныя силы и направить ихъ къ постоянной и правильной дѣятельности на мѣстѣ, чего не могли достигнуть экспедиціи, снаряжаемыя по мѣрѣ средствъ центрального управленія общества и не всегда соображенныя въ подробностяхъ съ мѣстными обстоятельствами.

17 ноября 1851 г., по приглашенію генераль-губернатора Муравьева и подъ его предѣлательствомъ, происходило открытіе дѣйствій отдѣла. Предѣлательствующимъ былъ избранъ К. К. Венцель, правителемъ дѣлъ Ю. И. Штубендорфъ.

„Для вновь основаннаго учрежденія,—говоритъ М. В. Загоскинъ въ своемъ „Очеркѣ двадцатипятилѣтней дѣятельности Сибирскаго отдѣла“, открывалось обширное поле дѣятельности. Было необходимо разработать программы будущихъ занятій отдѣла и его членовъ; завязались сношенія съ учеными обществами; было прислано множество статей географическаго содержанія. До 40 лицъ изъявили желаніе быть членами-сотрудниками и уже въ первый годъ существованія отдѣла явилась мысль объ изданіи печатнаго органа“...

Дѣятельность отдѣла съ самаго открытія распалась на три главные вида: снаряженіе экспедицій, отправку ученыхъ въ небольшія экскурсіи и кабинетную разработку научныхъ вопросовъ.

Первымъ солиднымъ ученымъ предпріятіемъ Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества была *вилюйская экспедиція*, издержки по которой принялъ на себя членъ-соревнователь отдѣла Соловьевъ. Экспедиція эта представляла большой научный и практическій интересъ, такъ какъ вилюйскій край, изобилующій солью и цвѣтными каменьями, до того времени почему-то

ускользаль отъ изслѣдованій и оставался весьма малоизвѣстнымъ. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ учитель Иркутской гимназіи Р. К. Маакъ, воспитанникъ Петербургскаго университета, натуралистъ по специальности. Экспедиція продолжалась ровно годъ—съ марта 1854 по мартъ 1855 года. Результатомъ этой экспедиціи явился обширный и превосходный трудъ: „Виллюйскаго округа, Якутской области“, изданный въ трехъ частяхъ, съ многочисленными рисунками, планами и таблицами. Сюда вошли: маршрутъ экспедиціи, рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій климатическихъ явленій края, подробное описаніе поѣздокъ Маака до крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ Виллюйскаго края, обширный матеріалъ для изученія естественно-историческихъ особенностей страны, ея флоры, фауны, геологіи и минералогіи. Третій томъ занятъ изслѣдованіями этнографическими, въ которыхъ говорится о бытѣ, промыслахъ, обычаяхъ, преданіяхъ туземнаго населенія. Тутъ-же помѣщены словари—якутскій и тунгусскій и примѣры мѣстныхъ особенностей русскаго языка у жителей Якутской области. Ко всему этому—чрезвычайно любопытное описаніе зимы крайняго сѣвера и тѣхъ невзгодъ, которыя пришлось перенести Мааку и его спутникамъ во время ихъ обратнаго пути.

Н. Г.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СМѢСЬ.

Къ введенію казенной продажи питей.

(Продолженіе, — см. кн. 10 тек. года).

Въ западной же Сибири дѣйствовала откупная система на основаніяхъ, сходныхъ съ установленными въ Европейской Россіи. Трудно сказать, какая изъ двухъ системъ—акцизно-откупное комиссіонерство или контрагентство—была лучше. И здѣсь и тамъ злоупотребленія откупщиковъ дошли до невѣроятныхъ размѣровъ; притѣмъ злоупотребленія эти были таковы, что они наносили вредъ не столько фискальнымъ интересамъ правительства (питейный сборъ возрасталъ изъ года въ годъ и ко времени введенія акцизной системы достигъ въ Сибири 5.966,7 тысячъ рублей въ годъ), сколько его престижу и экономическому благосостоянію низшихъ классовъ населенія. Администрація, начиная губернаторами и кончая лицами питейнаго отдѣленія, получала отъ откупщиковъ опредѣленную мзду и по-

тому, естественно, мирволила имъ и стояла за ихъ интересы. Поэтому бороться съ откупамъ, не уничтоживъ ихъ окончательно, не представлялось никакой возможности, какъ это и показали неудачныя попытки правительства улучшить ихъ въ томъ или другомъ отношеніи. Но самая печальная старина откупной системы состояла въ томъ, что „правительство, вынужденное заботиться о поддержаніи питейнаго дохода отъ возможнаго паденія, было поставлено въ необходимость относиться къ откупщикамъ не только снисходительно, но даже и оказывать нѣкоторое противодѣйствіе стремленію народа къ отрезвленію“ *).

Правительствомъ сознавался вредъ, приносимый откупной системой, и по Высочайшему повелѣнію въ 1859 году при министерствѣ финансовъ организованъ былъ особый комитетъ для разсмотрѣнія вопроса, „на какихъ началахъ долженъ быть установленъ питейный сборъ и для начертанія той системы сего сбора, которая окажется удобопримѣнимою къ государству“. Комитетъ остановился на мысли о введеніи акцизной системы. Мысль эта не нова, она возникла при графѣ Гурьевѣ, который высказывался еще въ 1817 году за введеніе акцизной системы, но находилъ ее въ то время преждевременной. Черезъ десять лѣтъ опять раздавались голоса за введеніе акциза, но преемникъ Гурьева графъ Канкринъ отнесся къ этой идеѣ несочувственно, полагая, что независимо отъ обременительности акцизовъ и крайней непопулярности способовъ ихъ изысканія, они неизбежно должны повести къ монополіи, *если преслѣдовать цѣль увеличенія государственныхъ доходовъ*

Установленная въ 1863 году, акцизная система покоилась на слѣдующихъ принципахъ: свобода производства крѣпкихъ напитковъ, свобода торговли ими, извлеченіе казной дохода посредствомъ обложенія выкуреннаго спирта (акцизъ) и посредствомъ обложенія мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ, и правительственный надзоръ какъ за производствомъ, такъ и за торговлей въ интересахъ главнымъ образомъ фискальныхъ.

Свобода производства крѣпкихъ напитковъ повлекла за собою уменьшеніе количества винокуренныхъ заводовъ и концентрированіе производства въ большихъ размѣрахъ въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ. Явленіе это наблюдалось почти во всѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи, но не коснулось Сибири, вѣроятно, вслѣдствіе того, что мелкихъ заводовъ, удовлетворявшихъ только мѣстнымъ требованіямъ, въ Сибири не было. Число винокуренныхъ заводовъ въ Сибири въ 1866—1870 г.г. было 45 съ ежегоднымъ производствомъ въ 2.551 тыс. ведеръ выкурки 40-градусной водки. въ 1899 году число заводовъ было 50 и вы-

*) „Каленная продажа питей“, под гл. упр. неокл. сб. и каз. прод. питей, прибавленія, стр. 44.

куривалось на нихъ 4.227 тыс. ведеръ водки крѣпостью 40°. Такимъ образомъ, число заводовъ въ Сибири не только не уменьшилось, но увеличилось. что объясняется громаднымъ приростомъ населенія за этотъ періодъ времени.

Громадное вліяніе оказала акцизная система на народную нравственность. При обсужденіи проекта введенія акцизной системы правительство руководилось мыслью о благотѣльности конкуренціи въ винной торговлѣ и удешевленіемъ напитковъ надѣялось достигнуть равномѣрнаго и умѣреннаго ихъ потребленія. Вслѣдствіе этого акцизъ былъ назначенъ чрезвычайно умѣренный (4 к. съ градуса), а патентный сборъ былъ даже больше чѣмъ умѣренный. Въ деревняхъ и во многихъ уѣздныхъ городахъ патентъ на открытіе кабака стоилъ только 15 руб. Кроме того, разрѣшено было производить выносную торговлю всемъ фруктовымъ и мелочнымъ лавкамъ. Благодаря уничтоженію откуповъ, водка подешевѣла вдвое, а мѣстами даже втрое, такъ что для народонаселенія уничтожены были все преграды къ злоупотребленію спиртными напитками: естественно, что это обстоятельство, въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, повело за собой чрезмѣрное развитіе пьянства. По изслѣдованіямъ А. Е. Рейнбота *) количество смертей отъ злоупотребленія алкоголемъ возрасло съ 1860 до 1870 года на 50—65%, и это обстоятельство г. Рейнботъ ставитъ въ зависимость отъ уменьшенія налоговъ и удешевленія спиртныхъ напитковъ. Положеніе его вполне подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что по мѣрѣ увеличенія акциза и патентнаго сбора число смертей отъ пьянства уменьшалось. Такъ, по свѣдѣніяхъ статистическаго комитета министерства финансовъ, въ періодъ 1870—1873 г.г., когда акцизъ на вино равнялся 6 коп. съ градуса, на 1 миллионъ жителей приходилось 70,6 смертей въ годъ отъ пьянства. Въ 1893—1894 г.г. при акцизѣ въ 10 к. съ градуса спирта, число смертей отъ пьянства сократилось до 40,9 на 1 миллионъ жителей.

Само собою разумѣется, что если дешевизна вина и свобода торговли имъ отразились даже на такомъ крайнемъ и исключительномъ явленіи, какъ смертность народа отъ пьянства то, безъ сомнѣнія, новые питейные порядки должны были повліять на все явленія жизни и при томъ именно въ направленіи развитія пьянства. Жалобы на пьянство сдѣлались, наконецъ, столь значительными, что обратили на себя вниманіе высшихъ правительственныхъ сферъ. Въ восьмидесятихъ годахъ образованы были комиссіи изъ „свѣдущихъ лицъ“, стоявшихъ близко къ народу,

*) „Алкоголизмъ въ Россіи и за границей“. „Русское Богатство“, 1884 г., № 11, и 1885 г. №№ 3, 4 и 5.

засвидѣтельствовавшая сильное развитіе въ народѣ пьянства, и это обстоятельство повлекло за собой изданіе въ 1885 г. закона, ограничившаго число распивочныхъ питейныхъ заведеній и подчинившаго наблюденіе за правильностью производства питейной торговли, сообразно съ мѣстными условіями жизни, особымъ уѣзднымъ и губернскимъ присутствіямъ, имѣвшимъ дискреціонное право не допускать къ питейной торговлѣ неблагонадежныхъ лицъ. Законъ этотъ не принесъ, однако, осизательныхъ результатовъ и хотя, благодаря ему, число мѣстъ продажи вина нѣсколько сократилось, но взамѣнъ этого увеличилось корчемство.

Резюмируя значеніе акцизной системы по отношенію къ народной нравственности, главное управленіе неокладныхъ сборовъ пришло къ заключенію, что „въ общемъ своемъ результатѣ акцизная система, въ отношеніи къ народной нравственности, по скольку послѣдняя зависитъ отъ потребления вина, привела лишь къ тому положенію, какое было до ея введенія,“ *) т. е. акцизная система оказалась въ дѣлѣ отрезвленія народа столь же несостоятельной, какъ и система откупная.

Придя къ убѣжденію въ несостоятельности акцизной системы, министерство финансовъ доказало цѣлымъ рядомъ положеній, основанныхъ на взятыхъ изъ дѣйствительной жизни примѣрахъ, что главной причиной массоваго, повальнаго пьянства народа является кабакъ и его владѣльцы, молящіеся одному богу—наживѣ и не останавливающиміеся ни предъ какими средствами; чтобы только зашибить лишній пятакъ или гривенникъ; поэтому предложеніе нѣкоторыхъ защитниковъ акцизной системы, настаивавшихъ на реорганизации ея путемъ учрежденія болѣе строгаго надзора за питейными домами и усиленія наказанія за корчемство и пріемъ въ залогъ вещей, принято не было и правительствомъ остановилось на мысли о необходимости совершенно уничтожить кабаки, вполне справедливо разсуждая, что одной изъ главныхъ причинъ повальнаго пьянства служитъ то обстоятельство, что при существующихъ порядкахъ для каждаго, желающаго выпить, слишкомъ много соблазна въ видѣ красующихся на каждой улицѣ и въ каждой деревнѣ вывѣсокъ, вѣщающихъ о продажѣ питей распивочно.

Уничтоженіе распивочной торговли, по мнѣнію министерства финансовъ, могло быть достигнуто въ томъ только случаѣ, когда сидѣльцы винныхъ лавокъ—люди благонадежные и незаинтересованные въ матеріальной сторонѣ дѣла. Иначе говоря, министерство пришло къ убѣжденію, что отрезвленіе народа возможно лишь при условіи передачи торговли виномъ въ руки назначенныхъ правительствомъ лицъ.

*) Казенная продажа питей“. Н. О. Осипова, стр. 184.

Такимъ образомъ, оказалось справедливымъ высказанное въ 1826 г. графомъ Канкриномъ мнѣніе, что акцизная система должна неизбежно повести къ монополии. Не правъ онъ оказался только въ томъ отношеніи, что утверждалъ, будто, введеніе казенной продажи питей будетъ вызвано фискальными цѣлями. Министерство финансовъ, объявляя о предстоящемъ введеніи монополии, заявило, что цѣлей фиска оно не преслѣдуетъ, наоборотъ—оно помирится съ уменьшеніемъ питейнаго дохода даже на половину, такъ какъ утвержденіе нѣкоторыхъ лицъ, что питейный доходъ занимаетъ видное мѣсто въ обще-государственныхъ доходахъ и уменьшеніе его должно отразиться на состояніи государственной кассы,—несправедливо, и улучшеніе экономическаго благосостоянія населенія важнѣе для государства, чѣмъ нѣсколько лишнихъ миллионовъ, получаемыхъ съ питейнаго сбора, поэтому при выработкѣ положенія о казенной продажѣ питей оно будетъ руководствоваться одной идеей, однимъ стремленіемъ: по мѣрѣ возможности уменьшить въ народѣ пьянство. Нисколько не сомнѣваясь въ искренности этого заявленія министерства финансовъ, не можемъ, однако, не отмѣтить, что предположеніе его о возможности пониженія питейнаго дохода оказалось, какъ видно изъ отчетовъ по губерніямъ, гдѣ введена казенная продажа питей, несомнѣтельнымъ. Напротивъ, почти повсемѣстно наблюдается ежегодный прогрессивный ростъ дохода, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (южныхъ и юго-западныхъ) увеличеніе количества потребляемаго вина. Отмѣчая послѣднее обстоятельство въ отчетѣ о казенной продажѣ питей, главное управленіе неокладныхъ сборовъ говоритъ, что увеличеніе количества потребляемаго вина не доказываетъ увеличенія пьянства и является вполне естественнымъ, такъ какъ среднее количество душевого потребленія вина въ Россіи слишкомъ ничтожно (0,56), оно можетъ быть значительно больше при совершенномъ почти отсутствіи пьянства, что и наблюдается за границей. Въ Англіи, напримѣръ, среднее количество вина, потребляемаго въ годъ однимъ человекомъ, достигаетъ 12 ведеръ, между тѣмъ массоваго пьянства тамъ не замѣчается. Поэтому увеличеніе общаго количества потребляемаго вина должно приписать увеличенію числа лицъ, его потребляющихъ, въ связи съ болѣе правдивымъ распредѣленіемъ всего вина между отдѣльными индивидуумами. Насколько вѣрно это утвержденіе главнаго управленія неокладныхъ сборовъ, по отсутствію точныхъ статистическихъ данныхъ, судить не можемъ.

В. О—ій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

Воскресныя школы.

Давно, безвозвратно прошло то время, когда невѣжество массъ возводилось въ принципъ, когда боялись дать народу образованіе, страшась, чтобы оно не открыло ему глаза на его положеніе...

Еще люди 60-хъ годовъ, люди ума и таланта, проникнутые свѣтлымъ сознаниемъ служенія народу, стремились помочь ему въ этомъ направленіи и, зная хорошо, что подростки изъ народа, зачастую занятые въ будни повседневною жизнью не имѣютъ возможности посѣщать школы, открыли воскресныя школы, въ которыхъ каждый желающій могъ-бы научиться читать и писать...

Первая воскресная школа была открыта 14 октября 1856 г. въ Кіевѣ по инициативѣ попечителя учебнаго округа Н. И. Пирогова

Съ тѣхъ поръ мы видимъ поразительный ростъ этихъ школъ. За время 1858 г. до 1867 г. ихъ было открыто на Руси 300, что служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ жгуча была потребность народа въ образованіи

Это тѣмъ еще знаменательнѣе, что случилось тогда, когда крѣпостное право только что было отменено и народъ еще не успѣлъ вполне встряхнуть съ себя привычки прошлаго..

Затѣмъ, въ жизни воскресныхъ школъ наступаетъ затишье..

И много потребовалось времени, чтобы онѣ вновь организовались, вновь получили-бы право гражданства на родной почвѣ..

Правда, въ 1866 году были открыты воскресныя школы при духовныхъ семинаріяхъ, но дѣло тамъ велось невозможнымъ образомъ, о чемъ свидѣлствуетъ В. П. Вахтеровъ въ своей книгѣ „Внѣшкольное образованіе народа“. Такъ, въ одной изъ такихъ школъ изъ 40 мальчиковъ за годъ выучилось читать и писать только трое... При такой постановкѣ дѣла эти школы не могли сыграть никакой роли въ дѣлѣ просвѣщенія народа: онѣ прозябали нѣкоторое время и, затѣмъ, закрылись сами по себѣ...

А между тѣмъ—потребность въ образованіи въ народѣ росла и крѣпла: школьники требовали школы и она была имъ дана людьми 70-хъ годовъ и санкціонировавшая иоложеніемъ 1874 года...

Этимъ положеніемъ всѣ воскресныя школы отнесены къ начальнымъ училищамъ. Онѣ могутъ быть учреждаемы правительствомъ, обществами городскимъ и сельскимъ, а также и частными лицами... Въ этихъ школахъ могутъ преподаваться: 1) Законъ Божій (краткій катехизисъ и св. исторія), 2) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, 3) письмо. 4) первыя четыре дѣйствія ариметики, 5) церковное пѣніе и только...

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четверти вѣка. Положеніе 1874 года, быть можетъ, было хорошо для своего времени,—теперь же оно устарѣло. Жизнь идетъ впередъ и предъявляетъ инныя требованія, болѣе широкія. Подростки стучатся въ двери школы и претендуютъ на большія знанія, а наши воскресныя школы—школы только начальной грамотности и не могутъ, при всемъ желаніи, удовлетворить ихъ жажду знанія..

Цѣлью воскресныхъ школъ должны быть тѣ идеалы, которые дѣлѣялъ Стоюнинъ еще въ 60-тыхъ годахъ

Воскресныя школы, заповѣдалъ намъ Стоюнинъ, этотъ лучший борецъ за народное просвѣщеніе, должны давать каждому желающему тѣ знанія, въ которыхъ онъ нуждается и гостепріимно открывать двери и для тѣхъ, которые уже знакомы

съ курсомъ начальныхъ училищъ. А положеніе 1874 года смотритъ на нихъ только какъ на школы грамотности...

Воскресныя школы собираютъ подъ знамя просвѣщенія учениковъ всѣхъ возрастовъ, различной подготовки. Здѣсь можно встрѣтить и малыша лѣтъ 8—9-ти, и человекъ среднихъ лѣтъ, и убѣленного сѣдинами; сюда приходятъ вовсе не умѣющіе ни читать, ни писать и лица съ сравнительно серьезной подготовкой, окончившіе уѣздное училище.

Мыслима-ли при этомъ какая бы то ни было программа? Ею можно только отбить охоту отъ занятій, внушить неуваженіе къ школѣ.

Отсюда естественно вытекаетъ нежелательность какой бы то ни было программы, т. е. тѣхъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыхъ пришлось бы втиснуть подростковъ, или рамокъ слишкомъ широкихъ, которыя могутъ оказаться для нихъ лабиринтомъ...

Поимю просвѣдательной цѣли, школа—что очень важно—должна носить и общественно-воспитательный характеръ... Она должна уяснить молодому поколѣнію принципы рациональной нравственности и общественной солидарности, она должна внушить имъ простые, ясные взгляды на жизнь, любовь къ ближнему, заботы о слабомъ, пробудить въ немъ, въ школьникѣ, всѣ лучшія стороны человекъ, посвятить въ немъ доброе сѣмя гражданскихъ чувствъ, любовь къ отчизнѣ и уваженіе къ нашимъ лучшимъ людямъ...

Для этого школа путемъ разумныхъ чтеній и бесѣдъ всѣчески должна объяснять имъ, какъ ихъ права, такъ и ихъ обязанности, начала общественной солидарности, знакомить съ положеніемъ страны въ ея прошломъ, въ ея настоящемъ...

Воскресная школа должна объединить подростковъ всѣхъ возрастовъ, организовавъ об—ва взаимопомощи, гдѣ бы подрастающее поколѣніе могло практиковать эту солидарность, подготовляясь къ общественной дѣятельности.

Во Франціи, напримѣръ, уже существуетъ 2017 такихъ обществъ; они обнимаютъ собою 12 тысячъ народныхъ школъ, они имѣютъ 1/2 милліона ежегодныхъ членскихъ взносовъ и 3 милліона франковъ основного капитала. И школьники Франціи раздали своимъ нуждающимся товарищамъ за одинъ прошлый годъ до 700 тыс. франковъ

И только тогда, когда наши воскресныя школы стануть преслѣдовать эти двѣ цѣли—просвѣдательную и воспитательную, онѣ будутъ стоять на высотѣ своего призванія и удовлетворять разумнымъ требованіямъ жизни...

Дмитрій Вольфсонъ.

Къ вопросу о тюрьмѣ и ея обитателяхъ.

Нормальный и здоровый человекъ рѣдко вспоминаетъ о больныхъ и лекарствахъ, нормальный и свободный человекъ еще рѣже думаетъ о преступникахъ и тюрьмахъ. Развѣ только, проходя по улицамъ города и встрѣтивъ необычный сѣрый арестантскій костюмъ, мелькнетъ у свободного человека скоро-преходящая мысль о „несчастненькихъ“, мелькнетъ, вызоветъ смутные, расплывчатые образы тюремнаго царства и улетучится до новаго случая. Нужны такіе таланты, какъ Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевскій, и такіе наблюдатели, какъ Л. Мельшинъ, А. Чеховъ и В. Дорошевичъ, чтобы сильнѣе привлечь вниманіе общества къ средѣ отверженныхъ и показать въ этой средѣ неумирающіе элементы человечности, объявить міру съ проникновенною силою таланта о томъ неизмѣримомъ морѣ страданій и горя, которое закрыто отъ глазъ свободного человека непроницаемыми стѣнами мрачныхъ тюремъ и остроговъ.

Развертывая передъ читателемъ съ удивительнымъ реализмомъ, насквозь проникнутымъ чувствомъ человечности, потрясающія картины изъ среды „образовъ звѣриныхъ“ и призывая его нравственное чувство туда, гдѣ трудно дышется, гдѣ горе слышится, изящная литература все-же не могла, конечно, дать точное знаніе о тюрьмѣ и ея обитателяхъ, а это точное знаніе крайне необходимо для того, чтобы получилась возможность оказанія существенной помощи тамъ, гдѣ она необходима, какъ воздухъ. Изящная литература могла только составить интересную главу въ цѣлой наукѣ о преступникѣ. И мы видимъ, что, на примѣръ, знаменитый итальянскій ученый Энрико Ферри удачно занялся изученіемъ этой главы, опубликовавъ свои работы по вопросу о преступникахъ въ искусствѣ.

Разсматривая исторію науки о преступленіи и преступникѣ, невольно удивляешься тому обстоятельству, что эта наука, трактующая вопросы великой общественной важности, сравнительно очень недавняго происхожденія. Почти на всемъ протяженіи человѣческой культуры царитъ самый суровый взглядъ на преступника и самое формальное, отвлеченное понятіе о преступности, не дающее мѣста для сострадательнаго чувства, не допускающее мысли о томъ, что среди самыхъ тяжелыхъ нарушителей человѣческихъ законовъ легко могутъ быть безъ вины виноватые. Общество и общественное правосознаніе всю вину въ преступленіи приписывало исключительно злой волѣ преступника и, карая его самыми тяжелыми наказаніями, навсегда отвергивалось отъ него, какъ отъ зачумленнаго. „Для юриста старой школы,—говорилъ въ публичной лекціи г. Воротынскій,—преступникъ является лишь объектомъ для примѣненія отвлеч-

ченныхъ формулъ, выведенныхъ путемъ теоретическихъ построе- ній; жизненная, реальная сторона вопроса о преступности и ея ближайшихъ причинахъ не останавливала на себѣ вниманія юристовъ-классиковъ, которые исключительно заботились о томъ, чтобы по возможности точнѣе опредѣлить юридическія послѣд- ствія каждаго даннаго преступленія; объ изученіи личности преступника, его психо-физической организаціи не было и рѣчи; всѣ преступленія сводились къ „злой волѣ“ преступника, вслѣд- ствіе чего онъ, какъ обладающій свободной волей, ¹ долженъ всегда и неизмѣнно нести соотвѣтствующую кару за свои про- тивозаконные поступки и дѣйствія; наказаніе преступника должно было служить при этомъ необходимой мѣрой устрашенія, на- дежнымъ средствомъ исправленія. Такимъ образомъ, въ наказа- ній видѣли все: и необходимое возмездіе, какъ кару за причи- ненный вредъ, и средство къ предупрежденію преступленій, и мѣру къ ихъ уменьшенію. Сами же преступники не являлись для юстиціи объектомъ изслѣдованія, не служили юристу пред- метомъ для наблюденія и изученія: установивши преступленіе и опредѣливъ за него должную кару, правосудіе тѣмъ самымъ считало свою задачу выполненной, свою миссію—оконченной“ *).

Такой исключительно формальный взглядъ на преступленіе и преступника существовалъ до самаго послѣдняго времени. Только въ 70-хъ годахъ истекшаго столѣтія въ Италіи обра- зовалась цѣлая школа ученыхъ, во главѣ съ профессоромъ Ту- ринскаго университета П. Ломброзо, которая впервые и заня- лась изученіемъ преступника, какъ особаго тѣла людей. Эта школа получила названіе уголовно-антропологической. Новое ученіе о преступникѣ встрѣчено было оживленной критикой, и скоро въ самой партіи образовалось нѣсколько самостоятель- ныхъ фракцій. Признавая за установленный фактъ, что престу- пленіе есть патологическое явленіе въ нормальной обществен- ной средѣ, ученіе расходилось въ опредѣленіи тѣхъ факторовъ, которые приводятъ человѣка къ преступленію. Одни изъ уче- ныхъ (Итальянская школа) на первый планъ выдвигали антро- пологическій интересъ и первенствующее мѣсто отдавали біоло- гическимъ факторамъ, другіе—усматривали въ преступленіи прежде всего патологическое соціальное явленіе и выдвигали на первое мѣсто соціальныя факторы. Такъ учить Ліонская школа во главѣ съ знаменитымъ соціологомъ Тардомъ.

Оставляя пока въ сторонѣ подробную характеристику обоихъ направлений, мы укажемъ на чрезвычайно важное послѣдствие новаго ученія въ сферѣ практической борьбы съ преступностью и преступленіемъ. Измѣнивъ радикальнымъ образомъ взглядъ на преступленіе и преступника, новая школа естественнымъ

*) „Ж. М. Ю.“ 1901 г. № 7, II ч. 5—6 стр.

образомъ должна была измѣнить взглядъ и на наказаніе, и на его разнообразныя формы. Ранѣе считалось установленной аксіомой, что за преступленіемъ всегда должно слѣдовать наказаніе, которое одновременно должно было служить двѣ службы: явиться справедливымъ возмездіемъ и необходимымъ воспитательнымъ средствомъ. Тщательное изученіе преступности показало всю неосновательность такого убѣжденія: цифры говорили совершенно обратное. Одинъ изъ видныхъ криминалистовъ, Г. von Liszt, *) изучившій уголовную статистику Германіи за 1882—1897 годы, сдѣлалъ такое наблюденіе, что преступность въ Германіи отнюдь не уменьшилась, а постоянно возрастаетъ. Въ 1882 году, напр. осужденныхъ малолѣтнихъ преступниковъ было въ Германіи 30719 человекъ, а въ 1897 году эта цифра возросла почти въ полтора раза—45251 человекъ. Подобныя статистическія выводы дали возможность г. Liszt'у сдѣлать слѣдующій справедливый выводъ: «наши наказанія не исправляютъ, не устрашаютъ и не оказываютъ предупредительнаго воздѣйствія, т. е. не воздерживаютъ отъ преступнаго посягательства; они, напротивъ, по большей части лишь укрѣпляютъ побужденія къ преступной дѣятельности». Въ своемъ сочиненіи о преступленіи, какъ социально-патологическомъ явленіи, названный ученый выставляетъ слѣдующіе три тезиса: 1) вѣроятность учиненія преступнаго дѣянія лицомъ, уже однажды наказаннымъ, больше, чѣмъ лицомъ, еще не подвергшемся наказанію; 2) вѣроятность учиненія преступнаго дѣянія растетъ вмѣстѣ съ числомъ отбытыхъ наказаній; 3) вѣроятность, что отбывшій наказаніе въ непродолжительномъ времени учинитъ новое преступное дѣяніе, возрастаетъ вмѣстѣ съ продолжительностью срока отбытыхъ наказаній».

Въ этихъ выводахъ германскаго ученаго произносится смертный приговоръ современной пенитенціарной системѣ II, дѣйствительно, такое возрѣніе начинаетъ понемногу вѣдраться въ сознаніе общества, начинаетъ прививаться лицамъ, близко стоящимъ къ тюремному міру. Оффиціальныя и неоффиціальныя журналы начинаютъ обсуждать эти важные вопросы, на очередь ставится тюремная реформа, созываются съѣзды и конгрессы криминалистовъ, учреждается постоянный „Международный Союзъ Криминалистовъ“, отдѣленіе котораго дѣйствуетъ и въ Россіи **).

Между прочимъ, считаемъ нужнымъ отмѣтить прекрасный докладъ профессора по кафедрѣ психіатріи въ Вѣнскомъ университетѣ г. Бенедикта, прочитанный имъ на недавнемъ конгрессѣ криминальной антропологіи въ Амстердамѣ ***).

*) Цитирую по ст. Воротынского.

***) См. отчеты о засѣданіяхъ русск. группы „М. С. К.“ въ Журн. Мин. Юст. .

***) Отчетъ о докладѣ напечатанъ въ 38 № „Судебн. Газеты“ за тек. годъ.

Профессоръ Бенедиктъ вмѣстѣ съ другими учеными одинаково признаетъ негодность современной карательной системы: онъ не допускаетъ мысли о томъ, чтобы современное наказаніе, преслѣдующее двѣ противоположныхъ цѣли, могло-бы имѣть хотя какой нибудь благотворный результатъ. Современная пенитенціарная система видитъ только одного отвлеченнаго, шаблоннаго преступника и карастъ всѣхъ преступниковъ одинаковыми мѣрами. Однобокость такого взгляда г. Бенедиктъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ устанавливаетъ за исходный пунктъ разсужденія слѣдующее положеніе: каждое человѣческое дѣяніе есть продуктъ многихъ факторовъ и, прежде всего, зависитъ отъ природныхъ наклонностей, а, затѣмъ, отъ степени развитія, отъ пережитаго, передуманнаго и воспринятаго. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, — говоритъ онъ, — что развитіе не можетъ идти противъ природы, а можетъ лишь усилить одни, ослабить другія свойства, дать сдерживающіе и уравнивающіе импульсы и даже подавить нежелательныя природныя наклонности. Но, все таки, иныя вліянія такъ бывають значительны, что, получая значеніе почти природныхъ свойствъ, образуютъ то, что принято называть второю природою. По мнѣнію г. Бенедикта, ученые до сихъ поръ игнорировали эту „вторую природу“ у преступниковъ, но наука и практика должны тщательно разработать этотъ вопросъ и „только тогда можно будетъ прослѣдить истинный характеръ каждаго преступленія и, въ зависимости отъ выяснившихся такимъ изслѣдованіемъ данныхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принять соотвѣтствующія мѣры“. Такое представленіе о преступности приводитъ профессора къ установленію слѣдующей тройной классификаціи преступниковъ: 1) преступники съ природными аномальными наклонностями, совершающіе противообщественныя преступленія (агенераты); 2) преступники, сдѣлавшіеся таковыми вслѣдствіе ненормальнаго развитія и окружавшей ихъ среды (дегенераты); 3) случайные преступники, которыхъ проф. Бенедиктъ называетъ совратившимися, эгенератами.

Естественно, что при каждомъ отдѣльномъ случаѣ преступленія необходимо твердо и точно установить тотъ разрядъ, къ которому относится преступникъ, и, сообразно этому разряду, примѣнить мѣру и степень наказанія. По мнѣнію проф. Бенедикта всегда необходимо обезвредить неисправимыхъ и исправить тѣхъ, кто еще носитъ въ себѣ задатки къ исправленію. Многовѣковая исторія карательныхъ мѣръ краснорѣчиво говоритъ намъ о томъ, что мы всегда можемъ обезвредить неисправимыхъ, но что касается исправленія, то здѣсь современная пенитенціарная система должна признать себя совершенно безсильной. Это бесиліе — великій грѣхъ общественной совѣсти предъ тѣми, кого русскій народъ называетъ „несчастными“.

Извѣстный русскій криминалистъ Д. А. Дриль совершенно справедливо указалъ на то, что исправленіе, даже уголовное, по самому существу своему, тождественно съ воспитаніемъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, или, такъ какъ дѣло касается взрослыхъ, съ перевоспитаніемъ. Обычно такое правильное возрѣніе встрѣчается скептическимъ вопросомъ: „неужели возможно воспитать или перевоспитать взрослого человѣка?“ — Такой вопросъ, конечно, совершенно умѣстенъ. Прочитывая многочисленныя статьи объ „уголовномъ перевоспитаніи“, мы не разъ встрѣчали очень уже оптимистическія возрѣнія по этому вопросу, и совершенно умѣстно здѣсь припомнить умныя рѣчи великаго философа Шопенгауэра. Шопенгауэръ заявляетъ со свойственной ему пронизательностью, что „для дѣйствительнаго исправленія человѣка требовалось бы преобразить весь родъ восприимчивости къ мотивамъ, т. е. сдѣлать такъ, чтобы для одного чужое страданіе, какъ таковое, не было болѣе безразлично: для другого — чтобы ему не доставляло болѣе удовольствія причиненіе страданій, а для третьяго — чтобы всякое, даже ничтожное увеличеніе его благоденствія не превѣшивало и не парализовало всѣхъ другого рода мотивовъ“. Въ этихъ словахъ философа мы встрѣчаемъ характерное опредѣленіе сущности уголовного перевоспитанія. При этомъ единственно, что Шопенгауэръ считаетъ достижимымъ, это — „просвѣтить голову, исправить взгляды, привести человѣка къ правильному пониманію объективно существующаго, истинныхъ отношеній жизни“. На такой путь встала, между прочимъ, американская пенитенціарная система.

Если пошире взглянуть на этотъ вопросъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что онъ сливается съ вопросомъ объ общественномъ упорядоченіи, и игнорированье его есть великій дефектъ современной общественности. Упомянутый выше криминалистъ Д. А. Дриль справедливо отмѣчаетъ то обстоятельство, что къ разрѣшенію вопроса объ общественномъ упорядоченіи общество призывается не только мечтательными гуманными теоріями, но и самую жизнь, подчиняющейся въ своемъ развитіи непреложнымъ законамъ. — Жизнь не стоитъ и не ждетъ, — пишетъ г. Дриль, — а неустанно движется впередъ, порождая при этомъ многообразныя измѣненія и осложненія въ окружающемъ насъ мірѣ. Населеніе растетъ и измѣняется въ своемъ отношеніи къ пространству и притомъ измѣняется теперь въ такой быстро возрастающей прогрессіи, въ какой оно не имѣлось прежде, и бывшій когда-то просторъ въ значительной уже части отошелъ или отходитъ въ область преданій; нарождаются и быстро растутъ громаднѣйшія городскія скопленія людей съ ихъ своеобразными особенностями; развивается машинизмъ, стремящійся упразднить трудъ человѣка, а съ нимъ вмѣстѣ увеличивается съ

одной стороны, число людей, при теперешнихъ условіяхъ лиш-
нихъ и часто не знающихъ, куда преклонить свою отъ самаго
рожденія обездоленную голову, а съ другой—увеличиваются въ
числѣ невольно манящія къ себѣ удобства и блага жизни, дос-
тупныя, однако, далеко не для всѣхъ; сравнительно быстро раз-
вивается мощь техники и отдаетъ въ руки счастливицевъ распо-
ряженіе великими силами природы; накаплиются знанія, а съ
тѣмъ вмѣстѣ усиливается научно-практическій критицизмъ и
умственные горизонты расширяются; невѣроятно увеличиваются
быстрота и легкость сношеній и разнообразныхъ соприкоснове-
ній, ускоряется общій темпъ общественной жизни, чрезвычайно
осложняются взаимныя отношенія и зависимости какъ отдѣль-
ныхъ лицъ, такъ и общественныхъ группъ и отдѣльныхъ націй,
и все болѣе выступаетъ на первый планъ общеміровая сцена, а
наряду съ этимъ, какъ необходимое слѣдствіе дѣйствующихъ
теперь факторовъ, усиливается взаимная борьба за существо-
ваніе... *)

Понятно, что повышенный и ускоренный темпъ современной
жизни, повышенная и интенсифицированная борьба за жизнь
производятъ слишкомъ много человѣческихъ краховъ, такъ какъ
нужно имѣть хорошую голову и хорошую волю, чтобы избѣ-
жать этихъ краховъ. И тысячу разъ правъ Шопенгауэръ, что
необходимо прежде всего „образумить“ зарвавшася человѣка,
потерявшаго способность различать смутную для многихъ гра-
ницу добра и зла, границы дозволенного и недозволенного. Тѣ
же средства карательной системы, которая употреблялись до-
нынѣ, болѣе уже негодны, безцѣльны и слабосильны. Борьба съ
преступностью должна, наконецъ, выйти изъ узкихъ рамокъ
полицейско-административнаго вопроса: она должна сдѣлаться
соціальнымъ вопросомъ, вопросомъ общественнаго упорядоченія,
при которомъ всего менѣе нужны ужасы тюрьмы и каторги.

Разрѣшеніе этого важнаго общественнаго вопроса лежитъ
въ отдаленномъ будущемъ. Пока же культурныя страны высту-
паютъ на путь частичныхъ улучшеній и въ основу этихъ улуч-
шеній кладется хороший завѣтъ инициатора лондонскаго между-
народнаго тюремнаго конгресса д-ра Wines: „мудро обращаться
къ лучшимъ чувствамъ челоѣчества даже тогда, когда мы
имѣемъ дѣло съ людьми низкими и деградированными. Обра-
щайтесь съ виновникомъ зла, какъ съ подобнымъ, и болѣе,
нежели вѣроятно, что его воля отзовется на вашъ призывъ;
обращайтесь съ нимъ, какъ съ собакой, и онъ будетъ дѣйстви-
вать, какъ она“.

М. Боголѣвъ.

*) „Ж. М. Ю.“ № 7, 1901 г., стр 108—104

Замѣтки наблюдателя.

(Отголоски дѣла поручика К—а. Наши публицисты. Мнѣніе генерала М. Драгомырова. Рѣчь орловскаго предводителя дворянства М. Стаховича о свободѣ совѣсти. Отклики русской печати на эту рѣчь и мнѣніе священника Т. Черкаскаго. Кто правъ? Школьные сберегательныя кассы и ихъ отрицательное значеніе. Реформа въ еоодосійской женской гимназіи. Два слова о бояѣ, высѣченной крапивой, и нравахъ за-райцевъ. Кіевскіе селадоны.)

Дѣло объ убійствѣ въ петербургскомъ зоологическомъ саду поручикомъ К. г. М., породившее такъ много толковъ и мнѣній, дало намъ поводъ еще разъ убѣдиться, насколько мы еще близоруки и какъ трудно иногда, если не всѣмъ, то нѣкоторымъ, разжевать такіе вопросы, гдѣ нужны не потуги остроумія, а просто логика и знаніе своего отечества. Нѣсколько времени назадъ въ другомъ мѣстѣ и по другому случаю мы уже говорили, что наша публицистика измелъчала и представляетъ собою нѣчто достойное вниманія, какъ переживающая, новидимому, переходное время, такъ сказать, „легкій кризисъ мысли“, и, вслѣдствіе этого, носящая оттънокъ дряблости, чего-то стараго, избитаго и нѣсколько разъ пережеваннаго. Къ такому выводу насъ привели долгія наблюденія и думаемъ, что не только мы одни, но и другіе, которые интересуются прогрессомъ русской жизни и мысли, замѣтили, какъ мало у насъ идейныхъ, сильныхъ мыслю, работниковъ печати и какъ часто трезвое слово ихъ, раздавшееся съ общественной трибуны и бичующее то или другое явленіе, мгновенно поступаетъ въ „переработку“ и „перелицовку“; другими словами говоря, подхватывается на-лету разными ловкачами печати, особенно претендующими на званіе литератора, и начинается... жеванье чужихъ мыслей, вставки, передѣлки, словомъ—литературная стражня—гдѣ своего ни волоска, а чужого вдосталь... Однимъ изъ характерныхъ подтвержденій замѣчаемаго явленія можетъ служить и дѣло К., облетѣвшее всю Россію и вызвавшее бурную словесную войну между лейбъ-публицистами, просто публицистами и quasi-публицистами. Даже „Мос. Вѣд.“ и тѣ произвели эффектную пальбу, немножко трескучую и оглушительную,—какъ и слѣдовало ожидать, оставшии при особомъ мнѣніи... Въ столичной и провинціальной печати мнѣнія по сему поводу разошлись и даже настолько, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли между собою очень мало точекъ соприкосновеній, точно люди говорили на двухъ разныхъ языкахъ и, въ то-же время, о предметѣ, который со всѣхъ сторонъ представлялъ нѣчто новое, незнакомое, такъ сказать, terra incognita... Можетъ быть, все это произошло случайно, неожиданно, но съ другой стороны возможно предполагать и нѣчто другое

Предлагают дозволить носить гражданское платье нашимъ военнымъ и этимъ самымъ находить возможнымъ разрѣшить кардинальный вопросъ о мундирной чести. По ихъ мнѣнію, такимъ образомъ, будутъ отбаваны всѣ пути къ случайнымъ столкновениямъ и будетъ найденъ наилучшій выходъ изъ того заколдованнаго круга, изъ котораго нѣтъ иного выхода, кромѣ кровавой развязки. Но все это, по нашему мнѣнію, плоть незрѣлой мысли. Мы позволяемъ себѣ сослаться въ доказательство безосновательности предложенія на такой авторитетъ, какъ генералъ М Драгомировъ. Чтобы избѣжать столкновений, генералъ рекомендуетъ другое болѣе простое и лучшее средство. Мундирная честь, говоритъ генералъ, есть святня, которую не слѣдуетъ вездѣ и всюду высовывать на показъ, и еще болѣе нельзя той-же святнѣйшей устилать пробѣжнія дороги, чтобы нашъ девизъ, наше заветнѣйшее „credo“ не было попрано и оскорблено невѣрными. Мысль эту еще лучше развиваетъ газета „Россія“. Не будетъ, говорить она, въ пьяныхъ мѣстахъ мундира,—не будетъ возможности и къ случайнымъ оскорблениямъ чести мундира. Логика простая и ясная.

Да, дѣйствительно, простая и ясная и къ тому-же старая, давно известная и даже имѣвшая свое практическое примѣненіе. Такъ, напр., въ одномъ военномъ южномъ округѣ мы знаемъ, существовалъ приказъ о томъ, чтобы г.г. офицеры не посѣщали-бы такихъ-то и такихъ-то увеселительныхъ мѣстъ подлѣ опасеніемъ подвергнуться дисциплинарному взысканію. Несомнѣнно, такой приказъ былъ продиктованъ желаніемъ оградить офицеровъ отъ случайныхъ столкновений, легко и быстро вспыхивающихъ тамъ, гдѣ посѣтители, налившись „отечественною“ и разными настоекками, въ большинствѣ случаевъ, перестаютъ чувствовать подлѣ собою почву и часто переходятъ границы приличія. Въ такой атмосферѣ, гдѣ нравственность виситъ на волоскѣ, гдѣ „дымъ коронословъ стоитъ“, гдѣ за людей устами людей говоритъ „сногшибательная влага“, не мѣсто мундиру—этой святни, какъ выражается генералъ М. Драгомировъ. Что-же тутъ непонятнаго или неяснаго? Но въ томъ-то и дѣло, что... случается невѣдно намъ и трудъ и мудрость видѣть тогда... когда ларчикъ открывается просто. Съ вопросомъ о мундирной чести случилось тоже самое. Въ трогательныхъ сентенціяхъ—договорились чуть-ли не до геркулесовыхъ столбовъ: съѣхались, перепутались и не разѣхались. Завяжи въ дѣбряхъ „сырыхъ мыслей“ и пошли строчить турусы на колесахъ, подбавлявая себя бронушекъ-секаровской жидкостью и легкими полетами мыслей на западъ, рисующей многимъ только въ розовыхъ краскахъ. Такъ, одинъ „нововременскій“ оригиналъ, въ пылу логическихъ заблужденій, бія себя въ перси, рѣшительно совѣтуетъ дозволить офицерамъ носить гражданское платье внѣ службы. И вотъ почему! Почтенный и святой символъ обязательно выкачивается наружу въ неподходящемъ мѣстѣ при неизнѣнни права надѣвать гражданское платье, но если на такой случай дозволить снять внѣшній символъ, то это вовсе не будетъ значить, что тѣмъ самымъ онъ вытравляется и изъ сердца. Но—хорошо: зачѣмъ-же, спросимъ мы, показываемъ въ неподходящемъ мѣстѣ? Разъ ово неподходящее, то мы думаемъ, что даже и штатскіе, прежде чѣмъ объявиться тамъ, подумаютъ надъ этимъ...

Такъ къ чему-же, какая надобность идти туда, куда войти нѣмного предосудительно. Но—мы примемъ эти lamentаціи на-вѣру и зададимъ автору другой вопросъ: а съ точки зрѣнія дисциплины—какъ обстоитъ дѣло? Вопросъ этотъ авторъ благо-равною опускаетъ, обходить: такъ какъ, само собою разувѣется, что чуть только авторъ коснулся-бы его, аргументація разлетѣлась-бы вдребезги. Слона-то, какъ видно, авторъ не приѣхтилъ, а между тѣмъ—интересы дисциплины прямо таки идутъ въ разрѣвъ съ предлагаемымъ новшествомъ. Военская дисциплина живетъ не только на службѣ омъ долгѣ въ уакомъ значеніи, а слагается изъ совокупности ряда требованій и правилъ одинаково необходимыхъ какъ въ строю, такъ и внѣ строя, и имѣющихъ цѣлью поддерживать твердую, разумную и неизблемую дисциплину.

Мы, съ своей стороны, по данному вопросу рѣшительно присоединяемся къ мнѣніямъ генерала М. Драгомирова и газеты „Россія“ и думаемъ, что ломать въ нѣкоторыхъ частяхъ общій военскій порядокъ врядъ-ли слѣдуетъ, хотя-бы уже потому, что выходъ изъ этой житейской альтернативы, все таки, есть. Для этого слѣдуетъ только пронавести регистрацію неподходящихъ мѣстъ п сдѣлать соответствующее распоряженіе. Вотъ все, что нужно!

Немного, но много!

Какъ видите, самъ по себѣ выдвинутый вопросъ вовсе не такъ сложенъ, чтобы сокрушаться надъ нимъ и въ поискахъ истины блуждать съ фанеломъ въ рукахъ по дебрямъ здраваго смысла. А между тѣмъ, чего-чего только не наговорили! И гражданское платье, и „финансовое“ положеніе военныхъ, и „особая каста“, и прочія громкія слова, иначе говоря, рецепты для спасенія отечества, выуженные изъ вбаламученныхъ болотъ сверхъ-соображеній... Въ „Моск. Вѣд.“ г. Хозарскій—такъ этотъ даже, со свирѣпостью Малюты Скуратова, провозгласилъ „слово и дѣло“ по адресу „Россія“, обозвавъ сотрудниковъ этой газеты „эмиссарами Пугачева“, и пр.

Да, многое наговорили и, конечно, среди общаго шума слышались и трезвые слова, но ихъ было немного и думаемъ только потому, что истинно-просвѣщенныхъ публицистовъ у насъ довольно мало. Вотъ и сейчасъ поднять весьма серьезный вопросъ о свободѣ совѣсти, но по поводу рѣчи М. Стаховича, произнесенной на орловскомъ миссіонерскомъ сѣздѣ. По поводу рѣчи М. Стаховича одна изъ столичныхъ газетъ говоритъ:

„На дняхъ въ Орлѣ закончилъ свои занятія мѣстный миссіонерскій сѣздъ, разсматривавшій рядъ вопросовъ о борьбѣ православія съ обурѣвающими его ересями и сектами. Въ одномъ изъ собравшій сѣзда орловскій губернской предводитель дворянства М. А. Стаховичъ произнесъ интересную рѣчь, касающуюся одного изъ самыхъ наиболѣвшихъ неотложныхъ и важныхъ вопросовъ русской государственной и общественной жизни—вопроса о свободѣ совѣсти. Уже давно это элементарное право властно требуетъ себѣ осуществленія. Уже давно и церковь въ истинномъ значеніи этого слова—и вѣрующіе жаждутъ реальнаго признанія вѣковѣчной истины: въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ слово. Все величье, вся внутренняя красота христіанства лежатъ въ этой вѣковѣчной истинѣ,—и не православной церкви, не знавшей костровъ, инквизиціи и непогрѣшимаго папства, уклоняется въ сторону іезуитства и уголовной эгиды налъ тѣмъ, что свято только сіюю духа!..“

Рѣчь М. Стаховича, напечатанная полностью въ „Орл. Вѣст.“, по силѣ и логикѣ убѣжденій представляетъ собою огромный интересъ. Въ общихъ чертахъ она свободится къ необходимости установленія свободы совѣсти. „Гдѣ нѣтъ, говоритъ М. Стаховичъ, свободы для слова, свободы для мнѣнія, свободы для сомнѣнія, свободы для исповѣданія,—тамъ нѣтъ и мѣста для дѣла вѣры, тамъ не повѣетъ Духъ Господень, тамъ пребудутъ безсильными все старанія, всякое рвеніе! Что выражается требованіемъ свободы совѣсти? Для кого и для чего оно нужно? Для торжества-ли лживыхъ и суевѣрныхъ ученій? Ничуть не бывало. Требованіе свободы совѣсти опирается лишь на самомъ словѣ Вожемъ. Требованіе свободы совѣсти—есть требованіе свободы для самой церкви,—эта свобода необходима для ея собственной жизни духа, для ея торжества, для ея побѣды. И долгъ миссіонерскаго сѣзда провозгласить необходимость свободы совѣсти Я предлагаю орловскому миссіонерскому сѣзду такъ прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство надлежащимъ порядкомъ“...

Въ столичной печати, какъ и слѣдовало ожидать, рѣчь М. Стаховича встрѣтила откликъ и вызвала по существу обмѣнъ мнѣніями; правда — въ данное время еще не закончившійся. Остановимся на нѣкоторыхъ ламентацияхъ выразителей своихъ думъ, пощупывающихъ поэву съ опаскою, съ поджиманіемъ хвоста, и съ вопросомъ на устахъ: „какъ-бы чего не случилось?“ Надо сознаться, что среди работниковъ печатнаго станка есть, такъ называемые, и „литературные тартюфы“, до самозабвенія лелѣющіе на своей груди принципъ; *чего изволите?* и умѣющіе во всякое время и среди всевозможныхъ обстоятельствъ — *держити по вѣтру*.

Мудрено, даже очень мудрено, понять, что хотѣло сказать по поводу рѣчи М. Стаховича „Новое Время“. Съ одной стороны эта газета беретъ подъ свою защиту г. Стаховича, съ другой — силится оспорить по существу его мнѣнія, находя ихъ односторонними. Неблагодарную задачу — разсѣять туманъ, окутывающій сентенціи „Нов. Вр.“, — взялъ на себя сотрудникъ „Новостей“ г. Л. Полонскій.

„Практически, говоритъ онъ, вопросъ представляется нинѣ такъ: слѣдуетъ-ли при пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ отмѣнить или сохранить уголовныя кары по дѣламъ вѣроисповѣданія? Можно признавать, что настало время для отмѣны упомянутыхъ каръ или что время еще не настало. Середины не существуетъ! Всякій иной отвѣтъ будетъ только уклончивымъ. А такое по своей формѣ я отвѣтъ, который даетъ „Новое Время“.

Но — довольно объ этомъ. Опуская аргументацію „Нов. Вр.“ — перейдемъ къ рѣчи М. Стаховича. Послѣдній, безспорно, выдвинулъ на очередь весьма серьезный вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ — дѣйствительно-ли нужны „внѣшнія воздѣйствія“ въ области духовной, или наоборотъ? Священникъ Т. Черкасскій отвѣчаетъ на это такъ:

„внѣшними воздѣйствіями“ оскорбляются въ человѣкѣ лучшія чувства, оскорбляется его человѣческое достоинство, какъ свободно-разумнаго существа, поселяются въ немъ скрытность и ханжество, притворство, ложь, злоба и человѣконенавистничество“.

Все это, конечно, такъ — сказано вѣрно и, несомнѣнно, фотографически вѣрно. Но лучшимъ судьей въ разрѣшеніи этого капитальнаго вопроса, думаемъ, можетъ служить исторія перенесеннаго. Она, эта пластинка, на которой отразились жизнь и интересы народовъ, среди другихъ явленій, имѣетъ доказательство и тому, какъ продуктивна и плодотворна на нивѣ духовной была дѣятельность просвѣтителей и проповѣдниковъ вѣры христіанской въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдними руководило

лишь чувство любви къ ближнему и глубокая вѣра въ святость своего дѣла. Къ чему-же создавать тормозы, устѣвая естественный путь „плеведами“? Но, еслибы даже исторія и не дала-бы намъ такихъ замѣчательныхъ примѣровъ, все-же необходимо согласиться, что лучшее средство на почвѣ религіозныхъ заблужденій и борьбы съ ними, лишь только — слово! Силою убѣжденій, горячими проповѣдями, — возможно достигнуть лучшихъ результатовъ въ области духовной, нежели съ помощью чего либо другаго.

Все, что мы говоримъ, далеко не ново и давно сознано мыслящими людьми, искренно желающими дорогой родиной духовной мощи, развитія и подъема нравственныхъ силъ, на почвѣ глубокаго уваженія къ закону и государственному строю. Но у насъ, обыкновенно, все складывается такъ: — когда тотъ или другой скажетъ трезвое совершенно новое слово, побуждаемый къ этому любовью къ отечеству, не имѣя къ тому-же никакихъ злопыхательныхъ цѣлей, а лишь желаніе указать на лучший выходъ изъ того или другаго положенія, то маргариновые патріоты сейчасъ-же, хлопнувъ себя ладонью по лбу, съ яростью накидываются на смѣлаго человѣка и начинаютъ потрошить его, возводить въ Робеспьера и говорить удивительныя нелѣпости...

Такъ случилось и съ рѣчью М. Стаховича

И не правъ-ли я, читатели, послѣ всего этого, что наша публицистика измелъчала? Да, вѣрно!

Перейдемъ къ другимъ вопросамъ.

Газета „Волынъ“ напечатала заслуживающую особаго вниманія статью, въ которой высказываетъ рядъ серьезныхъ замѣчаній противъ школьныхъ сберегательныхъ кассъ. Очень хорошо и отрадно, что все то, что касается нашей школы, вѣрнѣе — интересовъ нашего подрастающаго поколѣнія, нашей будущности, печать не оставляетъ безъ вниманія и обсуждаетъ съ критической оцѣнкою всѣ явленія изъ жизни ея. Школа — это главная артерія государственнаго организма и ея значеніе для государства слишкомъ велико, какъ неизсякаемый источникъ интеллектуальной силы.

Какъ извѣстно, министерство народнаго просвѣщенія недавно разрѣшило устроить при учебныхъ заведеніяхъ сберегательныя кассы съ цѣлью дать возможность дѣтямъ сдѣлать „сбереженія“ путемъ копеечныхъ вкладовъ. Казалось-бы, въ нашъ матеріальный вѣкъ, когда вертящийся рубль даетъ тонъ обывательскимъ интересамъ и мечтамъ, развитие въ дѣтяхъ началъ бережливости, должно имѣть хорошую сторону и заслуживать добраго слова, но это — казалось-бы... Въ действительности-же

съ точки зрѣнія практики, а не теоріи, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Вотъ, что говоритъ по этому поводу газета „Волянь“:

„Постараемся, пишетъ она, ближе присмотрѣться къ школьнымъ классамъ и выяснить ту сумму матеріальной и нравственной пользы, которую они могутъ принести нашимъ дѣтямъ. Здѣсь придется, къ сожалѣнію, повторить прописную истину о томъ, что дѣтскій организмъ отличается чрезвычайной воспримчивостью и отзывчивостью ко всему; и эта то воспримчивость въ данномъ случаѣ наиболѣе опасна. Дѣти, думается намъ, не должны имѣть ничего общаго съ деньгами. Пользуясь гибкостью и воспримчивостью дѣтскаго организма, мы должны вселять въ него самое лучшее, самое чистое, а не приучать дѣтей чуть-ли не съ цѣлею, къ скопидомству и плюшкинству. Школьные же кассы, волей-неволею, приведутъ къ этому. И для чего-же, спрашивается, вводить подобнаго рода кассы въ школу? Для чего заполнять дѣтскія головы мечтами о будущихъ „капиталахъ“: зачѣмъ калѣчить ихъ духовныя способности? Дѣтямъ состоятельныхъ родителей копить нечего, такъ какъ родители сами сдѣлаютъ заботиться о нихъ, а дѣти бѣдняковъ— все равно ничего не накопятъ, пока не станутъ зарабатывать. Кому же нужны всѣ эти мнимыя работы“?..

Совершенно вѣрно: кому нужны? Вопросъ этотъ, простой, несложный, повидимому, не занималъ никого, а между тѣмъ—какая глубокая опасность стоитъ за плечами его и сколько горечи таится въ немъ самомъ! По нашему мнѣнію, школа—прежде всего—должна быть школою. Она должна воспитывать и образовывать, она должна поддерживать и развивать въ дѣтяхъ самое лучшее, самое чистое и быть въ сторонѣ отъ идей, чуждыхъ ей по своему внутреннему содержанию, какъ могущихъ вызвать въ воспримчивыхъ и отзывчивыхъ натурахъ, еще неокрѣпшихъ и несформировавшихся вредныя и нездоровыя наклонности. Поэтому было-бы крайне желательно, чтобы это коммерческое предпріятіе, призванное къ жизни въ школахъ—выдворили отсюда съ такою же сердечностью, съ какою и ввели. Не мѣсто въ школѣ, въ этомъ святилищѣ, хотя-бы и маленькимъ, но все-же коммерческимъ предпріятіямъ! Заговоривъ о школѣ, мы позволимъ себѣ продолжить нашу бесѣду, такъ сказать, выдернуть другую черную ниточку, и по другому поводу, особенно много горящему и сердцу, и му. Мы давно знаемъ, что, вообще, законы святы, но только иногда бываютъ лихіе супостаты. И, вотъ, собственно объ этихъ супостатахъ мы и намѣрены говорить. Въ эеодосійской женской гимназій, по словамъ „Крымскаго Вѣст.“, начальство особенно обременено заботами... о формѣ, и направило львиную долю своей дѣятельности на эту сторону тоже школьнаго вопроса.

Послѣ того, говоритъ газета, какъ ир шло уже цѣлый мѣсяцъ ученія и всѣ дѣвочки пошили платья и фаруки по-прежнему образу, въ гимназій затѣяли реформу въ области перелицовки ученицъ. На лифѣ пуговицы переносятся съ ковокъ на грудь, фаручки украшаются бантами и сборками, кругомъ фестончики, фестончики и фестончики... Очевидная забота о приготовленіи дамъ просто пріятныхъ и пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Читая эту маленькую страничку, вырванную изъ жизни отеческихъ попеченій и сердечности, невольно заднешься вопросомъ:

а въ какомъ-же это вѣкъ-то мы живемъ? Слишкомъ ужъ все тутъ просто, оригинально, немножко поэтично и страшно неостроумно. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство въ счетъ не должно итти: по части остроумія у насъ, собственно говоря, хроническій „неурожай“, такъ—потугъ, усилій—сколько угодно, а остроумія... Гмъ, лучше оставимъ этотъ вопросъ открытымъ. Ну, да и въ данномъ случаѣ „не били“ на остроуміе, а, очевидно, лишь желали блеснуть оригинальностью за счетъ тощихъ и толстыхъ кармановъ родителей, помышляя, что если какойнибудь родитель и закричитъ: „что за комиссія, Создатель, быть гимназисточки отцомъ?“, то, все-таки, это не повредитъ глубокомыслию проекта реформы. Нынѣ, вѣдь, все реформы и реформы—таково ужъ вѣяніе—и распоряженіе въ Θεодосійской гимназій—есть прямое слѣдствіе побѣды духа времени. Сборочки, бантики, фетстончики—все это для глаза весьма хорошо, даже очень хорошо, даже это возвышенно и великолѣпно. Приучать къ кокетству—идея, несомнѣнно, симпатичная, трогательная и—тѣмъ болѣе: такъ какъ для женщины кокетство—„лучшій козырь“ въ ея жизни. Въ этой маленькой затѣѣ сказалась большая опытность и прозорливость. .

Порадовалъ насъ и вологодскій корреспондентъ „Сѣв. Кр.“, сообщившій, что по городу циркулируетъ слухъ о намѣреніи ввести въ вологодскій женской гимназій... карцеръ! Правда—это только слухъ, а слухами земля полна, но, право, идея тоже недурна. Однако, не будемъ комментировать это обстоятельство—подождемъ дальнѣйшихъ извѣстій и тогда, если слухъ сдѣлается фактомъ, поговоримъ особо. Въ ожиданіи же этихъ извѣстій, побесѣдуемъ о нравахъ аборигеновъ Зарайскаго уѣзда. Корреспондентъ „С.-Пет. Вѣд.“ отсюда пишетъ замѣчательныя вещи, читая которыя только и можно сказать: да, многое есть въ природѣ, другъ Горацио, чего и не снилось нашимъ мудрецамъ! Повидимому, здѣсь міросозерцаніе обывателей тоже вымошено и выслано добрыми намѣреніями... Здѣсь жизнь пропитана идиллією и отовсюду вѣетъ поэзією, отъ которой обыватели и мѣются, и тлѣются.

Обратимся къ фактамъ.

Въ усадьбѣ при селѣ Булыгинѣ, пишетъ корреспондентъ, господа землевладельцы Полтавы, мужъ, жена и ея сестра, г-жа Го—нъ, ни болѣе ни менѣе какъ . высѣкли крапивою бовну своихъ дѣтей. Дѣло началось съ пререканій изъ-за воспитаніе дѣтей, которыя стали выказывать своей бовнѣ слишкомъ много расположения, что почему-то задѣло за живое родственную гордость старшихъ. „Со слѣзлявыми этимъ старшими замѣчаниями бовна не согласилась. Тогда ей надавали оплеухъ, потомъ затаскали ее въ отдѣльную комнату, гдѣ обѣ дамы принялись ее держать, а самъ хозяинъ стегать крапивою“ ..

Далѣе не цитируемъ. Кажется, достаточно и этого, чтобы составить себѣ ясное представленіе о нравственномъ обликѣ и умственномъ развитіи этихъ самодуровъ, позволившихъ себѣ

насиліе надъ беззащитною женщиною въ такой отвратительной формѣ. Что всего хуже, такъ это то, что дамы принимали самое дѣятельное участіе въ импровизированной экзекуціи и, быть можетъ, кто знаетъ—сами навели на мысль избрать орудіемъ мести крапиву. Вотъ и говорите послѣ этого, что женщины — *украшеніе міра, что оны — сотканы изъ эфира, что оны — неоцѣнный даръ неба* и т. д.

Мы не принадлежимъ къ числу панегиристовъ, потому что намъ ближе къ сердцу дѣйствительность, мірская суета, гдѣ все спутано, перепутано и гдѣ нѣтъ ни начала, ни конца. Кромѣ того, необходимо согласиться и съ тѣмъ, что женщина, съ психической точки зрѣнія, представляетъ собою неразрѣшимую диллему міра.

„Женщины, вы—божества ада“! — устами одного изъ своихъ героевъ сказалъ гениальный В. Шекспиръ и, все-таки, мы думаемъ не исчерпалъ этимъ истину, не разрѣшилъ вопроса... Темна, очень даже темна вода во облацѣхъ!

„Зарайскій самосудъ“ — для нашего времени характерное явление. Участіе въ немъ дамъ, тщательно державшихъ за руки несчастную жертву и, быть можетъ, считавшихъ взмахи крапивы, заставляеть какъ-то болѣе снисходительнѣе отнестись къ роли мужчины, очевидно, взявшаго на себя грязную обязанность изъ чувства уваженія и почтенія къ доморожденнымъ новаторшамъ, или, что еще хуже, вслѣдствіе пребыванія подъ башмачкомъ воинственной супруги, что бываетъ, въ особенности тамъ, гдѣ подруги жизни, эти безцѣнные жемчужины, нрава крутого и строгаго.

Очень жаль, что „зарайская исторія“ осталась безнаказанной въ силу неблагоприятнаго сложившихся обстоятельствъ и добраго сердца оскорбленной, а то „пошли-бы двѣ оны, а за ними оны“ въ мѣста уединенія, для отдыха и успокоенія взвинченныхъ нервовъ. Надо сознаться, зарайцы, вообще, люди нервные и слишкомъ откровенные. Блестящимъ подтвержденіемъ развязности и пылкости характеровъ зарайцевъ можетъ служить и другой пассажъ, разыгравшійся довольно эффектно въ одномъ изъ общественныхъ засѣданій. Тутъ, какъ сообщаетъ та-же газета, ругаются въ „чистую“. Такъ, напримѣръ, на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, одинъ изъ земскихъ дѣятелей прямо обозвалъ своихъ коллегъ „подлецами“.

Какой сердитый народъ! Ну, что-бы какъ нибудь иначе... Что это: утонченная откровенность или мѣстный обычай?

Когда слушаешь и видишь, говорить корреспондентъ, все это со стороны, то, по истинѣ, только дивнись возможности такихъ инцидентовъ и еще многого другаго, что сокрыто подо всѣмъ этимъ, тамъ внизу, что тщательно сохраняется въ жилахъ и о чемъ между собою шепотомъ осмѣливаются говорить зарайцы.

Совсѣмъ легендарная сторонушка! И самосуды есть, и покорныя овечки, которыхъ стригутъ, глядя противъ шерсти и заставляютъ утираться чуть-ли не плевками. Какъ вамъ все это нравится?

Какія уморительныя тривіальности!

Тишина, гладь — да Божья благодать, а съ другой стороны люди, съ своими нервами, страстишками, откровенностями и прочее. Чудная, веселая — сторонушка! Безсмертные гоголевскіе герои, попавъ сюда, съ трепетнымъ замираніемъ сердца непременно сказали-бы: *мы ваши!* И болѣе ни слова.

Чтобы закончить свои наблюденія, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о кіевлянахъ. Кіевскій полиціймейстаръ сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи полицейскаго надзора у женскихъ гимназій въ часы расхожденія учащихся, т. е. отъ часу до 3 ч. дня. На это время назначается на дежурство околоточный надзиратель, а ко всѣмъ женскимъ гимназіямъ и пансіонамъ должны подходить ближайшіе постовые городовые и какъ по заявленію, такъ и по личнымъ наблюденіямъ, задерживать и доставлять въ полицію всѣхъ мужчинъ, пристающихъ къ воспитанницамъ

Говорятъ, нѣтъ слѣдствія безъ причинъ и, очевидно, жѣра эта вызвана необходимостью. Кіевскіе селадоны, Ромео и Отелло, повидимому, хватаютъ черезъ край. Какія горячія сердца! Сколько пылкости, страсти и огня! И при этомъ въ такомъ избыткѣ, что потребовалось вмѣшательство даже полиціи. До сихъ поръ мы знали только о существованіи севильскихъ селадоновъ, этихъ любителей романическихъ эффектовъ, съ возвышеннымъ чувствомъ исторгающихъ нѣжные звуки изъ гитары подъ легкій плескъ воды, шумъ шевелящейся занавѣски и освѣжающаго зефира, у оконъ божественныхъ твореній... Теперь Севилья уступила свою, воспѣтую поэтами, славу Кіеву. Иначе, чѣмъ-же объяснить своеобразный „походъ“ кіевскихъ Ромео на гимназистокъ? Впрочемъ, не знаете-ли вы, читатель?

„Русская Севилья“!..

Съ одной стороны — какъ будто лестно, съ другой... съ другой неблагопристойная выходка кіевскихъ донъ-жуановъ вызываетъ на грустныя размышленія.

Культурный, древній городъ, имѣющій за собою свѣтлое историческое прошлое, — и, вдругъ, такая нравственная распущенность. Не виновато-ли здѣсь само общество?

Гвидонъ.

Театры въ Сибири.

I.

Музыкальный сезонъ въ г. Томскѣ.

Цыгвинский музыкальный сезонъ въ г. Томскѣ обѣщаетъ быть интереснымъ, судя по началу.

Сѣхались и концертируютъ здѣсь пѣвцы, сформированъ недурной симфоническій оркестръ г. Малометомъ и подъ его управленіемъ играютъ классическія и салонныя вещи.

Во вновь открытой музыкальной школѣ г-жи Томашиной даются ученическія музыкальныя утра, въ музыкальныхъ классахъ устраиваются ученическіе музыкальные вечера. Появились новые для Томска піанисты, виртуозы и свободные художники и почти всѣ эти силы подъ ферулой Томскаго Отдѣленія И. Р. Музыкальнаго общества заняты задачей: помимо насажденія музыкальнаго образованія—доставлять и эстетическое удовольствіе здѣшней публикѣ.

Къ наиболѣе удачнымъ концертамъ за послѣднее время слѣдуетъ отнести музыкальный вечеръ, устроенный Томскимъ музыкальнымъ отдѣленіемъ въ память П. И. Чайковскаго, 3-го ноября.

Программа составлена была исключительно изъ произведеній покойнаго композитора. Солиднымъ номеромъ и гвоздемъ концерта было тріо, посвященное П. И. Чайковскимъ П. Г. Рубинштейну.

Фортепьянную партію исполняла г-жа Александрова-Левенсонъ, скрипки г. Медлинъ, віолончели г. Пягофъ.

Г-жа Александрова-Левенсонъ принадлежитъ къ плеядѣ піанистокъ-виртуозокъ, выпущенныхъ изъ консерваторіи въ эпоху П. Г. Рубинштейна, ярко отличавшуюся отъ піанистовъ новой, послѣдней формаціи.

При Рубинштейнѣ въ консерваторіи смотрѣли на рояль, какъ на оркестръ, а исполненіе рассчитывалось на колоссальныя залы.

Выработывалась мощь удара, виртуозность и тотъ апломбъ, который съ перваго удара побѣждаетъ слушателей и приковываетъ вниманіе. Остальное впечатлѣніе дополнялось свыше одареннымъ темпераментомъ и общей музыкальностью. У П. Г. Рубинштейна было особенное чутье замѣчать дарованіе. Мы сплошь и рядомъ теперь встрѣчаемъ музыкальныхъ дѣятелей разныхъ категорій: однихъ имена гремятъ, другіе скромно трудятся, но все, что прошло черезъ его руки, не погибло бесплодно въ житейской борьбѣ.

Вышеупомянутыя качества игры обнаружила и г-жа Левенсонъ.

Свою партію въ тріо піанистка блестяще провела, рельефно и умно передавая контрасты настроеній. Достойнымъ партнеромъ ея былъ г. Медлингъ. Нѣсколько ослаблялъ впечатлѣніе плохой инструментъ г. Нигофа, но въ общемъ все исполнители поработали надъ этимъ тріо, во едино сливаясь съ замысломъ произведенія, за что публика наградила ихъ продолжительными аплодисментами.

Изъ пѣвцовъ выступили г-жи Де-Маньи, Гедеонова, г. Карклинъ и ученикъ его Догонадзе.

Г-жа Де-Маньи—пѣвица съ хорошимъ голосомъ (драматическое сопрано) и съ темпераментомъ. Исполненіе ея всегда производитъ впечатлѣніе. Пѣвица имѣла обычный успѣхъ въ этотъ вечеръ.

Г-жа Гедеонова—изъ вновь прибывшихъ сюда пѣвицъ. Ея голосъ—свѣжее, ровное драматическое сопрано съ большимъ диапазономъ, вводящимъ въ заблужденіе и самую пѣвицу, такъ какъ она поетъ и меццо-сопрановыя вещи, но въ этомъ ея ошибка. Романсъ: „И ли въ полѣ да не травушка была“—не въ средствахъ артистки; тесситура здѣсь низка. Тоже самое вышло и съ дуэтомъ изъ „Никовой Дамы“, гдѣ голоса должны контрастировать, а не сливаться въ одинъ колеръ, какъ это произошло у г-жъ Де-Маньи и Гедеоновой.

Наиболѣе удался артисткѣ романсъ: „Онъ такъ меня любилъ“ и „Такъ что же?“ Имѣла успѣхъ у публики и г-жа Гедеонова.

Г. Карклинъ очень музыкально и задумчиво передалъ нѣсколько романсовъ и ему пришлось пѣть на *bis*.

Г. Догонадзе—ученикъ музыкальныхъ классовъ. Голосъ его еще не поставленъ, но изъ него можетъ выйти хорошій пѣвецъ.

Г. Медлингъ, положившій такъ много труда на устройство этого симпатичнаго вечера, былъ награжденъ шумными, долгими рукоплесканіями и публика покинула залъ общественнаго собранія вполне удовлетворенной.

Е. Я. Снѣгурская.

Въ Красноярскѣ и Иркутскѣ.

Въ *Красноярскѣ*, въ существующемъ тамъ желѣзнодорожномъ деревянномъ театрѣ (былъ еще ранѣе тоже деревянный театръ, принадлежавшій городу, но онъ сгорѣлъ три года тому назадъ) въ нынѣшнемъ зимнемъ сезонѣ фигурируетъ опереточная труппа г-жи Артемьевой. Судя по отзывамъ мѣстной газеты „Енисей“, труппа эта весьма удовлетворительная. Первый спектакль былъ данъ труппой 21 октября. Была поставлена оперетта Штрауса „Цыганскій баронъ“ и исполненіе было, по словамъ рецензента „Енисей“, довольно приличное. Изъ участвовавшихъ въ спектаклѣ рецензентъ особенно отмѣчаетъ г-жу Зброжекъ-Панковскую, выступавшую въ роли пыганки Саффи. У исполнительницы оказался сильный симпатичнаго

тембра голосъ, хорошая мимика, красивая внѣшность и изящныя манеры. Затѣмъ, удовлетворительный отзывъ данъ о г. Зайцевѣ въ роли Барникан, у котораго, тоже, сильный, хотя нѣсколько глухой голосъ, и пѣніе — музыкальное. Принять артиста публикой было хорошо.

Въ *Иркутскѣ* дѣйствуетъ драматическая труппа А. А. Кравченко. Рецензентъ мѣстной газеты „Восточн. Обзор.“ отзывается о труппѣ съ хорошей стороны. Такъ, разбирая исполненіе драмы Н. А. Потѣхина „Пищѣ духомъ“ и комедіи Фибера „Вѣчная Любовь“, шедшей въ бенефисъ артистки А. А. Лоджиной, рецензентъ въ первой пьесѣ отмѣчаетъ игру г-жи Соколовской въ роли Кондоровой, Дубравской — Аленкиной, с.г. Бѣлокопи — въ роли Алены и Муравлева-Свирицаго — Николая Алены; а во второй пьесѣ — бенефициантку въ роли Клары Шпоръ и г. Шаумовскаго, изображавшаго стараго скрипача Фюринга. Бенефициантка удостоилась шумныхъ овацій и отъ почитателей ея таланта ей были поднесены цвѣты и цѣнные подарки.

На Дальнемъ Востокѣ.

На дальнемъ востокѣ, во *Владивостоки*, даетъ спектакли опереточная труппа. Ставятся, впрочемъ, не только оперетки, но и оперы. Такъ, была поставлена опера Монюшки „Галька“. Рецензентъ одной изъ мѣстныхъ газетъ „Восточн. Вѣстн.“ отзывается такъ о ея исполненіи: не смотря на непопозволительную обстановку и только эмблему хора, „Галька“, сверхъ ожиданія, прошла очень хорошо; въ особенности хороша была Галька въ исполненіи г-жи Дубравской-Дубротини и хорошо былъ г. Вилинскій въ роли Юштека какъ съ вокальной стороны, такъ и драматической. Изъ труппы отмѣчаются также г-жи Трещкая и Александрова и с.г. Дмитріевъ и Любовь. Рецензентъ другой мѣстной газеты „Дальній Востокъ“ отмѣчаетъ еще с.г. Кубанскаго и Гончарова. Въ труппѣ теперь находится приглашенная на гастроль извѣстная опереточная артистка А. А. **Смолинѣ**. Во Владивостоки, кромѣ театральнаго зрѣлища, даетъ представленія и цирковая труппа Боровскаго.

Въ *Манджуріи* (по линіи юго-восточной Китайской желѣзной дороги), какъ намъ сообщаютъ, въ настоящее время находятся три труппы малороссовъ, образовавшіяся изъ одной труппы г. Украинцева. Собственно въ Харбинѣ даетъ спектакли русская драматическая труппа г-жи Сѣверской; а также — концерты капеллы балалаечниковъ г. Бедросова въ числѣ 16 человекъ (Импресарио этой капеллы — г. Прикащиковъ, владѣлецъ гостиницы съ театральнымъ заломъ въ Срѣтенскѣ). Въ Харбинѣ же направляется изъ Читы артистическое товарищество подъ управленіемъ г. Строева и Курчаева (остановившееся пока на нѣсколько спектаклей въ Срѣтенскѣ) и, кромѣ того, въ Харбинѣ фигурируютъ нѣсколько фокусниковъ, акробатовъ, квартетовъ и заѣзжихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, дающихъ концерты соло.

Библіографія.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, издаваемые редакціонной комиссіей. Томъ XXXI. 1900 г. №№ 1—2. Иркутскъ, паровая типо-литографія П. И. Макушина, 1901 г., $\frac{1}{8}$ д. л., стр. 169—148, съ двумя картами—рѣки Чуи и маршрутной съемки верховьевъ Алдана и Олекмы.

Въ текущемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе со дня основанія Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Въ настоящей кн. „Сиб. Паб.“ помѣщено начало очерка дѣятельности отдѣла въ теченіе его 50-лѣтняго существованія, и мы отсылаемъ къ нему нашихъ читателей; а здѣсь займемся только что полученнымъ нами новымъ выпускомъ трудовъ отдѣла. Въ этомъ выпускѣ, составляющемъ №№ 1—2 тома XXXI-го, кромѣ отчетовъ отдѣла за 1898 и 1899 г.г., составленныхъ и. д. правителя дѣлъ В. Б. Пестяковичемъ, и протоколовъ засѣданій отдѣла за 1899 г., напечатаны слѣдующія статьи: „Бурни-хан-ула“ А. Руднева, „По Алдану и Олекмѣ“ (съ картой), С. А. Подъяконова, „Злаки Минусинскаго края“, И. Палибина, „Свадьба въ Ангарской деревнѣ“, С. П. Розенбаума и В. С. Арефьева, „Молочное хозяйство у бурятъ“, М. П. Хапгалова, и „Свадебный обрядъ у Аларскихъ бурятъ“, И. М. Стагорова.

Всѣ эти статьи представляютъ интересъ въ томъ или другомъ отношеніи. Въ статьѣ г. Руднева описывается поѣздка его въ сообществѣ хамбо-ламы (бурятскаго первосвященника) Чойнзина Иролтгевича Иролтгуева на священную для бурятъ гору Бурни-хана. Г. Подъяконовъ даетъ интересное описаніе экскурсій, совершенныхъ имъ по р. р. Алдану и Олекмѣ. Въ статьѣ „Злаки Минусинскаго края“ сообщаются подробныя свѣдѣнія о минусинскихъ злакахъ. Много любопытнаго даетъ статья г.г. Розенбаума и Арефьева о свадебныхъ обычаяхъ, существующихъ въ деревняхъ Приангарскаго края. Край этотъ лежитъ по нижнему теченію Ангары въ предѣлахъ Енисейской губ., занимаетъ с.—в. часть ея и по размѣрамъ превосходитъ многія губерніи Европейской Россіи, хотя состоитъ всего изъ двухъ волостей, съ 73 селеніями и 17,816 жителей обоего пола. Народъ здѣсь, по словамъ авторовъ, простой и гостепріимный, но поражаетъ своей некультурностью. Въ большинствѣ селеній—*нѣтъ ни одного грамотнаго*. А между тѣмъ—потребность къ изученію грамоты развита въ сильной степени: „даже между взрослыми часто приходится наблюдать страстное желаніе

научиться ей. Но учиться негдѣ: школа въ краѣ мало и всѣ онѣ находятся въ плачевномъ состояніи“...

Въ „Сиб. Набл.“ (и даже въ этой книжкѣ) тоже помѣщены статьи о Приангарскомъ краѣ.

Въ статьѣ „Молочное хозяйство у бурятъ“ подробно описывается приготовленіе различныхъ кушаньевъ и напитковъ изъ молока. Молочные продукты употребляются бурятами въ пищу, преимущественно, передъ другими. До прихода русскихъ буряты совершенно не знали ни муки, ни хлѣба. Главное ихъ занятіе было скотоводство и только подъ вліяніемъ русскихъ жизнь ихъ начала подвергаться новымъ переменамъ и они начали приучаться къ хлѣбопашеству, которымъ теперь и занимаются многіе буряты, хотя, все-таки, большинство бурятъ и до сихъ поръ болѣе скотоводы, чѣмъ земледѣльцы. Въ статьѣ „Свадебные обряды у Аларскихъ бурятъ“ находимъ любопытныя свѣдѣнія о ихъ жизни. Мальчикъ 14—15 лѣтъ—считается у нихъ уже вполне способнымъ къ супружескому сожителству; брачный возрастъ дѣвушки считается съ 15—16 лѣтъ. Вступленіе въ супружество не зависитъ ни отъ нея, ни отъ жениха,—все находится во власти родителей. Любовь или красота не играютъ активной роли. Для бурята дѣвушка—это ничто иное, какъ товаръ, который можно сбыть выгодно съ одной стороны и точно также сдѣлать не безвыгодное приобретеніе съ другой стороны. Отдавая дочь въ замужество, буряты выговариваютъ за нее извѣстную плату въ свою пользу скотомъ и деньгами, что называется -- *калымомъ*. Приобрѣтая себѣ жену или невѣстку, буряты, въ свою очередь, имѣютъ въ виду приобрести лишнюю работницу; такъ какъ всѣ домашнія работы по дому у бурятъ исполняются исключительно женщинами. Она у бурятъ рабочая сила. Мужчины-же буряты, вообще, апатичны и лѣнны. Исполнивъ кое-какія полевые сезонныя работы, буряты, затѣмъ, обыкновенно, предаются или пьянству, или, ничего не дѣлая, безцѣльно бродить по улусу. Жена въ полнѣйшей зависимости отъ мужа, или отъ свекра. И среди бурятъ нередки случаи бѣгства женщинъ изъ дома ихъ мужей вслѣдствіе чересчуръ дерзостическаго обращенія съ ними мужей или свекровъ.

И бурятка, убѣгая отъ мужа, никогда не укроется въ домѣ своихъ родителей, ибо не можетъ рассчитывать встрѣтить у нихъ радушный пріемъ. Отдавъ дочь въ замужество, родитель ея считаетъ, что—выгодно сбылъ товаръ, а если этотъ товаръ принять обратно, то, значитъ, придется вернуть полученные за него деньги. На послѣднее онъ не подумаетъ рѣшиться. И, обыкновенно, ушедшая жена отправляется къ родовому старостѣ или къ миссіонеру, прося ихъ защиты. Въ большинствѣ случаевъ—говоритъ г. Этагаръ—тутъ-же отыскивается ей покровъ

витель, изъявляющій желаніе взять ее въ жены, и она съ нимъ начинаетъ хлопотать о разводѣ. Последняго добиться не трудно, такъ какъ въ силу степныхъ обычаевъ разводъ можетъ совершить родовой староста съ помощью почетныхъ улусныхъ стариковъ ..

Вс. Дол—новъ.

II.

Н. А. Лухманова. Причина вѣчной распри между мужчиной и женщиной. Москва, типографія Д. Н. Корнатовскаго, 1901 г. Ц. 1 р. 131 стр. 1/8 д. л. м. фор. **Вѣра Кудашева.** Отвѣтъ Н. А. Лухмановой отъ русской женщины. Москва, типогр. Д. Н. Корнатовскаго, 1901 г. Ц. 20 к. 32 стр. 1/8 д. л. м. фор.

Первая изъ этихъ брошюръ составляетъ лекціи, читанныя г-жей Лухмановой, если не ошибаемся, въ Москвѣ. Г-жа Лухманова, скорбя о той неадекватности, какая существуетъ въ жизни между мужчиной и женщиной, и происходящей вълѣдствіе этого распри между ними, говоритъ, что хотя, „никакія лекціи, никакіе трактаты не положать конца такому ходу жизни, но, тѣмъ не менѣе, каждая попытка пролить свѣтъ въ эту распрю между мужчиной и женщиной уже даетъ тѣ результаты, что заставляють думать, обсуждать этотъ вопросъ и искать правды“, и она полагаетъ поэтому, что ея „слабый трудъ“ можетъ возбудить тоже мнѣнія и толки, изъ столкновенія которыхъ—можетъ вырваться искра правды ..

Главныя стрѣлы г-жей Лухмановой направлены на воспитаніе, которое дается дѣтямъ. „Первый зародышъ фальшиваго отношенія—говоритъ она—между дѣтьми разнаго пола кладутъ сами родители и воспитатели. Съ самаго пѣжнаго возраста они начинаютъ сѣять между дѣтьми ту рознь, которая въпослѣдствіи вырастаетъ въ антагонизм“. Мальчикамъ, обыкновенно, прививаютъ презрѣніе къ дѣвочкамъ.—„Что ты плачешь, развѣ ты дѣвочка, чтобы не умѣть переносить боль?—ты—мальчикъ и лжешь. Стыдись—подумаютъ, что ты дѣвченка“ и т. п. И у мальчика является презрѣніе къ дѣвочкѣ .. Затѣмъ, г-жа Лухманова останавливается на дружбѣ между молодой дѣвушкой и молодымъ человѣкомъ. Она находитъ, что дружба возможна только при томъ условіи, если молодой человѣкъ абсолютно чистъ и имѣетъ хорошій свѣтлый взглядъ на жизнь. Одна гимназистка 16 лѣтъ обратилась къ г-жѣ Лухмановой съ нисьменной просьбой разрѣнить вопросъ,—„можетъ ли барышня въ ея возрастѣ быть въ дружбѣ съ молодымъ человѣкомъ, быть съ

нимъ на „ты“, цѣловаться и т. д.“. На это г-жа Лухманова даетъ такой отвѣтъ: „поцѣлуй есть даръ любви, есть тотъ ключъ, который выносить побѣдителю покоренный городъ въ знакъ того, что тамъ болѣе не осталось ни сопротивленія, ни намѣны“.

По мнѣнію г-жи Лухмановой, тотъ самый молодой человѣкъ, другъ, который цѣлуется, пашель бы это не только предосудительнымъ, но и безчестнымъ, если бы дѣло касалось его сестры. Мѣриломъ чистоты отношеній между молодымъ человѣкомъ и молодой дѣвушкой есть уваженіе съ его стороны. Цѣлуется — значитъ, не уважаетъ... Даже въ распушенной Франціи женихъ (г-жа Лухманова при этомъ оговаривается, что она касается только правыхъ того класса, который называютъ *обществомъ*) не имѣетъ права поцѣловать свою невѣсту въ губы до вѣнца: уваженіе тамъ къ дому и дѣвушкѣ требуетъ, чтобы онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, въ щеку, въ руку, но отнюдь не обнималъ ее, не цѣловалъ въ уста до тѣхъ поръ, пока не станетъ ея мужемъ“...

Все это прекрасно. Можетъ быть, дѣйствительно молодые люди не должны цѣловать молодыхъ дѣвушекъ до того, пока не соединятся съ ними узами Гименей, и всѣ поцѣлуи ранѣ наступленія этого момента безправственны и преступны. Но намъ кажется—главная бѣда не въ поцѣлуяхъ до брака. Да и бракъ развѣ всѣмъ женщинамъ приноситъ счастье? Развѣ мы не встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ женъ, ушедшихъ отъ мужей, мужей, бросающихъ женъ и вступающихъ въ незаконныя связи съ посторонними женщинами?..

Причина приниженаго положенія женщины въ обществѣ — совсѣмъ не отъ поцѣлуевъ зависитъ, хотя-бы поцѣлуи и послѣдовали преждевременно, т. е. до вступленія въ законный бракъ, а кроется она въ исторически, вѣками сложившихся, социальныхъ условіяхъ, которыми была всегда и до сихъ поръ окружена женщина...

Измѣните условія,—откройте болѣе путей къ *выходу* женщинъ,—и, повѣрьте, тогда не будутъ страшны для нея никакіе внѣбрачные поцѣлуи, да и она будетъ давать ихъ только тому, кому захочетъ, а не такъ, какъ теперь,—часто насильно, вынужденно, противъ желанія, подъ вліяніемъ разныхъ гнетущихъ обстоятельствъ...

Г-жа Вѣра Куданева недовольна г-жей Лухмановой.— Она была одной изъ слушательницъ ея лекцій и лекціи эти произвели на нее такое неблагопріятное впечатлѣніе, что она рѣшилась тоже издать брошюру съ цѣлью „принести возможную пользу тѣмъ бѣднымъ дѣвушкамъ, которыя на послѣдніе гроши пріѣзжаютъ въ столицы учиться и падки до всякихъ публич-

ныхъ лекцій“. Въ началѣ брошюры г-жа Кудашева сообщаетъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о себѣ, объявляя, что мать ея была простой крестьянкой, что она отлично кончила начальную школу, а затѣмъ—на скопленные матерью гроши была отправлена въ Москву и тамъ кончила педагогическіе курсы. Отрекомендовавшись, г-жа Кудашева говоритъ, что *эти ея записки* должны служить „предупрежденіемъ не вѣрить рекламамъ и заманчивымъ обѣщаніямъ лекторигъ въ родѣ г-жи Лухмановой, потому что подобнымъ ей, Кудашевой, дѣвушкамъ нѣтъ надобности и нѣтъ времени слушать бредни сытыхъ барынь, прѣзжающихъ на лекціи въ каретахъ поучать такихъ-же полныхъ досуга слушательницъ“ и т. д.

Вообще, по мнѣнію г-жи Кудашевой, большинство примѣровъ, приводимыхъ Н. А. Лухмановой, относится до жизни сытаго барства. Другое дѣло—въ крестьянскомъ быту. Она, г-жа Кудашева, въ настоящее время сельская учительница, у ней въ школѣ и мальчики, и дѣвочки, и никакой вражды она между ними не замѣчала. Ей стыдно за г-жу Лухманову. По мнѣнію г-жи Кудашевой, она, г-жа Лухманова, очевидно, родилась, выросла, воспиталась въ своей узкой средѣ лжи и обмана и, можетъ быть, видѣла, какъ изъ дѣтей той пошлой среды, которую она описываетъ, и выходятъ जैसे premier, но къ чему свои разочарованія и неудачи приписывать и другимъ слоямъ русскаго общества и клеветать на дѣтей?

...Обѣ брошюры, по нашему мнѣнію, не лишены значенія. И г-жа Лухманова и г-жа Кудашева затрогиваютъ животрепещущіе вопросы о положеніи женщины вообще. По цѣны брошюръ назначены положительно высокія—особенно цѣна брошюры г-жи Лухмановой: 1 р. 131 стран., напечатанныхъ, исключивъ поля, въ 1/16 д. л. Право, и 50 к. было-бы вполне достаточно.

В. Дол—ковъ.

Библиографическій обзоръ ежемѣсячныхъ журналовъ, за недостаткомъ мѣста, откладывается до слѣдующей книжки.

Année III.

Novembre.

1901.

L'OBSERVATEUR SIBERIEN.

(DOUZE FOIS PAR AN).

№ 11.

TOMSK.
Typo-Lithographie P. J. Makouschine.
1901.

Tschimkent, situé au bord de la rivière Badame, affluent de la rivière Aris, ville de district de la province de Sir Daria. Elle fut prise le 22 septembre 1864 par le général Tscherniaïeff. C'était une forteresse de Kokhand, elle devint forteresse russe et porta ce titre jusqu'en 1871. Il y a d'après le recensement 10,756 âmes (5932 h. et 4824 f.). Cette ville était célèbre jadis par son commerce de chevaux. Les meilleurs chevaux étaient amenés du village le plus proche nommé Saïrame, mais depuis 1880, ce commerce n'a fait que déchoir et maintenant il a entièrement cessé. Cependant l'importance commerciale de Tschimkent dure jusqu'à présent ce qu'elle doit à sa situation, étant placée à l'entrecroisement de plusieurs grandes routes et voies de caravanes, (Orenbourg, Troïtsk, Vierny, Taschent. Depuis les dernières 5 ou 6 années, Tschimkent est devenu pour les habitants de Taschkent un endroit où l'on vient faire des cures en été. Tous les ans le nombre des arrivants augmente et arrive jusqu'à 600 ou 700. On y vient pour boire du koumys, et pour jouir d'un bon air et de l'eau des sources qui coulent dans la forêt de Tscherniatéwsk.

Dans les environs de la ville on cultive beaucoup de légumes et de fruits. Sur la rivière Badame est construite une fonderie de suif appartenant au marchand Savinkoff, c'est l'unique en Russie, elle est très bien organisée pour travailler la sentoline, et en faire un remède contre les vers. Présentement on y construit aussi une raffinerie de sucre, pour laquelle on compte se procurer les matériaux bruts, c'est à dire les betteraves, dans les villages russes du district. Il y a à Tschimkent 2 églises, une école de la ville de 2 classes, pour garçons, cette école possède un internat, une école pour filles, et une école russe indigène.

Taschkent, ville principale du généralat du Turkestan et chef lieu de la province de Sir-Daria, résidence du gouverneur en chef du pays et du commandant des armées du district militaire du Turkestan. De cette manière Taschkent se trouve être le centre administratif des territoires russes de l'Asie Centrale. De plus, c'est aussi un centre intellectuel, cette ville est l'âme de la vie commerciale et industrielle du pays.

Taschkent est situé sous le 40° 19' de latitude nord et le 88° 56' de longitude est, dans la vallée de la rivière Tschirtschik. La ville est baignée abondamment par de nombreux ruisseaux et perdue dans la verdure des jardins. Elle se compose à proprement parler de 2 parties, de la partie asiatique ou vieille

ville, et de la partie russe, on nouvelle ville. Chacune des parties a un maître de police et une administration particulière. L'administration propre de la ville y a été introduite en 1877. La municipalité se compose de $\frac{2}{3}$ de municipaux chrétiens, et de $\frac{1}{3}$ d'infidèles. Tachkent occupe un espace de 200 v. c. et le nombre des habitants est, d'après le recensement, de 156,297 (88,314 h., et 67,983 f.) dont le 25% est russe, et le reste indigène.

L'époque de la fondation de Tachkent se perd dans la nuit des temps; son existence était déjà connue au XI siècle de l'ère chrétienne. La légende dit qu'auparavant cette ville ne se trouvait pas à l'endroit où elle est maintenant, mais sur la route de Tschmaz à 40 v. plus loin, là où se trouve maintenant Iski-Tachkent. Les rives du Tschirtschik sur lesquelles elle était située étant minées par les eaux, les habitants se décidèrent à quitter l'endroit et à se transporter là où se trouve la ville actuellement, c'est à dire là où les armées russes trouvèrent la ville en 1860. Tachkent faisait partie du khanat de Kokand qui n'existe plus aujourd'hui mais en 1865, dans la nuit du 14 au 15 juillet, elle fut prise d'assaut par nos armées commandées par le général bien connu M. G. Tcherniaïeff qui n'est plus.

La partie russe de la ville est belle et régulièrement bâtie, ses rues sont droites et pavées; des deux côtés on voit des rangées de maisons propres et jolies. Devant les maisons il y a des trottoirs et des arbres plantés en ligne, principalement des peupliers minces et élevés. L'impression générale que produit la ville, est très avantageuse, et quand on considère la rapidité avec laquelle elle croît et se développe, on peut dire avec assurance qu'elle occupera très prochainement une place marquante au milieu des villes russes. A l'heure qu'il est, Tachkent a déjà dépassé plus d'une ville gouvernementale, malgré sa grande jeunesse. La place appelée Konstantinowskaïa qui est ornée d'un square, est regardée comme le centre de la partie russe. Dans ce square se trouve le tombeau entouré d'une grille, du premier général gouverneur du Turkestan, décédé le 4 mai 1882, K. P. Fon Kaufman. Dans la ville russe il y a deux quartiers de police, le 1er et le 2me; le 1er a commencé et s'est développé depuis le moment de la prise de la ville; tout d'abord c'était un faubourg bâti par les soldats sur l'esplanade de la forteresse, il se compose principalement de petits quartiers très peuplés. Dans la rue Romanowskaïa qui longe toute cette partie de la ville, sont

situés plusieurs édifices publics, le gostinnoï dwor, le bazar du dimanche, la plupart des magasins, les établissements commerciaux et industriels. Le second quartier a commencé à se former beaucoup plus tard. Ici la population est plus disséminée les maisons entourées de jardins épais, les rues plus larges et plus propres.

Cette partie de la ville est plus confortable et pourrait sembler tout à fait comme il faut, si dans l'un de ses coins, du côté de la rue de Moscou, aux confins de la ville, en se dirigeant vers Tchinkent, n'existait pas un faubourg habité par des femmes turques ayant quitté les harems, et vouées à la prostitution. Dans la 1re partie, une rue large, belle et animée, c'est la rue sabornaïa. C'est là que sont situés les plus beaux magasins et la circulation des piétons et des équipages y dure depuis le grand matin, jusque très avant dans la nuit. C'est le rendez-vous des promeneurs en hiver et au printemps, jusqu'au moment du départ pour la campagne.

La ville est suffisamment éclairée. Dans différents endroits il y a des stations de fiacres, qui sont généralement assez convenables; il y a même beaucoup d'élégantes calèches, attelées de beaux chevaux. Le prix des courses est fixé par une taxe. Le climat est assz sain, et on n'y remarque jamais aucune épidémie provenant des conditions locales. Dans les années 1867, 1872 et 1892, le choléra a sévi dans la ville, mais ce n'est que lorsqu'il a sévi dans tout le continent européen. Les maladies d'enfants qui prennent un caractère épidémique, quoiqu'elles apparaissent de temps en temps dans la ville ne s'y développent jamais grandement. La maladie la plus commune est la fièvre, elle y prend souvent un caractère accentué, et tourmente beaucoup certaines personnes. Cependant malgré tout, la situation de la ville peut être appelée absolument saine. Ces dernières années le $\%$ de la mortalité a un peu augmenté, mais ce n'est que parmi les indigènes et les simples soldats de la garnison qui souffrent de maladies d'estomac. Le sifilis est comparativement peu développé, ce qu'il faut attribuer à une surveillance sanitaire exacte de la part de la police. Un des plus grands inconvénients de la ville, est l'absence de conduits d'eau et le manque d'établissements médicaux. Dans la partie russe de la ville, il y a les églises orthodoxes suivantes: La cathédrale militaire nommée Spasso-Préobrajensky; la magnifique architecture de cet édifice le rend l'ornement de la ville. L'iconostase de la cathédrale est dû au célèbre peintre Mikiéchine; les tableaux de l'autel sont aussi de son

pincean. La cathédrale contient aussi le tombeau de K. P. Fon Kaufman, le premier gouverneur général et organisateur du Turkestan. Il n'est pas superflu de fixer son attention sur les cloches. Elles ont toutes été fondues sur place sans même en excepter la principale qui pèse près de 600 poudes. L'église paroissiale est dédiée à St Joseph et à St Gorges, auparavant elle était militaire. En 1892, l'église de l'hôpital fut aussi transformée en église paroissiale, puis il y a encore une église paroissiale et on bâtit une église à côté du séminaire des maîtres, il y a trois chapelles particulières, l'une dans la prison, et 2 autres dans les gymnases de garçons et de filles, et puis enfin une église portative appartenant à la brigade ambulante du Turkestan. A 5 verstes de la ville sur le chemin de Khedgent, se trouve un monastère de femmes qui possède sa propre église. Dans ce monastère il y a un petit nombre de religieuses et quelques enfants orphelins; il existe depuis 1893. Il n'y a pas d'autres églises chrétiennes; malgré le nombre comparativement assez considérable de catholiques—romains, il n'y a point d'église catholique et c'est dans une maison particulière que l'on célèbre les divins mystères quand il arrive un prêtre. Il y a peu de luthériens à Tashkent; cependant ils entretiennent un pasteur permanent qui remplit aussi ses fonctions dans une maison particulière, mais la construction d'une église est déjà commencée. Dans la partie russe, il y a aussi deux maisons de prière pour les juifs boukhariens, une synagogue pour les juifs russes et une mosquée pour les mu-ulmans. Ces deux derniers édifices sont d'une architecture correcte et même la synagogue peut être appelée un bel édifice.

Il y a aussi dans la ville de Tashkent un gymnase pour garçons et un pour fille, les deux existent depuis 1876; le nombre des élèves est de 500; chacun des gymnases possède une pension pour les enfants orphelins ou pour ceux dont les parents s'nt par leur service éloignés de Tomsk. En 1895 on a ouvert une école réelle de 6 classes, et en 1879 un séminaire pour les maîtres. Le séminaire possède des classes des métiers: de menuisier, de tourneur, de graveur, de peintre en bâtiments, de cordonnier, de tailleur, et enfin de relieur. Puis il y a 4 écoles paroissiales de la ville, deux pour les garçons et deux pour les filles, une école paroissiale d'église, une école d'une classe; des écoles du dimanche, une école des métiers avec un cours inférieur d'agronomie. Dans les écoles de la ville on enseigne aux filles l'ouvrage manuel et un métier aux garçons, et l'une de ces écoles possède de grands ateliers dans lesquels on exécute des commandes. Il y a encore une école privée et une pension. Ces deux établissements préparent les enfants pour entrer au gymnase à l'institut ou aux corps.

La ville possède aussi un observatoire très richement fourni. L'hôpital militaire possède un laboratoire chimique où l'on fait des analyses pour l'Etat et les particuliers. La bibliothèque de la ville est remarquable par la richesse des matériaux qui y sont accumulés concernant la littérature de l'Asie Centrale. Cette bibliothèque fondée en 1870 possède des exemplaires très précieux en langue russe, en langues européennes et en langues orientales. Une riche collection d'estampes de gravures et de photographies, complète le luxe de la bibliothèque dont Tashkent peut être fier à juste titre. Dans le même édifice que la bibliothèque, se trouve aussi un musée continuellement fermé et inaccessible au public. Ce musée a été ouvert le 27 décembre 1883. Dans le commencement il était assez bien fourni et visité volontiers surtout par la jeunesse des écoles. Présentement ses collections sont dispersées, beaucoup d'objets sont perdus et abîmés, et ceux dont on fait l'acquisition sont placés sans aucun système. Il y a aussi à Tashkent une section de la société de géographie et de la société moscovite des amateurs de sciences naturelles. Il y a une société militaire—économique, et une autre de secours mutuel des employés privés. Il y a aussi une section de la banque de l'Etat.

Il y a des plantations d'essai de l'état, qui ont été transformées en telles, d'anciennes plantations de soie appartenant à l'état, et qui occupent un espace de 5 désiatines. Il s'y trouve une petite bibliothèque rurale, un musée de produits agricoles, et un cabinet de drainage. Il y a aussi une société agricole du Turkestan. La société possède une bibliothèque, une pépinière d'arbres fruitiers et organise un cabinet de drainage. Il y a de plus une section de la société russe technique impériale du Turkestan. Les personnes qui s'occupent de quelque branche que ce soit de la technique, peuvent être membres. Le payement annuel est de 6 r. Le cercle archéologique, qui n'a commencé son activité qu'en 1896, et se compose seulement d'un nombre limité de membres, amateurs d'archéologie. On éditait à Tashkent un journal mensuel sous le titre de *Messenger de l'Asie Centrale*, mais depuis 1897 on a cessé cette édition. Maintenant on y édite le *Nouvelliste du Turkestan* qui paraît 2 fois par semaine le dimanche et le jeudi; le prix est de 7 par an; il y paraît aussi la *Gazette Indigène du Turkestan*, une fois par semaine. Le prix de l'abonnement est de 3 r. il est édité en langue sarthe avec la traduction en russe, et une gazette privée, le *Turkestan Russe*, qui paraît tous les jours. Le prix est de 7 r. le rédacteur, Kasperowitsch.

Le premier établissement curatif, fondé en 1870, c'est l'hôpital militaire où l'on reçoit aussi les particuliers. Il n'y avait point d'hôpital de la ville, mais maintenant on a commencé à en construire un.

ОТКРЫТА НА 1902 г. ПОДПИСКА НА

еженедѣльный иллюстрированный журналъ и газету

„РОДИНА“

съ двадцатью четырьмя книгами и многими бесплатными приложениями.

1902 г. (двадцать четвертый годъ изданія) 1902 г.

Каждый подписчикъ получаетъ въ течение года:

- 52 №№ иллюстрированного литературнаго ЖУРНАЛА: романы, повѣсти, рассказы, очерки и стихотворенія лучшихъ русскихъ писателей.
- 52 №№ большой политич. и обществен. ГАЗЕТЫ: новости дня, дѣла и суждья всѣхъ мѣстъ Россіи, правительств. распоряженія, вѣстия и внутренняго политика, фельетоны и проч.
- 52 №№ „ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ — иллюстрированный обзоръ современныхъ событій всего міра съ портретами, рисунками, видами и проч.
- 52 №№ „РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха“ — юмористическія сценки въ прозѣ и стихахъ съ рисунками, шарады, задачи, игры и проч.

24 ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ КНИГИ

раздѣленныя на двѣ группы:

- 12 — подъ назв. „Собраніе романовъ „РОДИНЫ“ (ром., повѣсти и расск. луч. русск. писателей).
- 12 — подъ назван. „Общественная бібліотека „РОДИНЫ“, въ составъ которой войдутъ „Историческая Исторія“ и „Божественная Комедія“ (подробн. см. дальнѣе).
- 12 №№ прилож. драматическ. сочин. подъ назв.: „ДОМАШНИЙ ТЕАТРЪ“.
- 12 раскрашенныхъ листовъ уворотъ для тамбурныхъ, канювыхъ и друг. работъ.
- 12 №№ Модъ и рукодѣль съ рисунками (составл. полный модный журналъ, около 600 рис.).
- 12 листовъ модныхъ выкроекъ въ натуральную величину (около 900 чертежей).
- 12 листовъ рисунковъ для вышивки ажурныхъ и проч. домашнихъ лючительскихъ работъ.
- 12 №№ Сельскаго Хозяйства и Домоводства, а также садоводства и ухода за комн. растеніями.
- 12 №№ нотъ: а) для пѣнія (съ текстомъ) и б) для инструмента. (фортепиано, скрипки, гитары и пр.).
- 12 №№ Для Дѣтей, — повѣсти, рассказы и стихотворенія съ рисунками.

Въ 12 книгахъ „СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ „РОДИНЫ“ печатаются оригиналы (не переводы) сочиненія лучшихъ русскихъ писателей, а „ОБЩЕПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА „РОДИНЫ“ будетъ заключать въ себя:

1) новое общедоступное иллюстрированное издан.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРИЯ

„ВСЕМІРНАЯ ИСТОРИЯ“ должна быть настольною книгою въ каждой семьѣ, такъ какъ она для всѣхъ возрастовъ — молодого и стараго — является наилучшимъ **источникомъ самообразованія**, знакомымъ съ далекими и ближайшими къ намъ событіями исторической жизни всеобщей и выработавшимъ правильный взглядъ и сужденіе о современномъ положеніи вещей. Наше изданіе „Исторіи“ отличается **общепонятнымъ изложеніемъ**, заключаетъ въ себѣ всѣ моменты исторіи и будетъ выходить при „Родинѣ“ выпусками, изъ которыхъ въ 1902-мъ году гг. подписчики получатъ первые десять выпусковъ съ многочисл. рисунками.

2) ПЕРВОЕ въ Россіи общедоступное иллюстрированное полное СГНХОТВОРНОЕ изданіе большого формата (in 4-о) поэмы ДАНТЕ Алигьери.

„БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ“.

Эта поэма, заключающая въ себѣ около 14.000 стиховъ, роскошно иллюстрирована 135 рисунк. Г. Дорэ и выходитъ при „Родинѣ“ въ полномъ стихотворномъ пер. О. Чуминой, въ 6 вып., изъ которыхъ въ 1902 г. выйдутъ два послѣднихъ выпуска (5.000 стих. и до 50 больш. рис.).

Сверхъ того **БЕЗПЛАТНО** гг. подп. получатъ календарь на 12 мѣсяцевъ

- 1) **ОТРЫВОЧНЫЙ** 1902-го года.
- 2) **КАЛЕНДАРЬ-СОБЕСѢДНИКЪ** въ 2-хъ част.: справочн. и литературы.

ВОСЕМЬ художественно воспроизведенныхъ цѣнными красками **КАРТИНЪ**

„СОКРОВИЩА РУССКОЙ ЖИВОПИСИ“

Серія изъ восьми картинъ по слѣдующимъ находящимся въ Русскомъ музеѣ Императора Александра III-го оригиналамъ: 1) И. Е. Рѣпина — „Св. Николай Чудотворецъ“, 2) Г. Семирадскаго — „Иисусъ Христосъ у Марии и Маріи“, 3) А. И. Новосильцева — „Послѣднія минуты митрополита Филиппа“, 4) В. Е. Маковского — „Идеальность и практичность“, 5) И. К. Айвазовскаго — „Островъ Критъ въ 1897 году“, 6) И. Е. Маковского — „Этюдъ мужской головы“, 7) В. В. Верещагина — „Побѣдители“ и 8) И. И. Пимоненно — „Святочное гаданье“.

Подписная цѣна за годъ: безъ доставки 4 р.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р.; съ улажкой и пересылкой по всѣмъ мѣстамъ Россіи **ШЕСТЬ** руб.

Разерочка допускается: при подпискѣ — 2 р., 1-го марта — 1 р., 1-го іюня — 1 р., 1-го августа — 1 р. и 1-го сентября — 1 р.

Подобная программа высылается по требованію бесплатно.

Редакція журнала и газеты „РОДИНА“: С.-Петербургъ, Лиговская ул., с. д. 114

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ (2-й годъ изданія)

„САМОПОМОЩЬ“

ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ СЕМЬИ,

ГИГИЕНИЧЕСКІЙ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ, ТЕХНИЧЕСКІЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ.

12 №№ ЖУРНАЛА ВЪ ГОДЪ И 48 ПРИЛОЖЕНІЙ „БИБЛИОТЕКИ САМОПОМОЩИ“.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями 4 р. въ годъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Николаевская, № 37.

„Помогай себѣ самъ.“! вотъ девизъ нашего времени и идеи самопомощи все болѣе входятъ въ сознаніе людей. Журналь „Самопомощь“ посвящается этой идеи. Это первый русскій популярный журналь, съ столь широкой программой, могущей удовлетворить каждому. Провинціальная интеллигенція, люди труда, мысли и практическаго дѣла, чиновники, помѣщики, военные, священники, учителя, ремесленники, сельскіе хозяева, наконецъ родители и воспитатели—найдутъ въ журналѣ: „Самопомощь“ и его многочисленныхъ приложенійхъ, въ ясной и общедоступной формѣ, много полезныхъ для себя указаній, совѣтовъ и наставленій, въ области медицины и гигиены, сельскаго хозяйства и домоводства, техники и ремесль, воспитанія и обученія и пр.

Въ 1902 году подписчики получаютъ слѣдующія приложенія:

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА. 1. Малокровіе. 2 Гигіена старости. 3 Сонъ и безсонница. 4. Катарръ желудка. 5. Нервность нашего времени. 6. Тучность или ожирѣніе. 7. Гигіена слабогрудыхъ. 8. Домашняя косметика 9 Лечение худобы. 10. Гигіена вольты. 11. Геморрой и привычные запоры. 12. Домашняя аптека.

ТЕХНИКА И РЕМЕСЛА. 1. Пишущія машины. 2. Автомобили. 3. Уходъ за велосипедомъ. 4. Волшебный фонарь 5. Столяръ-любитель 6. Ацетиленовое освѣщеніе. 7. Двигатели малой силы. 8. Электричество въ домашнемъ быту. 9. Рецепты по фотографіи. 10 Граммофоны. 11. Технические рецепты дома. 12. Мелкія производства.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ДОМОВОДСТВО. 1. Система полеводства. 2. Уходъ за плодовымъ садомъ 3. Малина и ея разведеніе. 4. Замѣтки по пчеловодству. 5. Молочное хозяйство. 6. Искусственныя удобренія. 7. Посадка деревьевъ. 8. Устройство цвѣтниковъ 9. Земледѣльческія орудія. 10. Деревенскія постройки. 11. Обработка почвы. 12. Уходъ за лугами.

ВОСПИТАНИЕ И ПЕДАГОГІЯ. 1. Переутомленіе дѣтей. 2. Семейное воспитаніе. 3. Учебные столы и скамейки. 4. Дурныя привычки дѣтей. 5. Дѣтскія игры. 6. Мать и дитя 7. Городъ и деревня для дѣтей. 8. Награды и наказанія въ воспитаніи. 9. Капризные дѣти. 10. Школьная гигиена. 11. Вліяніе наследственности. 12. Нормальная дѣтская.

ПРЕМІЯ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ: Подписчики, подписавшіеся до 1 января 1902 года получаютъ въ видѣ преміи журналь „Самопомощь“ со всѣми приложеніями въ теченіи октября, ноября и декабря текущаго года бесплатно, а всего получаютъ 15 №№ и 60 приложеній.

Подписчики по желанію могутъ подписатися наложеннымъ платежемъ, о чемъ заявляютъ редакціи простымъ, даже открытымъ письмомъ. Первый № журнала имъ высылается немедленно, съ наложеніемъ платежа 4 р. 25 к., (25 к. почтовые расходы), а остальные №№ по полученіи денегъ, высылаются обыкновеннымъ порядкомъ.

№ журнала для ознакомленія высылается съ 4 очередными приложеніями за 50 к. деньгами или марками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

„НОВЫЙ МІРЪ“

иллюстрированный двухнедельный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки искусства и прикладныхъ знаній.

▶ ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ. ◀

въ 1902 году каждый подписчикъ „НОВАГО МІРА“ получитъ съ доставкой и пересылкой:

24

№№ интереснаго богато иллюстрированного литературно-художественнаго журнала „НОВЫЙ МІРЪ“ въ форматѣ лучшихъ наибольш. европейскихъ иллюстрацій, съ приложеніемъ

24

№№ иллюстрированного двухнедельнаго обзора текущей жизни — политической и общественной, и. н. „ВСЕМІРНАЯ ЛѢТОПИСЬ“ въ форматѣ „НОВАГО МІРА“.

24

№№ особаго иллюстрированного журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, и. н. „МОЗАИКА“, вмѣщающая въ себя 16-ть отдѣловъ, представляющихъ собою какъ-бы 16-ть самостоятельныхъ журналовъ.

52

№№ еженедельнаго журнала „ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“, иллюстрированного вѣстника отъчизнѣвн. исторіи, культуры, государственной общественной и экономической жизни Россіи, съ приложеніемъ

52

№№ еженедельнаго обзора текущей русской жизни, и. н. „ВРЕМЕННИКЪ ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ“, представляющаго собою ПОЛНУЮ ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ.

12

№№ ежемѣсячнаго иллюстрированного журнала романовъ, развѣстей, рассказовъ, историческихъ очерковъ и проч. для семейнаго чтенія, и. н. „ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА“, и

ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ, состоящія изъ

12

ИЗЯЩНО ПЕРЕПЛЕТЕННЫХЪ КНИГЪ * * * * *
„БИБЛИОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“
* * * * * ВЪ СОСТАВѢ КОТОРЫХЪ ВОЙДУТЪ

3

СОБРАНІЯ
3 сочиненій, а именно:

СОБРАНІЕ
сочиненій

2

изящно перепл. томъ. Съ биогр. сост. Я. П. Полосинскій;

СОБРАНІЕ
сочиненій

4

изящно перепл. томъ. Въ перев. русск. исс. подъ редакціей П. Н. Полевого и

6

изящно переплетенныхъ томъ. (т. е. 1—6) сочиненій
Д. И. СТАХЪВЕВА
автора извѣстныхъ романовъ: „Духа не угашайте“, „Горы золота“, „Неугасимый свѣтъ“ и ин. др. Все собр. соч. Стахъева будетъ состоять изъ 12 томъ, изъ которыхъ послѣдніе 6 будутъ выданы подписчикамъ 1903 г.

Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій, г.г. подписчики „НОВАГО МІРА“ будутъ получать въ теченіе 1902 года.

БЕЗПЛАТНО

ОБЪЯВЛЕНІЯ КЪ „СИБИРСКОМУ НАБЛЮДАТЕЛЮ“.

ДВА НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ

въ большомъ форматѣ in folio, предпринятія Товариществомъ М. О. Вольфъ:

1) КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА

150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ

и 2) ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА ВЪ МОСКВѢ

150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ.

Головая подписная цѣна „Новаго Мира“ на веленовой бумагѣ, со всеми объявленными приложениями и бесплатными преміями, съ доставкой и пересылкою въ Россію. 14 р.

Съ пересылкой за границу—24 руб.

Гг. подписчики, желающіе получать „Новый Миръ“ на слоновой бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала, съ упомянутыми приложениями, вмѣсто 14 р.—18 рублей: съ пересылкой за границу, вмѣсто 24 р.—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 руб. и ежемесячно не менѣе 1 руб., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 1 декабря 1902 года. Гг. подписчикамъ съ разсрочкой одна изъ объявленныхъ премій (12 переплетныхъ книгъ Библиотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей*) будетъ выслана по уплатѣ послѣдняго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ, покорнѣйше просятъ обозначить НА ОТРѢЗАННОМЪ КУПОНѢ ПОСЛѢДНЯГО (а не отдѣльнымъ письмомъ)—ПОДРОБНЫЙ и ЧЕТКІЙ АДРЕСЪ, а также НА ЧТО ИМЕННО ПРЕДНАЗНАЧАЮТСЯ ВЫСЫЛАЕМЫЯ ДЕНЬГИ

Гг. подписчикамъ, уже имѣющимъ указанныя три собранія сочиненій (Бенедиктова, Мицкевича и Стахѣва), предоставляется получить, взаменъ ихъ, на выборъ: или 12 изданныхъ переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій М. Н. ЗАГОСКИНА, автора романовъ: „Юрій Милославскій“, „Аскольдова Могила“, „Брянскій лѣсъ“ и др., или же 12 изданныхъ переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій ИННОКЕНТІЯ, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, автора „Послѣднихъ дней земной жизни Спасителя“, „Жизни св. ап. Павла“, „Акафистовъ“ и др. богословскихъ сочиненій.— О выборѣ премій редакция покорнѣйше проситъ заявлять по возможности при самой подпискѣ.

Гг. подписчики, желающіе получить при „Новомъ Мирѣ“ въ теченіе одного 1902 года, кромѣ двухъ переплет. т.т. соч. Бенедиктова, 4 перепл. т.т. соч. Мицкевича и 6 перепл. т.т. соч. Стахѣва, также 12 перепл. т.т. соч. Загоскина или же 12 перепл. т.т. соч. Иннокентія, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ „Новаго Мира“ на одно какое-либо собраніе (Загоскина или Иннокентія) 6 рублей, за оба (Загоскина и Иннокентія) 12 рублей.

Подписка на „Новый Миръ“ принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ

Съ ноября мѣсяца 1901 года въ г. Читѣ издается частная политическая, литературная и экономическая газета

„ЗАБАЙКАЛЬЕ“.

Подъ редакціею П. М. Мартынова.

Срокъ выхода газеты ТРИ раза въ недѣлю.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ: на годъ—6 руб., на 6 мѣсяцевъ 3 руб. 25 коп. на 1 мѣсяць 60 коп.

Годовые подписчики, подписавшіеся въ текущемъ году, получаютъ газету, со дня подписки безъ всякихъ приплатъ къ подписной цѣнѣ. Кроме того, всѣмъ годовымъ подписчикамъ, подписавшимся въ теченіе октября и ноября с. г., будетъ выданъ отрывной на 1902 годъ календарь БЕЗПЛАТНО. Гг. иногородніе, желающіе получить календарь съ папкой, подъ заказной бандеролью, благоволятъ прибавлять къ подписной цѣнѣ 3 7-ми копѣчныхъ марки.

Газета „Забайкалье“ будетъ выходить по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ, кроме дней, слѣдующихъ за праздниками, когда срокъ выхода газеты по необходимости измѣняется. Въ тѣ дни, когда газета не выходитъ, а событія, сообщаемыя Телеграфнымъ агентствомъ имѣютъ большой или меньшій интересъ, редакция будетъ выпускать ТЕЛЕГРАФНЫЕ БЮЛЛЕТЕНИ и рассылать городскимъ подписчикамъ ВЪ ТОТЪ-ЖЕ ДЕНЬ, а гг. иногороднимъ вмѣстѣ съ газетою, въ видѣ бесплатныхъ приложений.

Разничная продажа газеты, у разносчиковъ по 7, а въ редакціи по 5 к. на №. Вся корреспонденція, какъ простая, такъ и денежная, адресуется въ Читѣ, Павлу Мартыновичу Мартынову.

Подписка принимается: въ Читѣ, въ конторѣ редакціи: уголъ Большой и Стрѣтенской улицъ, д. Соловьева; въ конторѣ и магазинахъ торговаго дома П. А. Бадмаевъ и К°. Въ Верхнеудинскѣ: въ конторѣ типографіи А. Д. Рейфоничъ и С. Б. Нодельманъ. Въ мѣстахъ приѣма подписки на газету можно подписаться и на получение настольнаго энциклопедическаго словаря, изд. Гранатъ и К°.

Полное (4-е) изданіе включаетъ въ себя: 71890 статей и замѣтокъ, 1567 портретовъ и рисунковъ, 27 географическихъ картъ, 200 таблицъ, рисунковъ и т. п.

Цѣна полному изданію (8-мъ томовъ) со всѣми приложениями, безъ переплета 38 р.

Подписавшіеся на словарь въ редакціи газеты и ея отдѣленіяхъ за пересылку не платить.

При подпискѣ на словарь допускается разсрочка по ТРИ р. въ мѣс.

Гг. народные учителя и учительницы, станичные атаманы, волостные старшины, пасаря, фельдшера, повивальныя бабки, сельское духовенство и чиновники п.-телеграфнаго вѣдомства могутъ вносить по два рубля, и сверхъ того получать въ 1902 году газету „ЗАБАЙКАЛЬЕ“ бесплатно.

Словарь имѣетъ цѣлю—въ сжатомъ изложеніи дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и затѣмъ содѣйствовать болѣе разностороннему развитію, болѣе полному пониманію природы и жизни общества.

При конторѣ редакціи будутъ открыты нижний и писчебумажный магазины. Послѣдній обильно снабженъ ученическими тетрадями, карандашами, досками и пр.

Контора редакціи приметъ на себя выписку другихъ газетъ и журналовъ БЕЗВОЗМЕЗДНО.

Открыта подписка на 1902 г. (XXI годъ изданія) на журналъ для дѣтей

„РОДНИКЪ“

Годовое изданіе «РОДНИКА» состоитъ изъ 12 книгъ (около 2800 столб. текста и 500 рис.).

„РОДНИКЪ“ рекомендованъ, одобренъ и допущенъ для всѣхъ учебн. заведеній.

СОДЕРЖАНІЕ „РОДНИКА“ СОСТАВЛЯЮТЪ:

I. Веллетристика, въ которой редація старается давать больше такихъ вещей, которыя съ интересомъ прочтутъ и взрослые, для чего постоянно привлекаетъ въ журналъ писателей, работающихъ въ журналахъ для взрослыхъ.

II. Біографіи, главнымъ образомъ „людей труда и сильной воли“.

III. Статьи и очерки, знакомящіе дѣтей съ народной поэзіей и сказаніями всѣхъ странъ и народовъ.

IV. Статьи популярно-научнаго характера изъ исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, относящіяся до роднаго быта и природы и написанныя главнымъ образомъ русскими учеными и путешественниками, хорошо изучившими родину.

V. Очерки изъ современной жизни, знакомящіе дѣтей съ выдающимися событіями русской и иностранной жизни.

VI. Описаніе игръ, занятій, опытовъ и мелкіи свѣдѣнія научнаго характера.

Переводы съ иностранныхъ языковъ даются въ умѣренномъ количествѣ, въ виду того, что дѣтскій журналъ прежде всего долженъ знакомить дѣтей съ родной природой и жизнью.

Обращено особенное вниманіе на выѣшность изданія: Помимо многочисленныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, въ „РОДНИКЪ“ помѣщаются отдѣльныя картинки въ краскахъ и снимки съ произведеній извѣстныхъ художниковъ, русскихъ и иностранныхъ.

Выѣстъ съ „РОДНИКОМЪ“ издается ежемѣсячный педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“

посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, гигиены, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“ выходитъ ежемѣсячно, выпусками большого формата въ 32—64 столбца убористой печати

Условія подписки на 1902 годъ ирежнія: на годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“ 5 р. На годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“ и 12 №№ „Воспит. и Обуч.“ 6 р. За границу 8 р. Отдѣльно за 12 №№ педагог. листка „Воспит. и Обуч.“ — 2 руб.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Невскій пр., № 90—92, при магазинѣ книгъ и учебныхъ пособій Н. Н. Морева.

Издатели: { Н. Моревъ.
Алексѣй Альмедингенъ. Редакторъ Алексѣй Альмедингенъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

Съ 1 октября 1901 года начался пятый годъ изданія

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

КРИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

„Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи“.

Назначеніе журнала—дать читающей публикѣ возможность своевременно слѣдить за всѣмъ, что есть новаго въ области литературы, наукъ и библіографіи у насъ въ Россіи и за границею. Въ этихъ видахъ журналъ „КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ ИЗВѢСТІЯ ПО ЛИТЕРАТУРѢ, НАУКАМЪ И БИБЛІОГРАФІИ“ помѣщаетъ иллюстрированныя статьи и замѣтки по вопросамъ изъ указанной области, критическіе отзывы о наиболѣе выдающихся новыхъ сочиненіяхъ, списки новыхъ книгъ и важнѣйшихъ журнальныхъ статей, русскихъ и иностранныхъ, свѣдѣнія о подготовляемыхъ къ печати новыхъ изданіяхъ и пр. Особый отдѣлъ журнала посвященъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Въ теченіе 1901 года въ литературномъ отдѣлѣ журнала были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія иллюстрированныя статьи:

Авторское право въ его прошломъ и настоящемъ. Очеркъ (съ 1 рис.) **Н. Въллозерскаго**.—Бюро газетныхъ справокъ.—**Б. В. Сабининъ** и его опытъ составленія „Росписи русскимъ книгамъ“. Критико-библіографическая замѣтка **Виктора Русакова**.—Вопросъ объ авторскомъ правѣ въ „Союзѣ русскихъ писателей“ (съ 1 рис.). **Н. Въллозерскаго**.—Воспоминаніе о Писемскомъ. **П. Д. Воборыкина**.—Въ обществѣ „королей мысли“. Очеркъ **С. Юрьевскаго**—Двѣ смерти: Писемскій и Достоевскій (Къ двадцатипятилѣтію кончины обоихъ писателей) (съ 2 рис.) **Н. Тихомірова**.—Древнія рукописи въ современномъ воспроизведеніи. Замѣтка **Н. Передольскаго**.—„Журналъ ученыхъ“. Замѣтка **Е. Чернова**.—За мѣсяць. Литературное обозрѣніе (съ 4 рис.).—Императрица Екатерина II-я, какъ писательница. Критическій очеркъ. (По новоду наданія ей сочиненій на основаніи подлинныхъ рукописей (съ 1 рис.). **Ив. Порошина**.—Исторія русской книги въ очеркахъ и образцахъ (съ 50 рис.). **П. И. Покровскаго**.—Источники словаря русскихъ дѣтскихъ писателей. Замѣтка **Виктора Русакова**.—Какъ я задумалъ написать мой романъ „Quo vadis“. Замѣтка **Генрика Сенковича**.—Книга на Парижской выставкѣ.—Письмо изъ Парижа (съ 1 рис.). **И. Готовцева**.—Книжные склады въ Россіи. Статья **Н. Львовскаго**.—Когда и гдѣ читать нашихъ поэтовъ. Статья (съ 1 рис.). **Пл. Ерасова**.—Международный конгрессъ книгоиздателей въ Лейпцигѣ. Сообщеніе Лейпцигскаго корреспондента „Извѣстій“ (съ 5 рис.). **Н. Х.**—Правственность и собраніе книгъ.—Изъ замѣтокъ англійскаго коллекціонера.—Нѣмецкіе библіотечные знаки. Статья (съ 8 рис.). **Ганса Зиггера**.—О безпокойной книгѣ. Очеркъ **Максима Горькаго**.—О критикѣ вообще и литературной критикѣ въ частности (съ 1 рис.). (По Шарлю

Морра). **Н. И. Порошина.**—О недобросовѣстности современныхъ писателей. Статья **Шмелева.**—Осужденная католическою церковью книга. **Замѣтка П. Л. Ерасова.**—Отраженіе собственной жизни писателей въ ихъ произведеніяхъ. Очеркъ (съ 1 рис.). **А. Маврова.**—Русская политическая газета. **Н. Надеждина.** Русскій издатель-благотворитель **К. Т. Солдатенковъ** и его заслуги для русскаго просвѣщенія. Очеркъ (съ 2 рис.). **И. П. Мерцалова.**—Собораніе книгъ,—какъ страсть. Статьи (съ 1 рис.). **Ф. Лопухина.**—Собораніе старопечатныхъ книгъ библиотеки **А. И. Кастерина.**—Современныя русскія женщины-писательницы. Очеркъ (съ 7 рис.). **Вл. Новоселова.**—Союзъ читателей. **Замѣтка П. Сивкова.**—Спеціальная библиотека по благотворительности. **Замѣтка С. Ф. Д.**—Странствующая библиотека (съ 1 рис.).—Успѣхъ Сенкевича—въ Россіи и за границею. (Къ двадцатишестилѣтнюю дѣятельности писателя). Очеркъ (съ 3 рис.). **Виктора Русакова.** Художественное украшеніе книгъ. **Замѣтка (съ 1 рис.). П. Мерцалова.**—Эволюція современной беллетристики.—Интервью съ Марселемъ Прено.

Цѣна журналу въ годъ на полу- **1 р.;** на ведене- **2 р.**
веленовой бумагѣ съ дост. и пер.

Объявленія въ „ИЗВѢСТІЯХЪ“ принимаются съ платою по 25 коп. за мѣсто, занимаемое одною строкою коннарели въ $\frac{1}{8}$ ширины страницы.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества **М. О. Вольфъ.**

С. Петербургъ, Гостинный Дворъ, № 18. Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ Вас. Островъ, 16 лин., д. 5—7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г. (16-я ГОДЪ)

„МЕДИЦИНСКАЯ БЕСѢДА“

журналъ общественной медицины и гигиены.

(Идается съ 1887 г. подъ редакцію **А. Х. САБИНИНА.**

(Большая золотая медаль на 1-й Всероссийской Гигиенической Выставкѣ 1898 г. въ С.-Петербургѣ)

ПРОГРАММА: 1) Правительственныя распоряженія по врачебной части и вѣдомству. 2) Статьи по общественной и частной гигиенѣ, анатоміи, физиологіи, патологическаго статистика. Школьная гигиена. Аптечное дѣло. 3) Статьи по земской медицинѣ. 4) Исторія медицины. 5) Переводныя статьи и рефераты изъ повременныхъ иностранныхъ медицинскихъ изданій. 6) Статьи по различнымъ отраслямъ естествознанія, имѣющія близкое отношеніе къ медицинѣ. 7) Врачебная хроника и смѣсь. 8) Врачебно-бытовые вопросы. 9) Народная медицина. Врачебныя замѣтки. 10) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Протоколы больничныхъ медицинскихъ совѣщаній, отчеты о дѣятельности больницъ и подобнаго рода больничныхъ учрежденіяхъ. 11) Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Годовая цѣна съ доставкой и пересылкой—5 р., для фельдшеровъ и акушерокъ—3 р. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ **К. Л. Риккера;** въ г. Воронежѣ, въ конторѣ редакціи и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. фельдшеровъ, фельдшерницъ и акушерокъ просятъ обращаться въ контору редакціи.

При редакціи имѣется книжный складъ для продажи специальныхъ и общедоступныхъ (популярныхъ) медицинскихъ книгъ и брошюръ; и брошюры высылаются наложеннымъ платежемъ. Складъ принимаетъ заказы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на общественную и литературную газету

„Восточный Вѣстникъ“

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

1902 годъ.

„Восточный Вѣстникъ“ выходитъ въ г. Владивостокѣ, въ форматѣ большихъ газетъ, по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы.	8) Обзоръ внутренней жизни. Сибирская хроника. Русская жизнь.
2) Правительственные распоряженія.	9) Литературное и научное обозрѣніе.
3) Передовыя статьи.	10) Критика и библиографія.
4) Хроника.	11) Фельетонъ.
5) Письма и корреспонденціи.	12) Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній.
6) Статьи по разнымъ вопросамъ, касающимся интересовъ русской восточной окраины и жизни сосѣднихъ странъ: Китая, Японіи и Кореи.	13) Промышленность и торговля.
7) Обзоръ заграничной жизни: Китай, Японія и Корея.	14) Справочный отдѣлъ.
	15) Объявленія.

Газета выходитъ четыре раза въ недѣлю: по Четвергамъ и Воскресеньямъ №№; по Вторникамъ и Пятницамъ — отдѣльныя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Для городскихъ подписчиковъ,

съ доставкою:

За годъ	8 руб.
„ полгода	4 „
„ 3 мѣсяца	3 „
„ 1 мѣсяць	1 „

Для многогородныхъ,

съ пересылкою:

За годъ	9 р. —
„ полгода	4 „ 50 к.
„ 3 мѣсяца	3 „ 50 к.
„ 1 мѣсяць	1 „ 50 к.

За перемѣну адреса 30 к. Розничная продажа — 10 к. №.

Адресъ: г. Владивостокъ. Редакція газ. „Восточный Вѣстникъ“.

Редакторъ-Издатель В. Сущинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

журналъ политическій, литературно-художественный и сатирический

СЪ КАРРИКАТУРАМИ

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“.

Развлечение вступаетъ въ 44-й годъ своего существованія.

Девизъ журнала:

За шутку не сердись,
Въ обиду не вдавайся,
А впрочемъ... берегись!
Въ дурномъ не понадайся!

Цѣль журнала: „РАЗВЛЕКАТЬ“ скучающую столичную и провинціальную публику и заставлять смѣяться надъ другими и очень часто надъ самими собой, а потому журналъ рекомендуется любителямъ веселаго и остроумнаго. Доступенъ всякому возрасту, полу, аванію и состоянію.

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ — журналъ вполне семейнаго характера, не потворствуетъ грубымъ вкусамъ толпы, а старается быть всегда вполне корректнымъ и приличнымъ.

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ безопасно бичуетъ зло, разоблачаетъ разныя „дѣла и дѣлишки“, смѣется надъ всѣмъ, что достойно смѣха и съ веселымъ, остроумнымъ задоромъ отиѣчаетъ комическія стороны жизни.

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ въ наступающемъ 1902 году не измѣнитъ своимъ настойчивымъ стремленіямъ и будетъ: не только Будильникомъ совѣсти, мысли и здравыхъ общественныхъ отношеній, но, стараясь трудиться для общаго блага, какъ Муравей,

будетъ дарить читателей шаловливымъ, какъ Стрекоза мотивомъ. Надѣвая маску Шута, оно будетъ всегда говорить горькую правду въ глаза, звать на свѣтлую дорогу добра, правды и истинны и посларается сметать Осколки всякой нечисти, заграждающей путь къ нравственному усовершенствованію; будетъ временами язвить такъ, что изъ глазъ Искры посыпятся и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить для читателей всегда истиннымъ „РАЗВЛЕЧЕНІЕМЪ“.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ 1902 г. дастъ своимъ подписчикамъ:

Пятьдесятъ номеровъ журнала, въ которыхъ будетъ помѣшено болѣе 800 прекрасно исполненныхъ рисунковъ перомъ, карандашемъ и въ краскахъ извѣстныхъ каррикуристовъ-художниковъ. Литературный отдѣлъ будетъ вмѣщать въ себѣ массу художественныхъ рассказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода сатирическихъ и юмористическихъ мелочей, дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества столицы и провинціи (провинціальной злости дня и курьезы будутъ помѣщаться въ текстѣ и рисункахъ). Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться юмористическія иллюстраціи въ краскахъ къ пронаведеніямъ болѣе извѣстныхъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей, каррикури политич. характера, портреты извѣстныхъ артистовъ и художниковъ въ юмористическомъ духѣ и т. п.

Годовая цѣна журнала съ преміями, приложеніями, оберткой, упаковкой и перевозкою
ТОЛЬКО СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ предоставляется право выбрать **ПРЕМІЕЙ** одно изъ слѣдующихъ изданій журнала „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“:

1) „Царь Федоръ Іоанновичъ“, трагедія графа Толстого.
Художественный альбомъ (12 картинъ въ краскахъ).	3) Полное собраніе юмористическихъ сочиненій А. Педро (А. П. Подурова) (два тома).
2) { Юбилейный альбомъ „Развлеченія“. Альбомъ въ изящной обложкѣ, заключаетъ въ себѣ портреты всѣхъ сотрудниковъ журнала, 8 картинъ, исполненныхъ красками рассказы, сцены, очерки, стихотворенія, мелочи и т. п.
„Смѣхъ и слезы“, С. А. Епифанова. Смѣшные рассказы, сцены, шутки и лирическія стихотворенія.	4) „Русскія пѣсни въ лицахъ“ (большой художественный юмористическій альбомъ, заключающій въ себѣ около 100 каррикатуръ въ краскахъ).
5) „На родной землѣ“, Е. Опочинина 1) Очерки и рассказы. 2) Поѣздка въ село Михайловское.
6) Юмористическая хрестоматія (для дѣтей старшаго возраста, отъ 40 до 100 лѣтъ).

Подписавшіеся на журналъ „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ имѣютъ право приобрести **ОТДѢЛЬНО** каждое изъ изданій (по рубрикамъ) за 1 рубль.

Премія высылается съ первымъ №^о журнала.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **ТРИ** руб., въ мартѣ **ДВА** руб., въ апрѣлѣ **ОДИНЪ** руб. и маѣ **ОДИНЪ** руб. (Пробный № высылается за **ТРИ СЕМИКОПЕЕЧНЫЯ** марки).

Адресъ редакціи: Москва, Петровка, Богословскій пер., домъ Кабанова (противъ театра Корша).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ. Изданія годъ 8-й.

НА ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МУЗЫКА и ПѢНІЕ“

Подписной годъ начинается съ 15 ноября 1901 г.

для пѣнія одноголоснаго и хороваго, фортепіано и другихъ инструментовъ.

ОДОБРЕНЪ Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для библіотекъ духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ. (Утверждено Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода 18 мая 1897 г. № 600).

ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, среднего и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, за всѣ года изданія, и журналъ включенъ въ списокъ періодическихъ изданій разрѣшенныхъ и впредь къ выпискѣ для означенныхъ заведеній. (Утв. Его Сіятельствомъ Г. Министромъ 3 апрѣля 1896 г. № 8208 и Его Превосходительствомъ Г. Товарищемъ Министра 22 января 1898 г. № 1930). ОДОБРЕНЪ Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и включенъ въ списокъ періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ къ выпискѣ бесплатными народными читальнями и библіотеками (Утверждено Его Превосходительствомъ Г. Товарищемъ Министра 11 января 1899 г. № 538).

РЕКОМЕНДОВАНЪ Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній кадетскими корпусамъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки. (Утверждено Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, 20 января 1896 г. № 1251).

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

700 страницъ большаго нотнаго формата. **180** столбцовъ текста. **20** духовно-музыкальных и хоровыхъ сочиненій.

100 пьесъ на 1, 2 и 3 голоса, замѣняющихъ 100 метрудныхъ пьесъ для фортепіано или фисгармоніи. **40** избранныхъ романсовъ на 1 и 2 голоса съ фортепіано.

100 избранныхъ фортепіанныхъ пьесъ **10** лучшихъ сочиненій для 1 и 2 скрипокъ, альтъ, и новѣйшихъ танцевъ. **10** лучшихъ сочиненій для 1 и 2 виолончли, флейты и др. инструментовъ. Домашній оркестръ. Кроме того БЕЗПЛАТНО полную знаменитую оперу въ 5 актахъ „ФАУСТЪ“ музыка Ш. Гуно для фортепіано въ 2 руки съ русскимъ и французск. текстомъ. (Можетъ быть замѣнена другою преміей).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ: безъ доставки **4 р.**, съ доставкой и пересылкой по всей Россіи **5 р.**, съ прем. **6 р.** За границу **6 р.**, съ прем. **7 р.** Разсрочка по **1** рублю.

Цѣна № 1-го въ отдѣльной продажѣ **75 к.** Съ пересылк. **1 р** (можно марнами).

Кромѣ того, желающіе изъ гг. подписчиковъ за добавочную плату одинъ рубль, могутъ получить на выборъ одну изъ поименованныхъ ниже премій: новую книгу д-ра Гарно „РѢЧЬ и ПѢНІЕ“ Актъ. Ф. школа сольнаго пѣнія, въ 4 част. Полныя оперы для форт. въ двѣ руки, Гуно: Фаустъ (225 стр.). Визе: Карменъ (200 стр.); новыя изданія съ прибавленіемъ балетовъ. Верди: Анда, Риголетто Кавалченто: Князь Серебряный, Леонковалло, Р. Пацци, съ текстомъ. Мейерберъ: Дж. Гуго: Понти, въ 5 д. съ русскимъ и фр. текстомъ. Вагнеръ: Р. Тангейеръ, въ 3-хъ д. съ русск. и нѣмецк. текстомъ. Брянскій, П. „Музыкантъ“ опера для дѣтей. Делибъ: Коппелліа, балетъ. Новыя он. Жюзефъ С. Гейша, Санъ Той. Гуно, Ш. Ромео и Жульета. Опера въ 5 актахъ, Вальдтейфель: Альбомъ избранныхъ вальсовъ, кн. I или II (по 100 въ каждомъ). Школы для фортепіано: Вейера, Бургмюллера,

Вольфарт (Переведена на русскій яз. и дополн. Л. Петровымъ). Школа самоучитель А. Ле-Барпантье. Уапонъ: Этюды для фортепіано. Беріо: Школа для скрипки, ч. 1. Школа для балалайки въ 2 част. съ прибав. альбома 42 пьесъ и танцевъ, АЛЬБОМЫ ДЛЯ ПЬЩИ: № 1-й, 67 сочиненій на 1 и пѣсколько голосовъ. № 1-а. Пиминъ и ямамъ хор. прѣва. 28 хоромъ. соч. для однопред. и смѣш. хора. № 2, 17 арій и романс. на 1 голосъ съ форт. № 3, 18 арій и романс. на 1 гол. съ форт. № 4, 16 арій и романс. на 2 голоса съ форт. № 5, 18 арій и романс. на 1 гол. съ форт. № 6, 25 Духонно-музык. соч. № 9, 25 нов. и люб. цыганскихъ романсовъ. АЛЬБОМЫ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО ВЪ 2 РУКИ. № 1, 52 легкихъ пьесы (сезъ октавъ). № 2, 20 нетрудныхъ пьесъ (Гекшалъсъ, Зеневъ). № 2-а, 20 нетрудныхъ пьесъ (Геншалъсъ, Зеневъ). № 3, 56 пьесъ для юношества (Шуманъ). № 3-а, 63 этюда и гаммы. (Бургомюллеръ, Чернякъ). № 4, 16 самоучительск. пьесъ. ср. труд. № 4-а, 15 салон. пьесъ ср. тр. № 5, 29 салон. пьесъ ср. тр. № 5-а, 25 салон. пьесъ ср. тр. № 6-а, 26 салон. пьесъ ср. тр. № 7, 16 салон. пьесъ ст. тр. № 8, 10 избр. нов. вальсовъ. № 8-а, 12 избр. нов. вальсовъ. № 9, 14 нов. танцевъ-маршей. № 9-а, 15 новѣйшихъ танцевъ (Шведъ-мать, Шакоцъ, Миньонъ и пр.). № 9-б, 20 любимыхъ танцевъ въ легк. арабж. 10 знам. танцевъ Валдтейфли, 3 калъсъ Ивановича, Метра, Двѣт. и др.) № 10, 10 знаменитыхъ увертюръ. № 10-а, 14 довольно труд. салон. пьесъ, АЛЬБОМЫ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО ВЪ 4 РУКИ. № 1, 16 пьесъ. № 2, 10 пьесъ. АЛЬБОМЪ 29 сочин. для гармоніумъ, фисгармоніи или фортепіано 27 оперныхъ счин. и др.). АЛЬБОМЫ для одной скрипки № 1 и № 2 АЛЬБОМЫ ДЛЯ ПЬЕСЪ: для 1 и 2 скрипокъ. № 1 и 2. АЛЬБОМЫ для скрипки, съ фортепіано: № 1, легкихъ пьесъ ст. тр. АЛЬБОМЫ для оркестра. Содержаніе альбомовъ см. объявленія.

*) Въѣсто оперы „Фаустъ“ г.г. подписчики могутъ получить безплатно одну изъ поименованныхъ выше премій, которая г.г. подписчикамъ улажившимъ одному подписному листу за журналъ, высылается съ № 1 журнала.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала „МУЗЫКА и ПЬЩЕ“ при книжномъ и музикальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова.

С.-Петербургъ, Садовая 22, противъ Гостиннаго двора.

Редакторъ-Издатель П. Селиверстовъ.

О подпискѣ въ 1902 году на журналъ

„МИССИОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ“

(XII ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

издаваемый состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Сергія Александровича, Братствомъ св. Василія, Епископа Рязанскаго.

„Миссіонерскій Сборникъ“ имѣеть своею цѣлію служить интересамъ св. Церкви Христовой въ ея борьбѣ съ расколомъ старообрядства, русскимъ сектантствомъ рационалистическаго и мистическаго направленій и магометанствомъ.

Издается по программѣ, утвержденной Св. Синодомъ и состоящей изъ 4-хъ отдѣловъ:

Отд. I) Узаконенія и распоряженія гражданской и церковной власти. Официальные отчеты. Отд. II) Научно-литературныя статьи. Бесѣды и поученія. Неизданные памятники древности. Библиографія. Списки книгъ. Отд. III) Извѣстія по Рязанской епархіи. Отд. IV) Обзоръ текущихъ событий въ иныхъ епархіяхъ.

Третій Всероссийскій миссіонерскій съѣздъ (въ г. Кавани) признавалъ журналъ этотъ полезнымъ пособіемъ при борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ, рекомендовалъ его для пріобрѣтенія во всѣ церковно-приходскія и благотворительскія противораскольническія и противосектантскія бібліотеки.

„Миссіонерскій Сборникъ“ выходитъ разъ въ два мѣсяца книжками не менѣе пяти печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за годовое изданіе ДВА РУБЛЯ съ пересылкой.

Адресъ: г. Рязань, въ редакцію журнала „Миссіонерскій Сборникъ“.

Редакторъ Петръ Добромысловъ.

Годъ VI. 1902.

ВѢДОМСТВО УЧРЕЖДЕНІЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ.

Открыта подписка на журналъ
ВѢСТНИКЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Журналъ, посвященный всѣмъ вопросамъ, относящимся до благотворительности и общественнаго призрѣнія.

Органъ Вѣдомства дѣтскихъ приютовъ.

Журналъ издается Центральнымъ Управленіемъ дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, подъ редакцію дѣйств. статск. сов. Евгенія Севастьяновича ШУМИГОРСЕАГО.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками объемомъ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ.—Подписная цѣна за годовое изданіе, съ доставкой и пересылкою, три рубля.—Доходъ отъ изданія, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, обращается въ пользу дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.—Подписка принимается въ редакціи (С.-Петербургъ, Казанская ул., 7).—Статьи для напечатанія и всѣ запросы, касающіеся журнала, должны быть адресуемы исключительно въ редакцію.—Редакція для личнаго объясненія открыта, исключая воскресные и праздничные дни, ежедневно отъ 2 до 3 час. пополудни.—Отдѣльные №№ продаются по 30 коп.—Лица, желающія получить „Вѣстникъ Благотворительности“ за 1897, 1898 и 1899 гг. могутъ присылать свои требованія въ редакцію съ приложеніемъ трехъ рублей. Число экземпляровъ за 1897 г., оставшіеся въ редакціи, крайне ограничено.—Объявленія принимаются за строчку или занимаемое ею мѣсто по 15 коп.

ПРОГРАММА.

I. Официальный отдѣлъ. Распоряженія Правительства. II. Специальный отдѣлъ, посвященный дѣятельности Вѣдомства дѣтскихъ приютовъ и другихъ благотворительныхъ учреждений. III. Литературный отдѣлъ. Разработка всѣхъ вопросовъ благотворительности и общественнаго призрѣнія, очерки русскихъ и заграничныхъ учреждений, литература, журналистика и хроника русской и иностранной благотворительности. IV. Объявленія.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Казанская ул., 7.

Открыта подписка на 1902 г. (XIV г. изданія)

на большую ежедневную политическую, общественную и литературную газету, издаваемую безъ предварительной цены, съ еженедѣльными иллюстрированными добавленіями.

„Русскій Листокъ“

(XIV годъ изданія).

Газета принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій, благодаря своему чисто русскому направленію, безусловной свѣжести и новизнѣ помѣщаемыхъ сообщеній и всего матеріала, а также благодаря живости, краткости и ясности печатаемыхъ въ ней статей извѣстныхъ журналистовъ. Всѣ административныя новости (сообщаемыя по телефону изъ Петербурга и по телеграфу изъ другихъ мѣстъ) появляются въ „РУССКОМЪ ЛИСТКѢ“ не только одновременно съ петербургскими газетами, но даже часто и раньше послѣднихъ.

Свои корреспонденты имѣются во многихъ городахъ Россіи и за границей—въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Софіи, Римѣ, Женевѣ и др., а въ случаяхъ особой важности командированы специальные корреспонденты. Въ истекшемъ году было послано 6 кор.—въ Данцигъ, Реймсъ и Дюнкерхенъ на торжества, въ Брюссель—на конгрессъ, въ Боснію и Герцеговину—во время смуты).

Обширность программы „РУССКАГО ЛИСТКА“ даетъ возможность предложить читателямъ большое обиліе самаго разнообразнаго матеріала. Ежедневно въ фельетонахъ помѣщаются лучшіе романы, повѣсти, историческія и научныя статьи.

Иллюстрированныя добавленія извѣстны по своей художественности, въ 1902 г., какъ было и въ истекшемъ 1901 г. будутъ выходить ЕЖЕНЕДѢЛЬНО и за годъ составлять объемистый томъ съ массою рисунковъ портретовъ, модъ и т. п. Всѣ болѣе крупныя событія дня иллюстрируются фотографическими снимками нашего фотографа.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ	8 р. — к.	на 3 мѣс.	2 р. 50 к.
„ 6 мѣс.	4 р. 50 к.	„ 2 мѣс.	1 р. 70 к.
„ 4 мѣс.	3 р. 80 к.	„ 1 мѣс.	— р. 90 к.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка:

при подпискѣ—5 р. и къ 1 июля 3 р. или при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 июля—2 р. Кроме того, допускается особая разсрочка по 1 р. въ мѣсяць—въ теченіе 8 мѣсяцевъ, считая съ января.

Адресъ главной конторы: Москва, Мясницкая, д. № 20.

Свои отдѣленія—въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ, Калугѣ и Рязани,

Редакторъ-Издатель Н. Л. Назецкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

на ежедневную общественно-литературную, политическую и экономическую газету

„Пермскія Губернскія Вѣдомости“

„Пермскія Вѣдомости“ издаются по программѣ и форматѣ, вообще, большихъ ежедневныхъ газетъ.

Постепенныя улучшения какъ внутренняго содержанія газеты, такъ и внѣшней технической стороны ея—служили и въ наступающемъ году будутъ служить предметомъ неустанныхъ заботъ редакціи. Обезпеченная достаточными, отъ такого изданія, средствами и, въ силу особыхъ условій существованія газеты, свободная отъ стремленія извлекать матеріальныя выгоды отъ изданія въ пользу отдѣльныхъ лицъ, редакція „Перм. Вѣдом.“ всѣ свои средства обращаетъ исключительно на развитіе дѣятельности газеты. Это обстоятельство даетъ редакціи возможность постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ и, вообще, вести дѣло прогрессивно, не скупясь на затраты.

Въ Петербургѣ, Москвѣ и друг. крупныхъ центрахъ Имперіи „Пермскія Вѣдомости“ имѣютъ своихъ корреспондентовъ.

Ежедневныя сообщенія получаются отъ спеціального Петербургскаго корреспондента.

Постоянныхъ корреспондентовъ „Пермскія Вѣдомости“ имѣютъ въ Екатеринбургѣ, Ирбитѣ, Н.Тагилѣ, Кунгурѣ, Красноуфимскѣ, Камышловѣ, Шадринскѣ, Соликамскѣ, Чердынѣ, Верхотурьѣ, Осѣ, Оханскѣ, въ заводахъ и въ многочисленныхъ селеніяхъ всѣхъ уѣздовъ губерніи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ доставкой и пересылкою: на годъ—7 руб., на 11 мѣс.—6 р. 50 к., на 10 м.—6 р., на 9 м.—5 р. 40 к., на 8 м.—4 р. 80 к., на 7 м.—4 р. 20 к., на 6 м.—3 р. 60 к., на 5 м.—3 р., на 4 м.—2 р. 40 к., на 3 м. 1 р. 80 к., на 2 м.—1 р. 20 к., на 1 мѣс.—60 к.

Въ уплатѣ подписной суммы ГОДОВЫЕ подписчики могутъ пользоваться разсрочкой, внося при подпискѣ 2 руб. и затѣмъ ежемѣсячно къ 1-му числу по 1 р. до погашенія всей подписной суммы.

Для учителей начальныхъ народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ грамоты и законоучителей этихъ училищъ подписка на годъ принимается за 5 руб., съ разсрочкой уплаты—при подпискѣ 2 руб. и затѣмъ по 1 руб. ежемѣсячно, къ 1 числу, до погашенія всей подписной суммы.

Для лицъ, желающихъ воспользоваться возможно льготной разсрочкой во вносѣ подписной платы, контора редакціи принимаетъ ГОДОВУЮ ПОДПИСКУ при условіи вноса первоначально 1 р. 20 к. и затѣмъ по 60 коп. ежемѣсячно впередъ.

Лицамъ, не состоявшимъ подписчиками въ 1901 г., при заблаговременной подпискѣ на весь 1902 годъ, газета, со дня подписки, до 1-го января 1902 года высылается безплатно.

Подписка принимается только съ 1-го по 1-е число мѣсяца.

При подпискѣ въ разсрочку необходимо указывать, какою именно разсрочкою (обыкновенною или льготною) желательно пользоваться, и озаботиться объ аккуратной высылкѣ срочныхъ взносовъ, во избѣжаніе прекращенія высылки газеты.

Année III.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

Entrant dans la 4-e année de son existence, va paraître en l'année 1902 illustré comme auparavant, en langues russe et française, en livres de 96 à 140 pages d'18 de feuille chacune au lieu de six, douze fois par an.

D'APRÈS LE PROGRAMME SUIVANT NOUVELLEMENT SANCTIONNÉ ET AUGMENTÉ:

1) Description des voies de communication conduisant en Sibérie et les territoires russes de l'Asie, ainsi que de celles existant dans ces localités et les Etats qui y touchent. 2) Description des villes et des bourgs. Renseignements sur l'administration de la justice et l'ordre judiciaire. Sources minérales. Renseignements sur les théâtres sur les sociétés érudites, celles de bienfaisance et autres. 3) Renseignements succinct, descriptifs et servant de guide, en langue française. 4) Vues de localités remarquables de villes, portraits des souverains et autres personnages distingués. 5) Variétés. 6) Récits, anecdotes, poésies. 7) Renseignements portant un caractère bibliographique sur les livres nouvellement parus, particulièrement sur ceux qui ont rapport à la Sibérie et la Russie d'Asie. 8) Annonces.

De son côté la Rédaction fera tout son possible pour que l'édition remplisse son but et donne aux personnes désirant faire connaissance avec la Sibérie et la Russie d'Asie, tous les renseignements indispensables sous le rapport historique, géographique, ethnographique et de plus des articles littéraires propres à la lecture. Bien des collaborateurs des gazettes locales, et autres personnes prendront part au travail de la rédaction.

Prix pour une année 4 roubles, pour $\frac{1}{2}$ année 2 r. 50 cop., frais de post y compris. Pour l'étranger, le prix de „l'Observateur“ est augmenté de 3 r. Dans la vente en détail, le prix d'un livre est de 40 k. Pour être expédié en Russie, 50 et à l'étranger, 60. Les personnes désirant qu'il soit fait mention de leurs ouvrages et leurs publications, sont priées d'un envoyer un exemplaire à la Rédaction.

Prix des annonces: une page 15 r., $\frac{1}{2}$ 10 r., $\frac{1}{4}$ 6 r.

L'abonnement et les annonces sont reçus: A la Rédaction de «l'Observateur» à Tomsk: Rue Dvorianskaïa № 4, (Téléphone № 1), et à la librairie de P. J. Makouchine; à Moscou—chez J. K. Goloubeff (Pokrofska, 52, maison appartenant à l'église de St. Jean Baptiste); à Barnaoul chez F. A. Brizgaloff, rue de Pavlovskaïa. A Varsovie à la librairie de N. P. Karbasnikoff (Nouveau Monde № 67); à Omsk, à la librairie d'Alexandroff. A Krasnoïarsk, à la librairie A. T. Komaroff. A Wladivostok, a librairies V. E. Filipshtchenkó et Cie. A Kaïnsk chez le notaire I. S. Miagtschilowitsch—Volsky; à Biisk—chez A. A. Zilberbart.

Le Rédacteur-Editeur W. A. Dolgoroukoff.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Сибирскій Наблюдатель“

вступающа въ 4 годъ своего существованія, будетъ выходить въ свѣтъ въ 1902 году по прежнему съ иллюстраціями, на русскомъ и французскомъ языкахъ, книжками 12 разъ въ годъ, отъ 96 до 140 страницъ въ $\frac{1}{16}$ долю листа въ каждой, по слѣдующей, вновь утвержденной, расширенной программѣ:

1. Описаніе путей сообщенія, какъ ведущихъ въ Сибирь и Азіатскія владѣнія Россіи, такъ и существующихъ въ этихъ мѣстахъ и государствѣхъ, сопредѣльныхъ съ ними.
2. Описаніе городовъ и поселеній. Свѣдѣнія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ. Мисіонерскіе источники. Свѣдѣнія о театрахъ, учебныхъ, благотворительн. и другихъ обществѣхъ и т. п.
3. Краткія путешественскія свѣдѣнія на французскомъ языкѣ.
4. Виды замѣчательныхъ мѣстностей, городовъ, портреты государей и члѣн-ли-о выдающихся личностей.
5. Смѣсь.
6. Разказы, анекдоты, стихотворенія.
7. Свѣдѣнія біографическаго характера о вновь выходящихъ книгахъ, преимущественно по землѣ — населяюща Сибиря и Азіатской Россіи вообще.
8. Иностранное обозрѣніе. (Свѣдѣнія о событіяхъ въ иностранныхъ государствахъ).
9. Объявленія.

Редакція съ своей стороны приложитъ всѣ старанія, чтобы изданіе удовлетворяло своему назначенію и давало для лицъ, желающихъ ознакомиться съ Сибирью и Азіатской Россіей, всѣ необходимыя свѣдѣнія въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, а также литературный матеріалъ для чтенія. Въ трудахъ редакціи примутъ участіе многіе сотрудники мѣстныхъ газетъ и др. лица. Укажемъ на М. Р. Бейлина, В. П. Булыгина, А. Бахарева, Р. Л. Вейсмана, З. Д. Вольскаго, Д. Д. Вольсона, А. К. Голодниковъ, И. К. Голубева, Ю. А. Горбатовскаго, Н. А. Гурьева, В. А. Долгорукова, М. С. Кл.—на (псевдон.), Д. Н. Корнатовскаго, А. М. Красовскаго, Е. Ф. Кудрявцева, С. А. Коваленко, А. А. Колычева, П. Н. Копылова, И. П. Кузнецова-Красноярскаго, Е. В. Кузнецова-Тобольскаго, С. К. Кузнецова, А. Б. Ключе, П. Куз.—на, Р. В. Лоренцони, Вае. Ив. Немировича-Данченко, Н. Н. Новикова, П. В. Оленина, М. И. Цейнера, Н. В. Скорнякова, Г. Сергѣева, Е. Я. Ситгурскую, А. А. Скороходова, Э. Станиславскую, Ф. Ф. Филимонова, и др.

Цѣна въ годъ 4 руб., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к. съ доставкой и пересылкой. За пересылку за границу добавляется еще 3 рубля.

Лица, желающія имѣть отзывы о своихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, благоволятъ доставить въ редакцію экземпляры ихъ.

Цѣна объявленій: 1 страница 15 руб., $\frac{1}{2}$ —10 руб., $\frac{1}{4}$ —6 руб.

Подписка и объявленія принимаются: въ редакціи „СИБ. НАБЛЮД.“ въ г.р. Томскѣ, Дворянская ул. № 4 (телеф. № 11) и въ книжномъ маг. П. И. Макушина; въ Москвѣ—у И. К. Голубева, Покровка, 52, домъ церкви Іоанна Предтечи въ Барнаулѣ—у Ф. А. Брызгалова; Томская ул., д. Коноплина; въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Новый Свѣтъ, 67); въ Омскѣ: въ кн. маг. Александра; въ Красноярскѣ: въ кн. маг. А. Ф. Комарова въ Владивостокѣ—въ маг. С. А. Зензинова и въ кн. маг. В. Е. Филиченко и К^о; въ Каинскѣ—у Нотаріуса І. С. Мягчиловича Вольскаго.

Лица, присылающія свои рукописи для помѣщенія въ „Дорожничка“, должны обозначить условія, на какихъ они желаютъ ихъ помѣстить. Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безымянными. Всѣ принятые статьи подлежатъ измененіямъ и сокращеніямъ по усмотрѣнію редакціи. Непринятые статьи объемомомъ менѣе 4-хъ писанныхъ страницъ и стихотворенія уничтожаются; остальные сохраняются въ редакціи до востребованія ихъ авторами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Приняты всѣ зависящія отъ насъ мѣры къ аккуратному выходу книжекъ.

Редакторъ-Издатель В. А. Долгоруковъ.